

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 1

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас..» (С)

Мысли - это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, прозы которых заставят каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

ISBN-13: 978-1983779343

ISBN-10: 1983779342

УДК: 1751

ОГЛАВЛЕНИЕ

Александра Артуа.....	4
Котова Алина.....	11
Сиреневая вафля.....	14
Полякова Анна.....	16
Джолиан Лин.....	21
Дэ Лэн.....	38
Айлани Ширр.....	39
Карлагина Мария.....	42
Лапухова Мария	47
Персиковый Лис.....	53
Петрова Яна.....	65
Рослякова Елизавета.....	68
Носенко.....	69
Антонио Вест Сальварес.....	70
Сара Цукер.....	76
Стейси Гарсиа.....	83
Фатеева Светлана.....	87
Nika May.....	95
Ярось Алёна.....	100
Bloody Orchid.....	108
Контактная информация авторов.....	113

Александра Артуа

Энтропия разбитого города

Посвящается Алисе Леоновой и Анастасии Лазаренко

«И вышел Сеятель сеять. Увидел он плодородные земли. И сбросил семена Сеятель. Упали они на землю и произросли из каждого тысячи прекрасных растений.

Но тогда он подумал: «Разве красив цветок, когда он – среди других таких же? Разве есть в нём ценность?»

И с тех самых пор только один цветок из семени может носить данное Сеятелем Имя. С тех самых пор и во веки веков».

Осколки стёкол сияющими брызгами оседают на пол. Я отскакиваю прочь, и туда, где была моя нога секунду назад, вонзается кинжал.

- Это бесполезно. Просто сдайся уже.

Лезвие, что она вертит в руках, отбрасывает блики, соединяющиеся с осколками причудливым солнечным узором. Сколько у неё осталось кинжалов?

- Ты реально глупая или прикидываешься? У тебя же нет оружия, что ты будешь делать? Или собираешься бегать вечно?

Слишком рано. Я предпочту не рисковать. Она неудобный противник для меня.

Солнечный свет стекает с торчащих из оконной рамы осколков. Мой разбитый город медленно окунается в закатное месиво облаков, дыма от заводов и белых росчерков самолётов.

А я бегу так быстро, что разбитые окна кажутся разбитой реальностью, рваной раной, истекающей крошками стекла и каплями крови розово-красного неба. Меч, спрятанный заранее в этом заброшенном здании, удобно и привычно прыгает в руку.

Её тело падает на пол с грохотом, взметнув вокруг стеклянную пыль и ослепив меня на мгновение. Последний кинжал выпадает из ослабевших рук, и я не уверена, что смогу отличить его сияние от блеска покорёженных, измученных окон.

И от света Имени, что золотыми светлячками отлетает от её правой руки и исчезает где-то в робоине на потолке.

- Двадцать восьмая, - констатирую я факт, равнодушно наблюдая за тем, как кровь капает на грязный линолеум. – Осталось четверо.

Прячу меч на другом этаже этого здания. На случай внезапных нападений у меня есть карманные ножи, а также сабля в квартире. Но хорошо бы обманывать их своим якобы паническим бегством и «случайно» заманивать сюда. Это место я знаю намного лучше, чем они, и это моё преимущество.

Лестница в некоторых местах провалилась и покрылась мхом. Не знаю, что здесь было раньше – возможно, жилой дом. Или школа. Сейчас здесь всё разбито и разрушено. Энтропия поглотила это место, оставив лишь осколки, затхлый запах и пылинки, кружащие вокруг ворохом блёсток.

Энтропия поглотила это место, оставив лишь меня.

Си должна ждать меня на некотором расстоянии отсюда. Нужно идти, пока она не начала переживать за меня. Си – хорошая девочка, которая никогда не пачкает руки кровью.

Си – хорошая девочка. Поэтому я делаю это вместо неё, даже если она совсем не против умереть, лишь бы не иметь такого ужасного Имени.

Я же думаю, что любое Имя станет великим, если расцветёт в нужном человеке.

Я разворачиваюсь и бросаю последний взгляд на скалящиеся неровными осколками провалы окон. Солнце уже расплавилось на горизонте, оставив после себя лишь пару неровных

красных масляных капель. Мой разбитый город готовится ко сну. А я не стану спать этой ночью, как и множеством других ранее.

Может, потому что я не разбита. Может, потому что боюсь исчезнуть, закрыв глаза.

Мне просто повезло, если подумать. Последние искры света помешали ему прицелиться. Поэтому пуля просвистела мимо меня, и я успеваю спрятаться в густых зелёных зарослях. Однако, к моему удивлению, стрелок сам выходит из своего укрытия, убрав пистолет в кобуру, висящую на поясе.

И поднимает руки вверх.

- В данный момент нет никаких причин тратить силы на бесполезные попытки убить друг друга. У тебя нет огнестрельного оружия, я же, пытаюсь выманить тебя из укрытия, лишь рискую потерять время и дать тебе возможность незаметно приблизиться ко мне на расстояние, которое требуется для того, чтобы втянуть меня в неудобный мне ближний бой. Конечно, я могу попробовать стрелять по этим кустам до посинения, но нет никакой гарантии, что ты не сбежишь. Поэтому предлагаю мирно разойтись для того, чтобы сойтись в битве в другой день.

Слова стрелка звучат вполне разумно, и я, подумав над этим предложением пару секунд, достаю запасной ножик и медленно покидаю укрытие.

Си готова умереть, лишь бы не носить такое ужасное Имя.

Моё Имя не лучше, если вдуматься.

И женское, и мужское, оно умножает количество людей, что я должна убить, и кровью стекает с моих ладоней.

«Защитница» - это всегда битвы и война. Даже когда всё кончится – мне не скрыться от своего бремени, потому что сама суть этих сражений, отчаянное и дикое желание выжить и сохранить себя – это и есть я.

Это моё Имя. Это моё клеймо, выжженное на коже.

И никто на свете не способен отнять его у меня, потому что я не боюсь ни крови на своих руках, ни стеклянных осколков, ни энтропии моего разбитого города, стремящегося к хаосу с самоубийственным отчаянием существа, которому нечего и некого терять.

- Хорошо.

Мы стоим напротив, молча рассматривая друг друга. Нас ничего не связывает. Нам нечего делить. Кроме Имени, что нам дали когда-то и что нам даже не принадлежит.

При любых других обстоятельствах мы не стали бы сражаться. Но ничего не поделаешь. Сеятель ли так решил, или кто-либо ещё, однако в нашем мире ты жив, ты существуешь, если у тебя есть Имя. Если до церемонии Наречения ты не останешься один, и ты, и другие носители Имени умрут.

Ничто не даётся просто так.

В его внешности нет ничего особенного. Светло-русые волосы, карие глаза, резко выдающиеся скулы. Просто парень – ни больше ни меньше.

Впрочем, обо мне на первый взгляд тоже нечего сказать.

Количество наших жертв не высвечивается на лице неоновыми цифрами. Кровь не горячит пальцы, даже если бессонными ночами мне кажется иначе. Мы – обычные люди. Такие же, как все.

- Встретимся завтра в семь вечера для того, чтобы закончить битву? – предлагает он, ероша и без того лохматые волосы рукой.

- Хорошо, - снова повторяю я и, развернувшись, медленно и напряжённо бреду к тропинке, чувствуя идеально ровной спиной его взгляд.

Он так и не делает ничего подозрительного. Хотя я иррационально желаю повернуться и закончить всё прямо сейчас.

И всё-таки ухожу, не оборачиваясь.

Си уже спешит мне навстречу, и первое, что я вижу в сумерках – серебристая вязь имени на её руке. А уже потом – тёмные длинные волосы, бледное лицо и лихорадочные карие глаза, какие порой бывают у душевнобольных.

Люблю эти глаза – мне кажется, они единственное, что никогда не меняется. Город разбивается вдребезги, солнце заходит за горизонт, скрывается, как цветок, в бутон оставшихся искорёженных лучей, а её глаза всегда остаются такими же, как прежде – безумно-спокойными, тёмными и влажными.

- Ты долго. Что-то произошло?

- Появился ещё один.

- Мёртв?

- Завтра в семь.

Она не отвечает, и мы идём, переплетаясь руками. За городским дымом почти не видно звёзд, и небо – индиго́вый туман с серыми разводами.

Нам не обязательно разговаривать, чтобы понять друг друга. Мне сложно даже представить, сколько мы знакомы и дружим.

Я говорю: «Вечность». Си говорит: «Пять лет».

Такая вот у нас общая пятилетняя вечность.

Мы расстаёмся у моего дома, машем друг другу, я иду в подъезд и выжидаю время. А затем снова выхожу и достаю из кармана два списка с сияющими Именами: на одном – золотистыми, на другом – серебряными.

И выбираю второй список, на котором пылают лишь два оставшихся Имени.

Си готова умереть, лишь бы не носить такое ужасное Имя.

Но, к сожалению, я эгоистка, и не могу позволить ей покинуть меня, даже если она сама этого хочет.

Поэтому своими бессонными ночами я иду убивать других анастасий, чтобы Си могла жить и обрести силу своего Имени.

Чтобы отныне и навсегда она стала «воскрешённой».

И когда последняя из списка серебристых Имён умирает, и светлячки стирают заветное слово с её руки, я испытываю некоторое облегчение.

Конечно, мне предстоит столкнуться с гневом и обидой Си, когда на церемонии она узнает, что я пошла вопреки её желаниям, и ей всё-таки придётся принять это Имя. Но это ничего. Пусть злится на меня, проклинает и ненавидит – моя собственная суть от этого не изменится.

«Защитница» должна защищать даже тогда, когда её подопечная этого не хочет, верно?

Иначе чего вообще стоит это Имя.

Иначе чего вообще стою... я.

А следующим вечером, когда мы идём к тому заброшенному зданию, Си говорит мне:

- Если вдруг кто-то придёт, чтобы убить меня... Пожалуйста, не мешай ему. Я не хочу получить бессмертие кровью других. Я не хочу пережить людей, что мне дороги. Я не хочу силу этого Имени.

- Хорошо, - легко соглашаюсь я, потому что никто не придёт.

Хорошо – это вообще слово, которое я употребляю чаще всего. Эй, этот город разбился вдребезги, ты в курсе? Хорошо. Рассвет больше не наступит. Хорошо. Число твоих жертв на самом деле всё же написано неоновыми цифрами на твоей руке, ведь оно в самом твоём Имени. Хорошо, хорошо, хорошо!..

Мы расстаёмся с Си у привычного места, и я иду на свидание с закатными облаками и тёплым вечерним ветром.

Мой противник встречает меня обнажённым мечом, и я только пожимаю плечами на его желание сделать нашу битву более честной.

- Хороший выбор оружия, - говорит он мне, кивая на саблю.

Я не отвечаю. Меня не особенно привлекает пустая болтовня.

Я просто делаю первый выпад, начиная наше сражение.

Я никогда не занималась фехтованием профессионально, но с детства обладаю быстрой реакцией и ловкостью, что помогает в битвах с одноимёнными. Причём скорость реакции у меня высокая не только по физическим параметрам, но и по интеллектуальным. Хотя я всё равно предпочитаю использовать грязные и не затратные по энергии приёмы, пусть и на честный поединок вполне способна.

Однако сейчас наши силы равны, и никто не может получить преимущества над противником. Это идеальный ритм, в котором нет фальши и плохой игры, и всё сливается в единое месиво из заката, русых волос, заброшенного здания, чтобы затем разбиться на осколки и осесть на нагретую землю стеклянными крошками, сияющими розовым цветом.

- Ясно, - наконец заключает он и отступает от меня. – Эй, остановись. Послушай.

- Хорошо, - отвечаю я и продолжаю атаковать.

- Хватит. Мы так убьём друг друга, и никто из нас не получит выгоды. У меня есть предложение.

- И что это за предложение?

- Оу, ты умеешь осмысленно говорить.

Он останавливается и пытается отдышаться. Я отступаю назад, чувствуя, как желание вдохнуть чуть больше воздуха разрывает мне горло. Но упорно вдыхаю крошечными порциями, напряжённо-ровно, фальшиво-спокойно.

- Мы можем объединить силы против оставшихся троих, а после того, как разберёмся с ними, снова бросить друг другу вызов.

- Это звучит... неплохо. Но разве я могу тебе доверять?

Убирает меч в ножны и словно показывает мне пустые руки. Я невольно отмечаю короткие и мощные пальцы, усыпанные мелкими ранками и трещинами.

И сражается он – левой рукой, а не правой.

- Не можешь. И я тебе не могу. Однако ни мне, ни тебе нет смысла действовать вопреки собственным интересам. Ничто так не удерживает человека как осознание того, что он может использовать это во благо себе.

- Хорошо. Что будем делать?

- Встретимся и разработаем стратегию. Завтра здесь же и во столько же?

- Хорошо.

Лёгкие горят, и горло словно железное, скованное.

- Как тебя зовут?

Впервые улыбаюсь, глядя на него с насмешкой:

- Ты серьёзно? Мы здесь именно из-за этого. Ты знаешь моё Имя, как и я твоё.

- Но я не спросил твоего Имени. Я спросил, как тебя зовут.

А звёзды похожи на стекло, потому что сияют также красиво, тепло и пусто.

- Меня зовут Ра, - выдыхаю я судорожно, не удерживая внутри весь этот напряжённый, сжатый в пружину воздух.

- Алек, - говорит он.

На том мы и расстаёмся в тот день, и я снова чувствую тяжесть его взгляда на своих плечах. Тяжесть его взгляда и небесного свода, давящего своим холодным энтропичным равнодушием. Так можно и сколиоз заработать.

Духовная астма и духовный сколиоз – вот мои диагнозы. А в остальном я совершенно здорова.

- Мёртв? – спрашивает Си, а мне приходится говорить, чтобы объяснить, что происходит:

- Нет. Мы решили... объединить усилия в убийстве остальных троих.

- Почему?

- Выгоднее. Проще, - пожимаю плечами я.

- Понятно.

Си замолкает и отворачивается от меня к небу. Город разбивается, голос разбивается, рождаясь где-то в глубине моих лёгких, сплетается там завихрениями воздуха, но там же умирает. Потому что слова – пророчества и заклинания, которыми нельзя разбрасываться попусту. Потому что, найдя какое-то особенное, волшебное сочетание звуков, я делаю его своей самой сокровенной мыслью, жадничаю и не хочу дарить миру. Потому что если часто повторять «хорошо», то всё действительно станет хорошо.

Слова – это Имена вещей и событий. А с Именами, как известно, шутки плохи.

На следующий день мы с Си приходим на нужное место вдвоём. Я знакомлю их, они сразу как-то друг другу нравятся, и я слушаю сбивчивую речь Алека и тихие фразы Си, и думаю, что одному из них суждено умереть, а другому – обрести бессмертие, пусть каждый из них и желает противоположного. И всё именно так, потому что я так решила, и я определила их судьбы. По какому праву я могу так поступать? Почему в – и на – моих руках их жизни, разбитые, поломанные и стремящиеся к энтропии, как и всё вокруг?

- Будет лучше, если мы заманим всех троих в западню и покончим с ними разом. Эй, Ра, что думаешь об этом?

И смотрит на меня без малейшей тени вражды или ненависти, теребя прядь своих светлых волос.

Я думаю, что это странно. Я думаю, что мы не должны так спокойно разговаривать друг с другом. Я думаю, что его дружелюбие лживое, неестественное и что он легко всадит нам с Си нож в спину, как каждый раз всаживает мне в спину свой пронзительный взгляд.

- Хорошо, - отвечаю, машинально убрав его руки от этих чёртовых волос, потому что бесконечное копошение Алека в них начинает меня раздражать.

Его ладонь замирает в моей, прежде чем я отпускаю её. Большая, горячая рука с короткими и мощными пальцами. И моя – маленькая, почти детская.

- Почему бы тебе не высказаться более развёрнуто? – наконец говорит Алек. – Что мешает поделиться своими мыслями и планами?

Молчу, рассматривая свою руку, на которой нитью повис русый волос.

- А зачем? Зачем мне что-то говорить?

Волос сдувает ветром с ладони, и он уносится куда-то к алеющему небу. И блестит сталью рыболовной лески, трещиной в ткани мироздания моего разбитого города.

- Ничего не изменится, если я произнесу вслух то, о чём думаю. Слова лишь потеряют ценность.

Слова лишь потеряют ценность как пресловутое «Хорошо», что замусолилось от бесконечного употребления, покрылось грязью, отпечатками жадных сальных пальцев. Слова потеряют ценность, как потеряли ценность одинаковые цветы для великого Сеятеля, что собрал мозаикой мой город и повелел ему разбиться, разбиваться снова и снова.

В течение пяти лет. Бесконечно.

- А разве ценность не имеют лишь те слова, что произнесены? И произнесены именно в то время, которое нужно? Зачем хранить хорошие идеи и мысли в пыли, если, сказав их однажды, ты сможешь что-то изменить?

- Могу ли?

- Почему нет?

Си молчит, глядя на небо. Я молчу, глядя на Си. И нам обоим нечем отчитаться, потому что в этом мы похожи.

Даже если слова Алека клеймят Именами наши собственные страхи, нашу неуверенность и боязнь стремиться к энтропии, как всё, что есть в нашем разбивающемся городе.

Мы обсуждаем план действий несколько дней подряд. А ещё мы говорим и молчим. Он считает, сколько раз я произнесу «Хорошо», а я – количество выпавших волос, оседающих на моих руках, плечах, душе. Они – мягкие, и я ловлю себя на мысли, что мне приятно иногда поправлять их вместо него. Как и стряхивать пылинки, золотящиеся в солнечном свете, с его плеч.

В этом нет никакого смысла и трагедии. Просто нам интересно проводить время друг с другом. И, сидя на грязном линолеуме заброшенного здания, глядя в разбитое окно на разбитый город, чьи осколки заливает закатными лучами, словно кровью, я могу признаться себе, что я совсем не жалею того времени, которое я провела с ним. Не оглядываясь в прошлое, где Имя жжёт лёгкие и кожу бессмысленными жертвами. Не заглядывая в будущее, где нас ожидает то же самое.

Просто хорошо. И это хорошо русого цвета и сияет на солнце рыболовной леской, а не перекачивается на языке спёртым дыханием и бессонными ночами.

Я думала, что почувствую кульминацию своего существования в тот момент, когда мы убьём оставшихся троих и придёт время нам снова сразиться друг с другом. Но сейчас, глядя на мёртвые тела и рой золотой пыли их мёртвых Имён, я не чувствую ничего, кроме пустоты и разрушения, что уничтожает мою душу. Превращает в такой же золотой рой и уносит куда-то в закатное небо. Я улыбаюсь и ловлю языком пылающие в воздухе искры.

- Завтра в семь, да? – спрашиваю я.

Чихает от этой золотой пыли и вытирает покрасневший нос.

У него аллергия на магию Имён. Подумать только.

- Да.

Ухожу, не оборачиваясь на тающие светлячки и русые волосы, что переливаются в этом неровном свете.

Я чувствую кульминацию, когда той ночью, возвращаясь домой, вижу на мосту светловолосую девушку, бессмысленно глядящую в воду. Правый рукав чуть задран, и там голубым неоном переливается Имя.

- Я – Алиса, - улыбается она мне, поправляя светлую прядь. И от этой привычки у меня щемит сердце.

- Что это значит?

- Алиса – значит «истина».

Девушка продолжает улыбаться мне, а потом смеётся:

- Меня нет!

И прыгает вниз.

Я бросаюсь к ней, но всё, что успеваю увидеть – сияющие голубые буквы, медленно тающие в тёмной спокойной воде.

Моё собственное Имя тяжело пригибает к земле каждой из десяти букв. А-Л-Е-К-С-А-Н-Д-Р-А. «Защитница людей». Кого же я защищаю? Я не помню.

Я не помню никого, чья жизнь не была бы разбита моей.

И, когда я иду к семи на место, чьи окна скалятся зубами-осколками, разрывая воздух и реальность, я уже знаю, что сделаю. Потому что это моё Имя. Имя-слово, Имя-заклинание, программирующее всю мою жизнь.

И когда мы достаём оружие, стараясь не смотреть друг другу в глаза, я тоже это знаю.

- Я много думала... об этом всё. Почему мы делаем это? Почему Имя столь важно для нас, что мы готовы убивать друг друга? Почему цветы просто не могут цвести вместе?

- Я... не знаю. Просто так принято. Разве мы можем что-то изменить? У нас лишь два пути – исчезнуть или стать убийцами. Такой вот у нас мир и город.

- А почему нет? Если я произнесу эти слова... Может, что-то изменится? Хотя бы для нас двоих?

Алек молчит, опустив голову. Розовые отсветы заката путаются в русых прядях.

- Я могу всё изменить, - говорю, и саблей со всей своей силой и яростью наношу удар по своей правой руке. Чуть выше золотистых букв.

- Что ты делаешь?!

Не отвечаю. Мир разбивается, город разбивается, голос разбивается, и всё стремится к энтропии. Мне больше нечего бить и нечего чинить. У меня не будет Имени – и не будет меня. Потому что для того, чтобы наступил рассвет, город и моё тело должны разбиться на рубиновые куски, сияющие в угасающем солнечном свете.

Сияющие, как золотая пыль, улетающая куда-то ввысь от моей-не-моей руки. Я не могу дышать, не могу выть, падаю на колени и ловлю ртом воздух, как рыба, осознавая в тот момент очень резко, что в этом разбитом зеркале города я потеряла то, что единственное ценила в своей-не-своей жизни.

Я потеряла себя.

Я потеряла себя, потеряла свой город и потеряла сознание.

«И вышел Сеятель сеять. Увидел он плодородные земли. И сбросил семена Сеятель. Упали они на землю и произросли из каждого тысячи прекрасных растений.

Но тогда он подумал: «Разве красив цветок, когда он – среди других таких же? Разве есть в нём ценность?»

Однако цветы, оставшись в одиночестве, начинали увядать и терять свою красоту. И тогда Сеятель сказал: «Я подарю вам другой подарок, гораздо более ценный, чем Имя. Я подарю вам Волю. Волю всё изменить и найти другое решение, другой цвет и другое Имя».

И с тех самых пор цветы сами дарят силу своим Именам. С тех самых пор и во веки веков».

- Эй, Си. Ты же простишь меня? Может быть... когда-нибудь?

Вздыхает. Смотрит как-то грустно и безысходно.

- У меня будет много времени, чтобы подумать об этом. И всё же... почему?

- Потому что люблю тебя. И пять лет, и целую вечность тоже. Разве я могу видеть, как умирает близкий мне человек?

Слёзы Анастасии чуть поблёскивают серебром – точно так же, как и Имя, отлитое на её правой руке.

- Сколько времени?

- Около семи. Тебе уже пора.

Машу ей левой рукой и бегу к заброшенному дому.

- Опаздываешь?

- Нет. Я как раз вовремя.

Молчим, рассматривая друг друга так, словно видим в первый раз.

В его внешности нет ничего особенного. Светло-русые волосы, карие глаза, резко выдающиеся скулы. Просто парень – ни больше ни меньше.

- Как тебя зовут? – спрашивает, протягивая свою единственную руку.

- Меня зовут Ра, - выдыхаю я легко.

- Алек, - говорит он.

Неловко учимся здороваться. И это дико неудобно, но в чём-то даже смешно.

Всё в нашем разбитом городе год от года стремится к энтропии. Русые волосинки, уносимые ветром. Наши тела и руки. Золотая пыль Имён. Мы.

Даже если нас нет. Даже если нет наших Имён. Даже если нет смысла и причин. Если нет рук, что разбивали чужие жизни... Мы всё же живы и вдыхаем воздух полной грудью.

Всё в нашем разбитом городе год от года стремится к энтропии.

И это – на самом деле - хорошо.

Котова Алина

Карцер

Его привезли в интернат ранним утром одного из первых дней октября. На улице шёл мокрый снег: вся его потрёпанная курточка насквозь промокла, а от ботинок в холле остались лужи. Он смотрел на всё вокруг угрюмым хмурым взглядом и не выпускал из цепких пальцев ладонь матери, бледной уставшей женщины с прозрачными серыми глазами и выражением пронзительной грусти на красивом, но напряжённом лице.

Они долго прощались: мать гладила его по голове, плечам, целовала в щёки, крепко прижимала к себе и, наклонившись, быстро что-то шептала. Он хмурился, мотал головой. Как только она порывалась уйти, хватал её за руку или подол платья, и на его лице меж бровей пролежала глубокая складка, каких не бывает у детей.

Когда она уехала, он весь поник, осунулся и пару последующих дней почти ничего не говорил. Затем начал огрызаться, ссориться и ожесточённо драться с другими мальчишками, грубить учителям и воспитателям, нарушать дисциплину.

В интернате были суровые наказания за неповиновение, непослушных детей здесь не любили: могли побить, оставить без обеда, запереть в карцере на ночь. Мальчишка, казалось, не боялся ничего и никого. Его наказывали общественными работами, поркой, голодовкой, а он рвался домой с таким упорством и отчаянием, словно потерянный волчонок, услышавший вой своей стаи.

Мало кто задумывался, отчего он так себя ведёт. Большинство просто считали его трудным непослушным ребенком, которого нужно воспитать.

Никто не знал, что его мать потратила все свои сбережения, чтобы оплатить проживание сына в интернате на два года вперёд, и что она не собирается посещать его.

Он тоже этого не знал, но его мучили страшные догадки и предчувствия, и он решил, что обязательно должен выбраться отсюда.

Прошёл месяц.

Стояла дождливая ветреная ночь. В воздухе кружились тёмные листья, голые ветви то прижимались к земле, то взмывали к небу, луны и звёзд не было видно за толстым полотном туч.

Старое серое здание интерната для мальчиков уснуло, лишь одно окно всё ещё горело, прорезая густую тьму вокруг тусклым квадратиком света. В маленькой затхлой комнатке, пропахшей старыми вещами и пылью, сидели двое. Худой и высокий человек с бледной чуть-чуть синеватой кожей щёк, холодными серыми глазами и тонким маленьким ртом расположился в кресле и нервно постукивал длинными костлявыми пальцами по подлокотнику. Рядом с ним, откинувшись на спинку стула напротив рабочего стола и сложив ладони в замок на животе, сидел грузный мужчина с большой залысиной на маленькой круглой голове, чёрными блестящими глазами и двумя подбородками.

– Успокойтесь, Константин Петрович. Мальчишка уже в карцере и ничего хуже натворить не может, – улыбаясь, протянул он.

– Да, не могу я успокоиться. Этот ... этот...мальчишка, – сжал губы его нервный собеседник и ещё больше нахмурился. – Я не знаю, что нужно сделать, чтобы усмирить его.

– Карцер из любого непослушного мальчишки сделает тихоню, если помещать его туда достаточно часто и с умом.

– Не знаю, не знаю. – Константин Петрович встал из кресла и начал ходить взад вперёд по комнате. – Если МОЯ порка его до сих пор не образумила, а Вы, Евгений Павлович, знаете мои методы...- Он внушительно посмотрел на собеседника, сделав акцент на слове «моя», - то я не представляю, что с ним нужно сделать, чтоб он начал слушаться.

Евгений Павлович снисходительно улыбнулся.

– Это всего лишь ребёнок, Константин. Любого ребёнка можно уговорить.

– Он даже не кричал!

– Зато он презабавно кряхтел и героически стискивал зубы. Видели бы Вы, как он осторожно садился всю неделю на стул, - Евгений Павлович хрипло рассмеялся, показывая свои маленькие жёлтые зубы и трясясь всем своим огромным телом. Смех этот был странный, словно что-то живое клокотало и крякало у него в горле.

– Но слушаться он меня не стал.

– Накажите несколько раз, и начнёт слушаться. Он же у нас необъезженная лошадка, когда его привезли-то?

– Месяц назад.

– А, так недавно, – Евгений Павлович зевнул. – И не таких воспитывали, успокойтесь. Идите лучше спать.

– Нет, - замотали головой ему в ответ.

– Вот упрямец.

– Скажите лучше, Вы связывались с его матерью? Помните, Вы обещали.

– Нет, как-то руки не дошли до этого. Да, и потом зачем её тревожить почём зря.

– Вы слышали, что он орёт? Верните меня маме, Верните меня маме, – словно мы его из дома выкрали... Недоумок какой-то.

– Ребёнок, что с него взять.

– Как Вы можете быть так спокойны после всего, что произошло? – Константин Петрович, наконец-то замер и пристально взглянул в лицо собеседнику.

– А что собственно такого произошло?

– Он укусил меня! Словно не ребёнок, а пёс какой-то, - мужчина закатал рукав рубашки и поднёс руку с красными полумесяцами зубов к глазам Евгения Павловича.

– Дети частенько кусаются, что такого.

– Действительно, что такого, – он всплеснул руками. – Ему одиннадцать, Евгений Павлович.

Сидящий перед ним мужчина только усмехнулся уголком губ.

– Нет, я этого так не оставлю. Если он ведёт себя как заражённая бешенством псина, то я к нему и буду относиться как к псине. Любой намёк на неповиновение – в карцер, - решительным и твёрдым голосом проговорил Константин Петрович скорее самому себе, чем своему собеседнику.

– Вот это правильно, – кивнул Евгений Павлович. – Знаете, я, когда был маленький, жил в деревне, и была у моей семьи собака. Так вот, когда она хорошо себя вела мы разрешали ей ночевать в доме, а как начинала лаять или выделять что-нибудь неприемлемое, мы её сразу в конуру отправляли. Зимой же холодно – приходилось её в доме терпеть. Но как-то раз она своровала со стола кусок сырого мяса, так отец вышел из себя и выдворил её на улицу. Мороз градусов двадцать, наверное, был. Мать плакалась и просила отца пожалеть глупую псину, но отец был непреклонен. – Евгений Павлович замолчал, задумчиво почёсывая лысину.

– Ну, и что дальше? Вернули в дом? – Нетерпеливо спросил Константин Петрович.

Евгений Павлович отрицательно покачал головой.

– Нет, наутро мы с братом выбежали на улицу, а она лежит в конуре своей и дрожит как осиновый лист. Зато смотрит в глаза так преданно, будто мы её не на улицу выгнали, а наоборот спасли от чего-то. После этого случая она мяса не воровала.

Константин Петрович задумался.

– Правда померла она скоро, - равнодушно добавил Евгений Павлович и снова зевнул.

– Померла? – Переспросил Константин Петрович.

– Да, померла. Но это неважно. Важно, что поняла, как поступать больше не надо. С трудными детьми также. Запрёшь на недельку в карцере, и они больше не шумят, грубых слов тебе не говорят и смотрят на тебя хорошо, уважительно.

Евгений Павлович, улыбаясь, взглянул на Константина. Спросил снисходительным тоном, как учитель спрашивает медленно соображающего ученика:

– Понятно?

Константин Павлович нахмурился ещё больше, но кивнул.

– Понятно. Поживём – увидим, как это работает.

Несколькими этажами ниже в тёмном сыром карцере, маленьком подвале с окошком у самого потолка и толстой дверью, прижав к груди колени и обхватив их руками, сидел мальчик. Всё его худое тельце сотрясалось мелкой дрожью, а по бледным щекам бежали горячие солёные слёзы. Он глотал их, не утирая лица, и тихо судорожно всхлипывал сквозь зубы. Острая злость не давала отчаяться и сдаться. Рыдать открыто и громко было нельзя, хоть и увидеть его никто не мог. «Мама, мама, мамочка моя», - беззвучно шептали его губы, а ладони сжимались в кулаки. Ледяной пол, вязкая темнота, зловещие завывания ветра, - всё это будто его не волновало, он словно был не здесь, а где-то далеко-далеко в тёплых объятиях знакомых рук, пахнущих мылом и чистым бельём.

В нескольких десятках километров от интерната в крохотной, непроветриваемой уже несколько дней, а оттого невероятно душной комнатке на чердаке умирала женщина. Некогда красивое лицо осунулось и постарело. Родной сын с трудом бы узнал её теперь. Она металась по кровати в лихорадке и безостановочно шептала: «Я здесь, солнце моё, я здесь». В комнате кроме неё никого не было. Никто не видел, как она постепенно словно теряла силы, двигаясь меньше, как тело её наливалось тяжестью. Наконец, она замерла совсем, её лицо сморщилось, и она в последний раз прошептала: «Я здесь».

Мальчика на следующий день из карцера не выпустили.

Сиреневая вафля

Декабрьский вечер

“Приезжай ко мне”

Получила я смс от человека, которого не видела три месяца. Ты не писал, и не звонил. Совсем никак не поддерживал со мной связь, а теперь имеешь наглости звать меня? Я столько испытала боли рядом с тобой, поэтому больше не хочу тебя видеть. Ты тот тип парней, который постоянно страдает и заставляет окружающих грустить. Я больше не попаду в твои цепи, потому что ты меня убил. Во мне не осталось ничего светлого. А помогать тебе я не хочу. Просто не хочу.

Автобус подъезжает к остановке, и я знаю, что он привезет меня прямо к твоему дому. Нет, я же сказала, что не хочу ехать к тебе. Ты для меня исчез. Испарился, как табачный дым в квартире. Растворился, как таблетка в воде. Мои ноги делаю несколько шагов вперед и я захожу в автобус. Ты именно тот дым, запах которого будет долго стоять в помещении и именно та таблетка, которую я выпью. Как же я себя ненавижу. Я ненавижу все свое существование. За то, что я такая слабая и влюбчивая. Эти три месяца были самыми сложными для меня, ведь я влюбилась в тебя. Какого черта я творю!? У меня должна быть гордость! Хотя бы немного самоуважения. Почему я собственноручно топлю себя?

Я выхожу из автобуса и вижу твой дом. На третьем этаже горит свет в гостиной, а окна все открыты нараспашку. Идиот, сейчас середина декабря! Мне хочется пуститься на бег, чтобы скорей тебя согреть, но не делаю. Иду медленно и осторожно, хотя сердце колотится как бешеное. Это конец. Конец для твоей жизни, дорогая меня. Как только ты переступишь порог его квартиры твоя депрессия вернется. Тебе придется принимать таблетки, но никакие лекарства не смогут заменить его шершавых рук. Никакой мятный чай не успокоит меня, как его вишневый одеколон. Ему нравится властвовать надо мной, а я люблю быть его рабыней.

Дверь открыта специально для меня. Из квартиры доносится звук какой-то рождественской песни, но меня это не успокаивает. Медленно надавив на ручку двери я захожу в коридор. В гостиной уже не горит свет. Горят только огоньки на елке и высокий торшер в углу комнаты. Решил устроить романтику? Лучше бы ты просто позвал меня, без всяких этих сюрпризов. Из ванны доносится шум воды. Наверно ты сейчас в душе. Как вовремя...

Не раздеваясь, я закрываю все окна и прикрываю занавесками окна. Не нужно соседям видеть, чем мы тут занимаемся. На плите стоит кастрюля, от которой исходит очень приятный запах. Что-то знакомое, но не могу понять что. Хочется попробовать без твоего ведома, но в эту секунду ты выходишь из душа в одном полотенце. Как хитро. Либо ты решил, что я не приеду и не захотел оставаться в одежде, либо ты был уверен, что я приеду и решил предстать передо мной в таком виде. В любом случае ты меня не зацепишь этим. Мы смотрим друг другу в глаза около трех секунд (я считала) и ты расплываешься в улыбке. Хочется улыбнуться в ответ, но разве я имею право? Хотя какая теперь разница! Я здесь и значит, что я изменила своим собственным принципам.

-Извини меня. - произносишь ты и показываешь указательный палец, что через минут вернешься.

Я ничего не говорю и продолжаю стоять на месте. Мне страшно двигаться, потому что я могу броситься к тебе на шею или расплакаться как истеричка. Может мне показалось, но твоя улыбка стала более искренней и не такой усталой. Ты возвращаешься из спальни в домашних штанах и зеленом свитере, на котором вышиты красные конфеты. Такой домашний, что прям плакать хочется. В твоих руках я замечаю свои штаны, которые я оставила у тебя дома и еще какой то свитер, но уже голубого цвета. Ты кладешь вещи на спинку дивана и подходишь ко мне.

Берешь сумку и ставишь ее на пол возле дивана, медленно стаскиваешь с меня пальто и относишь в коридор.

-Переоденься в это. - мило говоришь ты и указываешь пальцем на одежду.- Можешь сделать это в спальне, а я пока что подготовлю все здесь.

Странно, но я подчиняюсь тебе. В который раз... В спальне стоят наши фотографии в красивых рамочках, которые мы покупали вместе. Я думала ты уже все убрал и быть может выкинул. Если ты до сих пор хранишь это, почему пропал?

Ты уже расположился на диване и приготовил плед. На столике стояло две кружки с каким-то напитком, а на телевизоре стоял фильм "Дневник Бриджит Джонс" на паузе. Все выглядело так, будто тех трех месяцев полных одиночества и пустоты не было, и мы снова вместе. Счастливая молодая пара. Ты хлопаешь на место рядом с собой, но я продолжаю стоять.

-Что происходит? - не выдерживая, задаю вопрос, но ты тут же тянешь меня за руку и усаживаешь на диван.

Этот запах... За что ты со мной так? Ты меня так мучаешь. Я хочу плакать. Кажется я сейчас расплачусь, потому что я люблю тебя. Не могу понять как жила без тебя все это время.

-Это глинтвейн. Я нашел рецепт в интернете и решил приготовить. Думаю получилось не так плохо.

Ты даешь мне толстую кружку и следишь за моей реакцией. Я подношу кружку к губам и делаю глоток. Теплая жидкость обжигает мои внутренности и я начинаю плакать. Как же это нелепо. Какая же я нелепая! Я прямо сейчас уйду, ведь это не по настоящему. Это все ненастоящее. Тебя нет. Я выдумала тебя. Создала в своем воображении такого прекрасного принца, который будет доставлять мне боль, потому что я обожаю ее испытывать. Мне нравится мучать себя в терзаниях и заливать слезами. Только сейчас я поняла, что натворила и по настоящему осознала на сколько отчаялась. Но ты продолжаешь улыбаться и обнимать меня за плечи.

-Ты не виновата в этом. - шепчешь ты. - Этот мир заставил тебя стать такой. Сейчас я уйду, но совсем скоро вернусь. Я буду живым и осязаемым. Ты сможешь получать настоящие смс-ки и видеть реальные совместные фотографии.

Фильм начинается, глинтвейн остывает, а я сижу в одиночестве на диване и смотрю на распахнутые окна.

Полякова Анна

На раскаленной крыше

*Я знаю: он жив, он дышит.
Он смеет быть не печальным.
© А. Ахматова*

*«А Эхо кого-нибудь ненавидит от всего сердца, очень-очень сильно?»
Я ему: мол, разве он не хотел сказать «любит»?
Рэнт пожимает плечами и отвечает: «Разве это не одно и то же?»
© Чак Паланик*

Это случится через пару дней. Или завтра. Или даже через несколько часов. На ее пальце появится кольцо – смутная, неправдоподобная надежда, полупрозрачная тень уверенности в том, что она... нет, не любима. Просто для чего-то нужна. Пусть даже временно... Что все это по-настоящему. А пока... Крыса стоит на раскаленной крыше Серого Дома. Под солнцем палящим. Под звездами. Она не видит. Не слышит. Не чувствует. Она мертва.

1

Крыша горячая, как сковородка. Солнце, если ты осмелишься поднять на него глаза, – ослепительно черное, не позволяющее себя по-настоящему увидеть. Оно обжигает роговицу, плавит радужку, заставляя ее вытекать наружу раскаленной лавой. А ты, наивный, думаешь, что это всего лишь слезы. Запуская невесомые лучи в твои ноздри и уши, оно проникает в самую глубину твоего существа – хищно, безжалостно. Равнодушно висит оно высоко над твоей головой и палит так, что кажется, будто это средневековый инквизитор в красном балахоне льет тебе на макушку кипящее масло. Безразличный ко всему палач водит по твоей спине раскаленным утюгом – чугунным, с углями, именно такой был когда-то у твоей собственной прабабки. Палач всего лишь выполняет свою работу. Для него твой персональный кошмар – повседневная рутина. Когда все закончится, он вернется домой к жене и детям. Съест свой ужин. Выпьет чай. Ляжет в постель. А ты так и останешься лежать на центральной площади в своих колодках с кровавым месивом там, где когда-то была спина.

Небо без единого облачка и почти белое. Невыносимое. Полдень... В здравом уме ни один человек не полез бы в этот час на крышу. Но Крысе ли претендовать на адекватность?.. Она стоит, обхватив себя руками, на самом краю парапета, дрожащая и бледная. Ей холодно. Острые локти покрыты мурашками. Крыса смотрит вниз на потрескавшуюся асфальтовую дорожку, на осыпающиеся кусты сирени. Как же она устала! Крыса не знает, зачем пришла сюда: скорее всего, просто для того чтобы побыть одной хоть какое-то время. Хоть совсем чуть-чуть – никого не видеть. Никого не слышать. Уединение – роскошь, непозволительная для жителей Дома.

Сделать шаг – и все закончится. Всего один шаг – ведь это так просто. Вот она лежит, как сломанная кукла, нелепо раскинув тонкие белые руки, на асфальте. Лицом вниз. От головы расплывается черная лужа чего-то густого и липкого. Вшивая на предплечье испуганно чешется, в последний раз вскидывает острую мордочку и замирает – уже навсегда, как и ее хозяйка. Знаменитый полумесяц бритвы (тот самый – под каким из ногтей?) валяется рядом; когда Крысу найдут, никто не заметит его, он будет затоптан в грязь, как и осколки ее зеркальных бирок – сейчас они так красиво играют на солнце, радужно переливаясь; битое стекло всегда

насмешливо блеснит. Еще одна легенда будет уничтожена. Никто не вспомнит о нем, столько раз спасавшем ее жалкую, никому не нужную жизнь, равно как и саму Крысу – она в этом уверена – забудут достаточно быстро. Был Летун, поставщик мелких радостей, не станет его – и жители Дома, погоревав (возможно, и то не факт – кому придет в голову грустить о таком чудовище, как она?), моментально найдут другого. На следующий же день, раздав ее последние вещи. Сняв колокольчики со шведской стенки... Наверное, часть из них Русалка вплетет себе в волосы. Не как память – просто потому что они так забавно звенят – каждый на свой лад, а это милое, светлое дитя так любит все звенящее.

А вот саму Крысу не любит никто.

Интересно, как отреагирует Слепой. Хотя, ясное ведь дело – никак (*когда это он на что-то реагировал?*). Чертов истукан. Каменюка. Надо же было связаться с таким... Крыса стоит здесь одна, ей так плохо, так больно и холодно... стоит, сжигаемая заживо этим чудовищным солнцем, и даже не чувствует этого, не видит, как медленно краснеет ее кожа, не знает, что завтра на плечах появятся волдыри. Она стоит здесь, рискуя сорваться вниз, а ему и дела нет. Весь в своем вожачестве, озабоченный делами стаи, делами Дома, чужими проблемами – как будто собственных у него не возникает никогда. Где уж тут о Крысе вспомнить – да и кто она вообще ему такая? Набор отверстий для его августейшего конца: чуть лучше, чем Габи, – и то лишь потому, что чистая, доставшаяся ему нетронутой, только его и только для него. И откуда, интересно, в нем эта чертова уверенность, что она больше никому не дает?..

Крысе больше не хочется прыгать с крыши (да и хотелось ли? подумаешь, глупые мысли). Ей хочется сбросить с нее Слепого. Стоять вот так же, как сейчас, здесь, на краю, одними пятками на твердой поверхности, опасно качаясь на легком ветру, и сверху смотреть, как он корчится, агонизируя, распластавшись среди кустов этой чертовой сирени, отчаянно воняющей давным-давно вступившей в свои законные права весной. Вот на что она могла бы смотреть бесконечно: как он мучается, истекая кровью. И пусть он кричит, хрипит, задыхается, выплевывая осколки собственных костей... Боже, куда ее занесло! Как маньяк, Крыса скалится, улыбается своей внезапной фантазии и все ярче представляет себе эту картину. Вот он лежит, бледнее, чем обычно, струйки крови на белом лице, пальцы вцепились в траву – последнее движение чудом уцелевшей руки (вторая сломана), по телу пробегает последняя судорога, и он затихает, издав отвратительный звук – какой-то полустон-полухрип; широко раскрытые глаза, мутные, в обрамлении влажных черных ресниц, уставились на небо, словно отчаянно пытаясь его увидеть – в первый и последний, единственный раз; на лице – удивление, такое неподдельное, ужасающее: «Как же это? Что же это?!» Он так и застывает с этим удивленно-испуганным лицом, черты которого разглаживаются, но выражение остается прежним. Самое красивое, черт его подери, лицо. Идеальное. Ее любимое – и потому вызывающее это невыносимое желание наброситься и разорвать его в клочья, чтобы ничего от него не осталось. Чтобы не досталось оно никому. Никому больше.

2

– Ну че? Колись давай.

Рыжая. Не спрячешься от нее, не скроешься. Везде найдет и достанет, и выведает все. И сейчас – как будто ей, и правда, интересно. Можно подумать. И не сидится ей в своей Четвертой... молча не злорадствуется.

Идешь себе вот так по коридору, никого не трогаешь. Выдумываешь способ убийства для своего благоверного – покровавее, поизощреннее. Размышляешь, где бы скоротать наступающую ночь... Так не хочется возвращаться к себе. Видеть пустые кровати Рыжей и Русалки, ехидно напоминающие: они – там, они – рядом с ним, а ты – здесь, тебе там не будут

рады, ты рылом не вышла... И – как нарочно, эта бестия, эта чертова Сатана во плоти вырастает из-под ног буквально. *Следила она за мной, что ли?*

– Колись, говорю, – трясет ее за плечо, да так грубо, так неприятно. Словно забыла, что Крыса не выносит чужих прикосновений. – На тебе лица нет, эй, – в глаза заглянуть пытается, совсем обнаглела! – Признавайся: поцапались что ли?

Поцапались. Как же. Как будто можно поцапаться с человеком, который уже третий день с тобой не разговаривает. Молчит и не реагирует на тебя вообще никак. Как будто ты мебель или в лучшем случае домашнее животное. Кошка... нет – вообще тупая рыбка в круглом аквариуме.

Хотя... отчего же рыбка?.. С рыбками так себя не ведут.

Странный был вчера вечер и омерзительно стремный. Слепой возник из ниоткуда – густая черная тень отделилась от стены. Заташил ее в какой-то закуток и отымел, как последнюю шлюху. Он, наверное, даже с Габи так никогда не поступал – да Длинная бы и не позволила. Съездила бы по причинному месту – это как минимум. И не посмотрела бы, что вожак. Но это же Крыса. С ней по-всякому можно – все позволит, все простит.

Молча. Быстро. Плотно зажав ей рот ладонью. Впившись зубами в загривок, как зверь. Так больно... теперь, наверное, шрам на всю жизнь останется – отпечатки его зубов. Извращенец хренов.

И не сказать, чтобы ей не понравилось...

Исчез – так же неожиданно и быстро, оставив ее, растрепанную, опустошенную, стоять, цепляясь за стену, чтобы не упасть. Ни слова. Ни звука... Это Слепой. Ему все равно. Все равно, где. Все равно, с кем. И нечему здесь удивляться. Самое разумное – принять как данность... *Ты ведь сама его выбрала.*

– Крыса! Эй, Крыса-а-а, – Рыжая трясет ее за плечи. От этого у Крысы в голове как будто что-то бултыхается, стучаясь о стенки черепной коробки. Что-то твердое и неживое, инородный предмет.

– Слушай... отвали. – Крыса морщится. До чего же глупая эта Рыжая. Обсуждать свою личную жизнь – и вдруг с ней... возможно, Крыса и стала бы, что называется, по старой памяти. Если бы встречалась с кем-то другим. Не со Слепым.

3

Быстрым шагом по коридору. Шум в ушах – какой-то свист и едва уловимый скрежет, как будто кричат насекомые – их сотни, тысячи, десятки тысяч. Если бы они умели кричать, медленно агонизируя в лапах пауков, это звучало бы именно так. Мусор хрустит под толстыми подошвами ботинок. Кругом люди – их голоса звучат невнятно и глухо, словно из-под толстого слоя ваты или войлока. Лица и фигуры расплываются – Крыса никого не узнает. Ноги сами собой несут ее на лестницу, спускают ее окаменевшее, переставшее слушаться тело по ступеням, все ниже и ниже. В подвал ведет узкая винтовая лестница с высокими перилами. Крыса не осознает, как оказывается на ней, не чувствует, как ноги несут ее вниз. Эти ступени, эти перила словно излучают электричество: она не понимает, почему ее сюда так влечет. Просто идет, словно ее тянут за веревочку, сматывая невидимый клубок. Он был здесь, он ходил по этим ступеням, – она не может этого знать, но ее одолевает непреодолимое желание разуться, чтобы ощутить босыми ступнями прохладу бетона. Пройти по его следам... Дверь заперта, но Крыса не может остаться снаружи, ей нужно войти, нужно сейчас, сию секунду, иначе она разорвется, сгорит, погибнет, отчего – непонятно, но эта жуткая уверенность заставляет ее бессмысленно царапать замок ногтями, задыхаясь. Крыса сама не понимает, как ломает его: что-то куда-то просовывает, поворачивает, дергает дверь – и та поддается. В ту же секунду Крыса оказывается в темном помещении с кирпичными стенами – холодном и затхлом, захлопывает за собой дверь и сползает на пол, забившись в ближайший угол. Из груди вырывается нечеловеческий вопль,

дикий и страшный; слезы, до того застилавшие глаза незримой пеленой, струятся по щекам. Крыса прижимает грязные кулаки к искаженному лицу, размазывая тушь. Она сидит на полу, вздрагивая от рыданий, сидит на том самом месте, где обычно садится Слепой, когда приходит сюда, чтобы навестить нож, которым убили его Бога.

Ты сама же все портишь...

Так хочется остаться здесь на всю ночь. Хочется, но Крыса понимает, что здесь ее непременно найдут. Он найдет. А слезы никак не кончаются. Грудь изнутри разрывает – разодрать бы кожу, выломать ребра, вырвать проклятое сердце и швырнуть его на пол, топтать ногами... Да только вряд ли поможет.

Такая темнота – плотная, всепоглощающая, – должна быть невыносимой. Должна... но этого и близко нет. «Я теперь тоже слепая», – думает Крыса, медленно вставая и на ощупь пробираясь к выходу.

4

Она все еще горячая, эта чертова крыша. Солнце давно уже скрылось – ни лучика, ни отблеска. Воздух какой-то мутный... и ни капельки долгожданной прохлады. Нет, она больше не мерзнет и не дрожит, и зубы стучать перестали. Крысу не покидает ощущение, что все ее тело внезапно покрылось тонкой, но невероятно плотной корочкой или, скорее, пленкой, неспособной пропускать кислород. Как целлофан сразу в несколько слоев. Кто-то запер ее в парнике, замотал в прозрачную клеенку, потратив целый рулон, и пытается задушить...

Снова – на краю, раскинув руки. Хоть что-то бы почувствовать сквозь всю эту сотню слоев непонятно чего... Вдохнуть бы – полной грудью, освободиться, взлететь... Может быть, хоть что-то изменилось бы? Уж точно перестало бы так тошнотворно шуметь в ушах, и сердце не подступало бы к самому горлу стремящимся разорвать его комом.

Меня ведь нельзя убить. Я – Смерть. Я уже мертва.

– Так вот ты где.

Тихий голос, мягкий. Почти шепот. К такому невольно прислушиваешься.

Холодок – черт возьми, он должен пробежать по спине. Просто обязан – мелкими мурашками. Не ужас, не страх – ощущение... такое привычное, странно домашнее и уютное – лишь мельком, где-то в глубине подсознания, рисуящее на лице улыбку – неожиданно светлую – всего лишь на долю секунды. Она должна была почувствовать Слепого еще до того, как тот заговорит. Спиной, затылком, самой кромкой ушных раковин ощутить на себе его взгляд – невидящий и, возможно, именно поэтому так глубоко проникающий, пронизывающий до костей.

Почему-то этого не происходит.

Парапет, на котором Крыса стоит, осыпается. Она оборачивается – от неожиданности слишком резко, чиркнув тяжелым ботинком по крошливой кайме, и целая плеяда мелких камешков летит вниз из-под толстой подошвы. Туда, куда она только что смотрела так сосредоточенно, на асфальт, на темно-лиловые в этих сумерках кляксы сирени.

Вспышка – быстрее, чем вздох, холодный вихрь резко приподнимает ее и рывком относит назад, сгребает в охапку, обволакивает, пригвождает к твердой поверхности.

– Ты что творишь?!

Слепой в ужасе. Она его напугала. Как смешно.

Крыса безуспешно пытается вырваться. Это вовсе уже не она. Это странное создание, потустороннее, пришедшее из страшной сказки, сплошь покрытое ядовитыми иголками, – ей кажется, они, и правда, торчат из нее во все стороны, вполне реальные, длинные и острые, впиваясь в его тело, пронзая насквозь, окровавленные.

– Отпусти! Отпусти меня, проклятый ублюдок! – кричит она, извиваясь и царапаясь, как охваченная паникой кошка. Безрезультатно – его руки подобны тискам. Из железа он, что ли,

сделан? Из камня? Крыса не может сдвинуться с места – и не знает уже, оттого ли, что он так крепко ее держит, оттого ли, что она сама вконец обессилела. Или, может быть, на самом деле, ей искренне хочется сидеть вот так, уткнувшись макушкой в его шею, и чтобы он не давал ей пошевелиться – такой сильный и властный, такой пугающе спокойный, и чтобы ноги их вот так переплетались, а волосы трепал и спутывал бы ветер – так, что не поймешь уже, где чьи...

Слезы душат Крысу. Хорошо, что он ее не видит – такую жалкую, с опухшим лицом, искаженным отвратительной гримасой. Она больше не вырывается – наоборот, вцепилась в него мертвой хваткой, судорожно, жадно. А он застыл, как изваяние...

Отпустить ее? Как бы она ни умоляла, как бы ни злилась – пусть весь Дом сбежится на ее истошные вопли, пусть все видят, пусть осуждают его – плевать. Вряд ли найдется какая-то сила, что была бы способна заставить его отпустить ее.

Джолиан Лин

Десять лет тишины

По утрам страшно и хочется плакать.

Серый пасмурный рассвет тускло проглядывал сквозь пыльное оконное стекло. Ночные тени отступали, расползаясь по темным углам, прячась за шкаф и под кровать, скрываясь между книжных страниц. Дневной свет неторопливо проявлял узор на старых выцветших обоях, которые когда-то может быть и были зелеными, а теперь местами покрылись желтоватой плесенью, а по углам отклеились.

Западную стену, что оставалась темной даже в ясные дни, «украшало» мокрое пятно необъяснимого происхождения. Пятно это, формой и размером походившее на отпечаток ладони, постоянно сочилось бурой вязкой жидкостью, потёки которой сползали до щелястого деревянного пола. На кровати, находящейся около той жутковатой стены, лежала моя парализованная мать.

Я валялась на своей кровати, не мигая пялясь в окно. В поле зрения попадал малоинтересный пейзаж: наглухо затянутое тучами небо и затопленный осенними дождями луг. Я смотрела в окно только по той причине, что там было светло, там был живой мир, отличающийся от могильного мрака, сырости и затхлости этой комнаты. Я вглядывалась в пейзаж за окном, но холодящий страх оставался внутри меня. Пытаясь понять причину страха, я прислушивалась к ощущениям собственного организма. Ледяное оцепенение сковало мое тело. Я боялась пошевелиться. Вернее, боялась, что пошевелиться не получится. Слабый, еле ощутимый, редкий стук сердца... а что, если он мне мерещится? Нет, не может быть. Я жива.

Глаза устают и начинают болеть, но я боюсь закрыть их, страшно вновь провалиться в бесформенный, зловонный, извивающийся, змеиный и шипящий кошмар, который постоянно настигает меня перед рассветом.

Но на рассвете становится еще хуже. До сих пор не могу привыкнуть к этой тишине. Я напрягала слух в надежде уловить хотя бы малейший звук. Писк запоздавшего комара, шорох мыши на кухне, шум ветра в кроне чахлых деревьев хилого сада, окружавшего этот полуразвалившийся дом. Спокойное дыхание спящей матери, ее пробуждение и просьба дать ей стакан теплой воды с лекарством, да хотя бы упавшая с потолка капля — любой звук принес бы жизнь в мой разум. Но ожидаемого звука не было. Больная мать дышала настолько тихо, что услышать дыхание можно было лишь вплотную. Сказать она ничего не могла: болезнь наложила печать немоты. Когда ей что-либо требовалось, она издавала мычание, похожее на стон. Но обычно я кормила и поила ее, что называется, по часам.

Кстати, о часах. Они не тикали. Стрелки на круглом циферблате допотопного механического будильника передвигались абсолютно беззвучно. Нужно узнать время. Чтобы взглянуть на часы, необходимо повернуть голову. Но я продолжала глазеть в окно, пока до меня не дошло, что мир там, снаружи, также мертв. От осознания этого мое сердце испуганно заколотилось. Нужно самой породить звук, начать движение, быть живым существом в этом застывшем мире!

Я резко села. Кровать тут же отозвалась скрипом пружин. Всё нормально, всё нормально, всё хорошо, всё так же бессмысленно, как всегда. Начинается очередной никчёмнейший день моего бесполезного существования.

Я не приношу пользу обществу и даже не стремлюсь к этому. У меня нет ни друзей, ни знакомых, мой единственный родной человек — мать в состоянии «овоща» - не вызывает никаких теплых чувств, скорее раздражение. Уж померла бы наконец, хватит мучиться, за что ей такое наказание. Куда проще взять нож или топор, и прекратить ее страдания, всё равно надежды на выздоровление нет. Это поначалу я что-то делала... когда надежда была. Надежда на благополучный исход... что опять мы будем бегать вместе по лесам, за грибами да ягодами, заниматься огородом, по субботам ездить за 70 километров в ближайшее село на вечера культуры. Болтать, играть, читать книги... этого больше не будет. Никогда. Никто еще не умер, но потеря уже свершилась. Когда я думала об этом, в груди что-то сжималось, к горлу подкатывал ком, глаза щипало, но слезы не появлялись. Казалось, будто они копятся внутри, чтобы когда-нибудь пролиться водопадом. А пока я зависла в ожидании перемен, которые обязательно произойдут.

И снова тихо. Но теперь тишина не пугала. Я уже не хотела нарушать спокойствие замершего дома. Встав с постели, я осторожно, чтобы не заскрипели половицы, приблизилась к матери. Ее глаза на очень худом, осунувшемся лице, были открыты и неподвижно смотрели в одну точку. Наверное, ей тоже страшно: она слепа уже несколько лет, она даже спать может с открытыми глазами, но я регулярно на ночь опускаю ей веки, однако наутро снова приходится наблюдать эти белесые зрачки.

Согласно ежедневному распорядку, я убрала одеяло и осмотрела больную. За долгие годы полной неподвижности женщина сильно похудела, мышцы конечностей атрофировались. Серая кожа была грубой и твердой на ощупь, словно старая мозоль. Хорошо что прошли те синие пятна и страшные смердящие язвы на спине и ягодицах. Я нечасто ее переворачивала, оттуда и возникли пролежни. Когда она еще могла говорить, то утверждала, что ей удобнее всего лежать на спине, и просила не трогать ее, так как любое шевеление причиняло ей боль.

Конечно, трогать и переворачивать больную приходилось, но я старалась свести к минимуму неприятные ощущения. Но как-то раз я перевернула ее на левый бок и оставила так на всю ночь, и что-то явно сделала не так, поскольку наутро левая рука посинела, а через неделю почернела и с пальцев слезли ногти. С тех пор подобных экспериментов я не повторяла.

От больной исходил неприятный запах. Наверное, завтра помою ее. То есть, хорошенько оботру влажной тряпкой с мылом. Такое «умывание в тазике» являлось недостаточно эффективным, поэтому запах возвращался уже на следующий день после мытья.

Я проверила подкладную пеленку. Ничего, кроме сгустка коричневатой слизи. Ну да, испражнялась женщина редко, потому что ела тоже ох как нечасто, да и то только одну жидкую пищу, ибо жевать и вообще двигать челюстями была неспособна. К тому же, часть пищи необратимо отторгалась организмом и оказывалась около рта и на воротнике.

Я дала ей ложку лекарственного сиропа, дала запить стаканом травяного чая, поменяла слюнявчик, и на этом мои заботы на ближайшие часа два были закончены.

Теперь можно заниматься своими делами, то есть, никому не нужным времяпрепровождением. Всё, что я делаю, интересно только мне. Зачем, например, я каждый день записываю сны? Почему мои сны всегда с продолжением, почему там у меня есть жизнь, которой никогда не будет в реальности? Почему невозможно уйти туда насовсем? Зачем мне даже там осознавать, что это сон? Даже в мире фантазий, осознавая свою никчемность, не получается расслабиться. Конец близок, но он не принесет избавления... один этап просто сменится другим...

По мотивам своих снов я пишу книги и зарисовываю виденные во сне фантастические, инопланетные пейзажи. Не знаю, получается ли у меня рисовать: мне сравнивать не с чем, в доме совсем нет картин. А вот писать я точно не умею. Мои книги больше похожи на сценарий для какой-нибудь примитивной комедии ужасов. Неправильный взгляд на вещи, неуместный юмор (да, юмор, правда, в основном черный, да и хочется, чтобы хотя бы на бумаге имелось то, чего нет в жизни), да еще жестокость, цинизм и безразличие. В моих бумагомарательствах нет никакого толка. Рисунки никто не увидит и тем более не оценит. Книги не достойны внимания. Это нельзя назвать творчеством. Это ерунда ради собственного развлечения. Вместо того, чтобы бросить всё (а есть ли вообще что бросать?) и уйти к людям, несмотря на огромное расстояние, я остаюсь здесь...

Однако, я добьюсь всего, чего хочу. Вопрос в том, хочу ли я чего-нибудь. Или убеждаю себя в том, что чего-то хочу. Распланировав обязанности по часам, я убиваю свободное время, занимаясь дурацким любимым делом. С тем же успехом можно было и вовсе не вставать к кровати и ничем не заниматься. Я и при жизни — не человек, а кусок гнилого мяса. Иногда — особенно по утрам — это ощущается настолько явственно, что по телу начинают ползать маленькие белые червячки. Когда встаю, они падают с одежды и пропадают, видимо, проваливаясь в щели между половицами.

Днем я была счастлива, радуясь хотя бы тому, что жизнь течет спокойно и сегодня не хуже, чем вчера. Внешние обстоятельства, которые могли нарушить сложившийся годами распорядок, отсутствовали. Если они возникали, я с ними справлялась. И стагнация оставалась неизменной. Да-да, стагнация. Задолго до этой истории, меня считали умным и не по годам смышленным ребенком. Но теперь мой интеллект не развивался. Конечно, я много читала, чуть ли не наизусть выучив все книги, что были в доме и в двух соседских заброшенных домах этой много лет назад вымершей деревни. Но книги лишь повышают эрудицию и приобщают к культуре. Литература не научит жить. Не могу представить, как поведу себя, внезапно оказавшись среди людей. И есть ли вообще люди, или же этот мир действительно умер, и я вместе с ним, и лишь воображаю себя живой?

И нужны ли мне люди? Наверное, я вовсе не нуждаюсь в общении, поэтому и доверяю свои мысли бумаге, которая всё стерпит. Я не разговариваю минимум пять лет. Изредка, правда, пою песенки собственного сочинения, дабы убедиться, что голосовые связки еще в состоянии производить членораздельную речь. Могла бы молчать и дольше, но был инцидент, когда четыре дня не ела, не пила, не говорила — в общем, не открывала рот — за ненадобностью — на пятый день оказалось, что не могу разомкнуть губы, ибо они пересохли и чуть ли не срослись между собой. После этого губы потрескались и долгое время болели и кровоточили. Теперь, во избежание повторения данной истории, я пою. Но голос был настолько отвратительным, что соперничать с ним в мерзости могло только мое безобразное лицо. Как хорошо, что меня никто никогда не увидит. Такое уродство не должно было появляться на свет. А раз уж появилось... что ж, природа сама исправит свою ошибку.

А пока этого не произошло, я буду существовать, сводя жизнь к ожиданию, выживанию и псевдо-творчеству.

Где-то далеко за непроницаемой пеленой облаков солнце катилось по небосводу, совершая свой ежедневный путь с востока на запад. Я принесла дрова и хворост из коридора в комнату, ближе к печке: на всякий случай. Я начинала топить печь, только когда температура воздуха в комнате опускалась ниже + 11: топливо нужно экономить, я физически не могла заготовить много дров: весь сухостой на ближайшей территории давно был пущен в топку, а чтобы рубить большие, серьезные деревья, моих сил попросту не хватало. Приходилось отправляться в походы за несколько километров и возить хворост в большой ручной садовой тачке. Рано или поздно ресурсы закончатся, и в одну прекрасную морозную зиму мы попросту обледеем. Но пока этого не произошло, надо экономить, ходить дальше... Вообще, если не бегать по дому босиком, можно и в +5 не замерзнуть. К тому же, при потеплении усиливалась странная вонь, витающая по дому. А проветрить можно было только через дверь, поскольку окно ни в какую не открывалось. Да и проветривание не помогало: дом наполнялся не свежим воздухом, а одним лишь холодом, влажным и вонючим.

Затем, надев сапоги и дождевик, взяв нож и вместительную сумку, я отправилась на промыслы. Шел сильный дождь, превращая глинистую дорогу, что вела к лесу, в вязкую хлябь. Дорога эта, по которой давно не ездили машины, не зарастала только по той причине, что дожди регулярно смывали верхний слой грунта в болотистую низину на обочине. Каждую весну дорога и вовсе соединялась с болотом.

Мне нравится поздняя осень и дождь. Выйдя на улицу, я чувствую единение с этой медленно умирающей природой. Мне не грустно. Это чисто, приятно, совершенно, неизбежно и прекрасно. Это так, будто мы с дождем одно целое. Он даёт мне силы и вдохновение, открывает глаза на то, чего не замечала раньше. Оказывается, материя — это только плёнка, отделяющая миры один от другого. Как стена дождя или густой туман, что препятствует видеть далеко. Но, шагая вперед, пусть даже на ощупь, взору открывается что-то новое и неизведанное, и, чем дальше вглубь — тем интереснее. Тот мир тёмный, населенный монстрами и по-настоящему мёртвый. Там никогда не взойдет солнце.

Находясь единовременно в обоих мирах, я не знаю, какому из них отдать предпочтение, и какой из миров бесспорно мёртв: тот, где моё тело, или тот, где сознание. Если учесть то, что жизнь там, где движение, то оба мира были тождественны: движение отсутствовало и там, и там. Конечно, здесь сменяются времена года, природа обновляется, а где-то за пределами известной мне территории живут люди в городах, и там точно жизнь не стоит на месте. Но эта жизнь так расплывчата и далека, что ближе мне тот мир, по ту сторону, где вечная дождливая осень. Там легко и свободно. Страх начинался только дома...

Сегодня я по обыкновению обошла два холма — близнеца и овраг между ними. Добычей стали только грибы: сыроежки, волнушки, подберезовики и маслята, да еще пол литровая банка брусники. Ловушки пустовали, падали тоже не нашлось. Да, когда нечего есть, а охотиться не умеешь, не брезгуешь и дохлыми животными, особенно зимой — на морозе мясо долго не портится. Всё в принципе неплохо, я могла ничего не есть практически неделю, ничуть при этом не слабея: для поддержания жизненных сил хватало отвара из ягод, что мог долго храниться, не портясь. Мать так вообще нуждалась только в воде, лекарствах и бульонах. Плохо то, что в этом году лекарственные травы плохо уродились: высохли на корню из-за июльской жары. До следующего сезона сделанных запасов не хватит. Правда, кажется, травы давно уже не помогают, а делаю я эти лекарства чисто по инерции и ради успокоения совести.

Но есть ли у меня совесть? Есть ли что-нибудь доброе, человеческое? Я помню разных людей. Одни были веселыми, добродушными и отзывчивыми, но в равной степени, однако, попадались грубые, нечестные, эгоистичные. Не знаю, как оценивать себя, если рядом никого нет: примером служили персонажи книг, но и в книгах не находилось тех, на кого я была бы хоть немного похожа или кому хотела бы подражать. Да и чувства, испытываемые героями романов, были мне непонятны. Что такое, к примеру, любовь, из-за которой в основном все беды? Зачем вообще ее, любовь эту, придумали, если от нее столько проблем? Да и что за бред: втрескаться с первого взгляда. Увидела — и всё, жить без него не можешь. А от безответной любви слёзы ручьями льют, а то и вовсе вешаются, в омут бросаются и пулю в лоб пускают — либо себе, либо сопернику. Куда проще не любить. Тебе никто не нужен — и ты никому не нужна. Никаких слёз и страданий. Свобода и независимость. Бесполезное существование. Как одноклеточное. Не то что эмоций, а даже инстинктов нет. Как я. Правда, мне чего-то не хватает. Может, как раз таки любви. Только вот не смогу я полюбить. Слишком очерствело сердце. Если оно когда-нибудь было...

Загулявшись, я не заметила, как осенняя серость начала сменяться чернотой. Глазам всё сложнее становилось различать кочки, корни и глубокие лужи под ногами. Неосторожно ступив, я зачерпнула сапогом ледяной воды. Не ощутив ни раздражения, ни желания выругаться, не побеспокоившись о своем здоровье — а лишь без тени эмоций вылив воду из обуви, я продолжила выбираться из леса. Перед самым выходом на дорогу, лес на прощание подшутил надо мной: ветка корявой осины сдёрнула с головы капюшон и натрясла за шиворот дождевой воды, а какой-то колючий куст вцепился в сумку с грибами.

Вдали завыл волк. Помню, когда я первый раз увидела волка в живую, а не на картинках, первым желанием было его погладить. Но не решилась к нему подойти, да и волк не шел на контакт: возможно, был удивлен, ибо первый раз видел человека, или боялся палки — ковырялки, которой я шурудила в опавшей листве в поисках грибов. Так мы стояли и смотрели друг на друга, пока волк не ушел. Я потом видела его, или другого волка, еще несколько раз, но издали. Затем серые хищники перестали появляться в ближнем лесу. Теперь они обитали в бору за болотом.

Топь начиналась практически сразу за нашим садом, именно она порождала все эти постоянные туманы, и сейчас оттуда по направлению к дому ползло бледно-серое облако. Болото непрерывно расширялось, захватывая сад и с каждым годом всё ближе подбираясь к дому. Те яблони и сливы, что еще пять лет назад плодоносили, теперь торчали из воды скрюченными, почерневшими скелетами. Не цвёл больше вокруг дома луговой клевер: все травы вытеснила высоченная осока, а около пруда, из которого я брала воду для хозяйственных нужд, да и в самом пруду, вымахали камыши выше человеческого роста. Подбираться к воде приходилось, рискуя провалиться, а перед использованием воды приходилось вылавливать пиявок из ведра...

Вся почва в саду напоминала губку, насквозь пропитанную водой. Ближе к самой трясине отчетливо слышалось журчание множества подземных ручейков и речушек, которые, видимо, и питали топь. Болото уже почти поглотило дом: в подвале всегда стояла дурно пахнущая зеленая вода, весной и иногда особо дождливой осенью она поднималась до пола, даже просачиваясь между половицами. Ходить по комнате в сапогах и выносить воду ведрами — стало привычным делом, повторяющимся из года в год каждый апрель. Насквозь прогнивший древний деревянный дом верно уходил под землю, и когда-нибудь весной, после особо снежной зимы,

наше ветхое жилище обрушится к чертям болотным, расплывётся по брёвнышкам и станет частью трясины. Природа возьмёт своё. Ведь человеческое жильё здесь такое же лишнее, как сам человек. И хорошо, что никто никогда не узнает, что здесь существовало это непонятное нечто: вроде человек, а вроде только инертное тело, без души и сердца.

Когда я вернулась, дома было уже темно. На тумбочке в крохотной прихожей стояла самодельная свеча в подсвечнике из консервной банки. Без труда нашла ее на ощупь, зажгла (спички — самое ценное, поэтому коробок, плотно завернутый в полиэтиленовый пакет, лежал во внутреннем кармане дождевика и промокнуть не мог) и двинулась по коридору, направляя свет под ноги: не хватало еще наступить на змею. Где-то года три назад гадюки обосновались в кладовке. С тех пор я туда не заглядываю, всерьёз опасаясь, что пресмыкающиеся там кишмя кишат, греются в ворохах ветхого тряпья, выращивают змеёнышей в старинных сундуках, беспрерывно ползают, ползают, ползают, живым ковром устилают пол, и непременно набросятся на меня с шипением и зажалют до смерти, стоит мне открыть дверь в кладовку, тем самым потревожив их гнездо. Отдельные особи нередко выползали в коридор, но в комнате они почему-то никогда не появлялись, по всей видимости, не было щелей, дверь была всегда закрыта, да и высокий порог мешал.

Хотя мама часто кричала, что видела в комнате змею. Правда, кричала она в те времена, когда еще могла говорить, то есть задолго до того, как ползучие твари в действительности появились в доме. Может, предчувствие? Она всё знала заранее? А может, и я знала... Я действительно всё знала, просто не хотела в это верить, придерживаясь оптимистического взгляда на жизнь. Но что будет дальше.... если интуиция меня не обманывает, то дальше...

Мне стало не по себе. По спине прополз скользкий страх, настолько явственно и мокро, будто под одежду забралась змея. Меня прошиб пот. И впрямь же, вчера оставила дождевик на тумбочке в прихожей, а когда через час вспомнила и вернулась, он валялся на полу. За это время какая-нибудь некрупная гадина могла забраться под подкладку и сидеть в утеплителе, пока ее не начали беспокоить.

Я сдержала первый порыв: биться спиной о стену. Даже если я раздавлю тварь, ужалить она успеет. А мне еще за мамой ухаживать, нельзя подвергать опасности своё здоровье.

Аккуратно примостив свечу обратно на тумбочку, без крика, и даже скорее всего не меняясь в лице (что никак не соответствовало степени испуга) я вышла на улицу и тут начала в панике срывать с себя одежду, пока не оголила торс. Перетряхнула футболку, два свитера и плащ. Никакой змеи. Капли дождя смешивались на голой спине с противным, липким, нервным потом. Вот дура-то: змею вообразила. А был это, вероятно, листок, упавший тогда с дерева. Этот стыдобный момент надолго останется в памяти, и будет прокручиваться в голове перед сном или по утрам. Только бы не по утрам...

Хотя и убедилась в отсутствии опасности, ощущение тревоги не делось никуда. Что-то случилось или скоро случится.

Зайдя в комнату и разувшись, я первым делом прислушалась. Тихо, как если бы уши заткнули ватой. За окном накрапывал теперь уже слабый дождь, капли монотонно стучали по крыше. Но звуки оставались снаружи, в комнате же царил вакуум. Казалось, если долго так стоять и задержать дыхание, можно раствориться в тишине. Но я не стала задерживать дыхание: достаточно минуты, чтобы привыкнуть к странному запаху. Он стоял в воздухе постоянно, исчезая только летним днем, когда все двери были открыты, и свежий воздух свободно путешествовал по дому.

Слабый огонек свечи давал мало света. Чтобы проверить, спит ли мать, и не нужно ли ей чего, я поднесла этаким осветительный прибор к ее лицу. В слепых глазах читался неопиcуемый ужас. В чем дело? Тут боковое зрение засебло какие-то темные волнистые линии на белом пододеяльнике. Они шевелились и шуршали. Свеча пролила свет на ситуацию. Наверное, любой нормальный человек закричал бы, увидев змей, копошащихся в постели родной матери. Я только отшатнулась в первый момент. Затем смотрела. Смотрела и смотрела, как они ползают, как их становится больше. Они ниоткуда не выползали и не падали с потолка, а появлялись из ниоткуда. И жалить они не намеревались — не имело смысла, их никто не беспокоил. Я ждала, чем всё это закончится. Неожиданно босые ноги почувствовали воду. Это явление отвлекло меня от гадюк. Вода, что текла из-под кровати, размножала отблески свечи. Грязная, бурозеленая болотная жижа поднималась из подвала. Если за сегодня дом еще приспустился, могла образоваться трещина, из которой проникла вода и змеи тоже. Кстати, про змей. Пока я глазела на воду, они уползли, будто их и не было. Пока я убеждалась, что в постели нет ядовитых тварей, куда-то ушла и вода. Дурацкая щель. Завтра при свете дня залезу под кровать и заделаю ее. Давно пора заодно вымыть оттуда многолетнюю грязь.

В моей постели не имелось ни змей, ни иной живности. Намеренно перетряхнула всё, прежде чем лечь. Но сон не шел. Постель выстыла и пропиталась сыростью, как и всё в доме. Заснуть мешал не только холод, но и ожидание звуков. Но ничего в доме не скрипело, не щёлкало и не тикало. Дождь меланхолично шумел за окном. В голове прокручивался сегодняшний день. И память отматывала плёнку всё дальше в прошлое...

Когда-то всё было иначе. Мне было почти семь лет, когда мы с мамой приехали сюда в конце апреля. Осенью я должна была пойти в школу. Мать сильно болела, но держалась. Не раз, еще в трехлетнем возрасте, мне приходилось бегать среди ночи к коменданту общежития, если, конечно, ночью кто-то дежурил, чтобы он вызвал «скорую». Потом я ходила в магазин и в аптеку, еще не доставая ростом до прилавка. Когда кончались деньги, я бегала по соседям, прося займы. Выздоровев, мать расплачивалась с долгами. Потом, когда в связи с кризисом начала 90-х, завод, на котором работала мама, прикрыли, а в республике начались военные действия, мы переехали в Россию. Тут-то жизнь изменилась. В новой общаге всё было по-другому. Никто никому не помогал. Неоткуда было даже вызвать «скорую» - телефон был только у коменданта, которому в этой общаге было плевать на всё. Когда я звонила в «скорую» с уличного телефона-автомата, на том конце провода мне банально не верили только из-за того, что я ребенок.

Чем мама болела, оставалось невыясненным. На обследовании ставили целый букет болячек, но, как подсказывала мне интуиция, список был неполным. Самого главного врачи не знали.

Мало какое назначенное лекарство помогало. Было только одно, которым мать и закупились впрок, прежде чем мы уехали. Цель ее была: отдохнуть вдали от цивилизации, подышать свежим воздухом, познакомить меня с настоящей дикой природой, показать место, где она родилась и провела раннее детство. В этом доме жил весь наш род, в этой деревне все были одной семьёй, даже фамилию одну носили. Затем молодёжь разъехалась по городам, а старичье отправилось на погост. Но дом нам достался в отличном состоянии: буквально за месяц до нашего визита оттуда съехали моя восьмидесятилетняя бабушка и ее старший сын — они переселились в Заболотье — ближайшую деревню, да, в ту самую, что за 70 километров. На мой взгляд, необдуманно было решение ехать в такую глухомань, когда матери в любой момент могла потребоваться экстренная медицинская помощь. Но мать понадеялась на взятые с собой таблетки и уколы.

И поначалу всё действительно было хорошо. Мать замечательно себя чувствовала даже без приема лекарств. Раз в неделю на своей старенькой «Ниве» к нам приезжал из Заболотья мамин старший брат: привозил продукты и бытовые мелочи. Мать, естественно, платила за товар, а также давала список того, что нужно привезти в следующий раз. К концу лета всяких спичек, зажигалок, свечек, мыла и порошка, соли, сахара, круп и консервов, карандашей, ручек, альбомов и тетрадей для меня, а также прочей необходимой мелочёвки, накопилось столько, будто мы тут собрались пережить ядерную зиму. Мать оказалась чересчур запаслива, прежде она не проявляла подобных качеств. Напротив, она скорее являлась сторонницей минимализма в быту, никогда в доме не хранилось ничего «про запас», будто она в любой момент была готова сорваться с места. Видимо, давно планировала эту злосчастную поездку.

Для меня это путешествие казалось веселым приключением: мало кто из первоклашек сможет похвастаться, что провел целое лето на природе, без благ цивилизации, прям как потерпевший кораблекрушение. Если бы я точно знала, что жизнь обернется так... то ничего не смогла бы сделать: ребенок не имеет права слова. Откажись я, закапризничай, убеги из дома — нашли бы и увезли насильно. Но интуиция молчала до поры до времени, посылая лишь смутные сигналы, перекрываемые жаждой познания и обыкновенным любопытством. Предчувствие началось в середине июля. Никогда не забуду этот день. Я проснулась вся в слезах. Подушка промокла от солёной влаги. Уже пробудившись, я долго не могла остановить всхлипы, а глаза щипало так, будто рыдала я всю ночь. Не помню, какой сон явился причиной плача. События во сне не происходили, вернее, мой разум постарался забыть их, но остались эмоции.

Тот день выдался до отвращения солнечным. Природа будто издевалась надо мной. Глазам было невыносимо больно видеть брызги солнца на утренней росе. Небо казалось слишком голубым, а воздух неподвижным и пустым, будто из его состава внезапно исчез важный элемент. И было так тихо, будто свет убил всю жизнь. В то утро впервые за всё лето мама сказала, что плохо себя чувствует, поэтому мы не пойдем купаться. Я ждала этого дня недели две. В июне шли затяжные дожди, и мать говорила, что на речку пойдем только когда вода достаточно прогреется. Поход был запланирован на этот день. Я вечером загодя собрала сумку: покрывало, полотенце, игральные карты, ракетки для бадминтона и набор из трех воланов, волейбольный мяч, две бутылки колодезной воды и с десяток бутербродов. И засыпала в сладком предвкушении того, как наконец поплаваю в теплой воде. И, значит, в последний момент такой облом. Ну ладно. Сходим завтра. А завтра может испортиться погода. Завтра будет не то. Ну и что. Поменяю дни местами. Что у меня на завтра запланировано? Нарисовать пару страниц комикса про Карика и Валю: персонажей моей любимой книги, дочитать «Томасину», поиграть в саду. Но ничего не хочется. Не буду рисовать, если душа к этому сейчас не лежит. Не буду читать, если не смогу проникнуться переживаниями персонажей книги. Не буду есть и пить, не стану ничем заниматься. Пропущу день, вычеркну его из жизни. Целый день, за который можно так много успеть.

Провалилась я до обеда. И впрямь, могла бы не вставать целый день, если бы мать не предложила сходить таки на речку, соврав, что ей стало лучше. Я заметила ложь, но детская, можно сказать щенячья радость пересилила разум.

На прогулке мать двигалась медленнее обычного, глаза ее блеснули вовсе не от счастья, а на щеках играл нездоровый румянец. А я бегала, смеялась, плескалась, стараясь быть нормальным, обычным ребенком, не ощущая ничего, кроме беззаботной радости. Ведь впереди вся жизнь!

Вечером этого дня из квадратной бежевой сумки была извлечена первая за всё лето упаковка таблеток.

Это было только начало. Дальше пошли грибы. Подберезовики, подосиновики, белые, маслята, волнушки, грузди — их набирали так много, что даже мамин брат закупал их у нас — то есть менял продукты на наш «лесной улов», как-никак ему самому пришлось бы ездить за грибами далеко: около села, где он жил, болотистая почва не рождала ничего, кроме коричневых тонконогих поганок.

Грибы были везде: сыроежки выскакивали прямо возле дома, у двух сросшихся берез. Грибы преследовали во сне: маленькие, ярко-оранжевые, похожие на лисички, но несъедобные; или же трухлявые, червивые маслята, до которых стоит дотронуться — и шляпки расплзутся гнилью, кишачей червями. Ничто не вечно. Кончается всё. А затем начинается новое. Но если новое не начнется? Возможно ли, чтобы жизнь прекратилась, а человек остался существовать? Коптить небо — и ничего больше? Искать смысл — и не находить? Гнить заживо.

Грибы стали кошмаром. Дом стал кошмаром. Солнце скрылось. Единственное окно выходило на восток, но все рассветы в том августе были пасмурными. К полудню, когда солнце уже поднималось высоко, облака рассеивались, разбегаясь по небу веселыми белыми барашками, но ни один лучик дневного светила не мог уже коснуться ни вымытого до блеска пола, ни стен с по-весеннему зелеными обоями.

После сильного дождя, что лил беспрерывно всю ночь, на дальней стене возникло пресловутое пятно. Оно было живое, вернее, за ним таилось что-то живое. Когда я смотрела на него, в голове появлялись мысли, которые ни за что не пришли бы в голову ни одному из моих сверстников. Мне был непонятен смысл слов, что производил мой разум, я просто никогда их не слышала. Откуда берутся в черепной коробке дошкольника мысли о вечном одиночестве и страдании? Во всём виновато дурацкое пятно!

Я заклеила его своим рисунком. Стало еще хуже: рисунок начал оживать. Бумага размокла, и улыбающаяся загорелая девчонка с большой корзиной подосиновиков стала бледной и печальной, большие карие глаза слились в пару темных пятен с потёками краски — будто тушь на лице размазалась. Во что превратились нарисованные грибы, лучше не вспоминать.

Рисунок вскоре бесследно исчез: вероятнее всего, его выкинула мать, пока я бегала во дворе. Но пятно никуда не делось. Как и ощущение, что бледная, страшная девочка на испорченном рисунке — это я в будущем. Дома было сложно находиться. Я старалась проводить больше времени в саду, на огороде, в лесу.

Мама не отпускала меня в лес одну. Ходили вместе. Она стала передвигаться куда медленнее, чем в начале лета. Принимала таблетки даже в пути. Пила очень много воды. В лесу, пока я находилась в поле зрения, она просто сидела и отдыхала. Ее побледневшая кожа источала зловонный пот. Мы перестали по вечерам играть в карты, шахматы и домино. Я засела за учебники: готовилась к школе, всё-таки профильный лицей для одаренных детей, нужно соответствовать. Со дня на день приедет дядя и заберет нас отсюда. Пора уже в цивилизацию, а маме не помешало бы посетить врача. Но мать и не думала собирать чемоданы, а я из всех моральных сил изображала беззаботную радость, несмотря на то, что предчувствие близких перемен перешло в железобетонную уверенность.

Конец, начало, разложение, покой: я уже не боялась, а знала, что так будет.

А началось всё с заурядной простуды. В лесу мы попали под дождь, а зонт остался дома: я не захотела его брать, понадеявшись на погоду и народные приметы: ничто не предвещало дождя. К тому же, ушли далеко на разведку новых мест, как никогда еще не ходили. Это мне приспичило исследовать новые территории. Это из-за меня мама промокла насквозь. Из-за меня она слегла. Интуиция подсказывала — нужно взять зонт, но я не послушалась ее.

Леший бы с простудой. Дядя приедет и увезет нас в город. Но в назначенный день не затарахтела под окнами его потрёпанная «Нива». Ничего, задержался, с кем не бывает. До 1 сентября еще две недели, в школу успею. Однако, минуло даже две декады, а мамин брат не приехал. И мама не стала чувствовать себя лучше. Да, насморк, кашель и температура сошли на нет, но болезнь оставалась и прогрессировала. Что за недуг — непонятно. Мать называла только один из диагнозов — астма, но меня не обманешь. Астма не может скрутить молодую женщину так, чтобы та потеряла способность себя обслуживать.

Попытавшись прочитать аннотации к препаратам, я ничего не поняла: в этих медицинских терминах черт ногу сломит. Оставалось ждать: дядю и выздоровления.

Лекарств хватало, продуктов тоже. Мама устно инструктировала меня, касаясь бытовых дел. Она самостоятельно добиралась до туалета, держась за стенку и иногда опираясь на мое слабое плечо, сама ела и без проблем могла взять с прикроватной тумбочки кружку с водой и таблетку.

Но дядя не появился. Нужно было действовать. Что делает Магомет, когда гора не идет к нему? У нас в сарае стоял забавный велосипед с моторчиком — изобретение какого-то сельского умельца. Данный агрегат являлся единственным транспортным средством на случай ЧП. Помоему, ситуация выдалась как раз таки экстренная. Я оседлала железного коня и помчалась по дороге. Нужно найти маминого брата. Если не найду, то обращусь к администрации деревни. Те вызовут машину, и нас с мамой доставят в город, и матери окажут необходимую помощь. Если, конечно, управленцы поверят ребенку, а не пошлют гулять, решив, что моя история — детская шалость.

Если бы дорогу проложили напрямик, через болота и леса, то расстояние между старой и новой деревнями не превышало бы 30 километров. Но этот извилистый путь захватывал еще две деревни, дорога объединяла Комарино, Заболотье и Мокрицы в одну коммуникационную систему. По словам матери, лет 30 назад здесь кипела жизнь. Расстояние между населенными пунктами не казалось таким длинным, а пейзаж по обеим сторонам дороги был ярким и разнообразным: поля пшеницы, ржи, овса, картофеля. Луга с сочной травой, на которых паслись коровы, овцы и козы. Сейчас ничего не напоминало о том, что когда-то эта заболоченная низменность приносила людям пользу. Когда развалился колхоз, сельское хозяйство пришло в упадок и люди, лишившись работы, подались в город. В деревнях остались коротать свой век только пенсионеры. Когда администрация района решила, что гонять автолавку в такую даль ради десяти человек — убыточно, единственный автовладелец — мамин брат — стал по-настоящему незаменимым человеком. И только когда не осталось в Комарино и Мокрицах никого, кому он был полезен, он сам перебрался в Заболотье. Уже на момент нашего с мамой приезда, Комарино представляло собой пепелище, а половина домов в Мокрицах провалилась в вязкую почву по самые окна. Такая судьба ожидала и наш дом.

Я весело гнала велосипед вперед и вперед, пока на пути не возникло препятствие. Лужа шириной практически во всю ширину дороги. Глубину ее я знать не могла, но помнила хорошо, что, когда мы сюда ехали, это водное препятствие доставило немало проблем. По обеим сторонам дороги простирался водоем, заросший осокой, камышом и ряской. Именно благодаря водоёму, лужа эта была столь глубокой и никогда не пересыхала. Имелась узкая полоска твердой земли между лужей и озерцом. Сбавив скорость, я попыталась по ней проехать (чтобы идти, ведя велосипед рядом, не хватало места). Этот трюк был сродни переходу по канату под куполом цирка. И я оборвалась. Скользкая глинистая дорога... вывернуло руль... и я плюхнулась с невысокого обрыва в полузаросшее озерцо. Транспорт отправился на дно. Еще хорошо, что сама не утонула. Хотя, кто знает, может, лучше было бы утонуть...

Проехала я километров десять. Тут проще вернуться домой, чем продолжать путь пешком, в мокром виде, без припасов.

Дома меня ждал нагоняй и запрет ходить дальше колодца. А как же город, школа, нормальная жизнь? Не будет ничего, не будет... Нужно было послушаться родительницу и пойти пешком, за сутки — двое обязательно дойду. Но мама разволнуется, перенервничает, будет приступ. Если состояние ухудшается даже когда я ненадолго отлучаюсь из дома, то вдруг, когда придет помощь, будет уже поздно? К тому же, мама сказала, что скоро ей станет лучше, и тогда мы отправимся в путешествие вдвоем. Я поверила и ждала.

А в октябре начались крики, что будили меня по несколько раз за ночь. Заурядная просьба принести воды преподносилась, как вопль утопающего. Вода требовалась непременно теплая. Чтобы не топить плитку по первому писку, я начала загодя, с вечера, кипятить большую кастрюлю воды. Вода оставалась теплой до утра.

Но прерывали сон не одни лишь требования утолить жажду. Змеи. Они ползали в маминой кровати, под кроватью, из щелей между бревен пролезали отвратительные многоножки, а пятно на стене расширялось, превращаясь в глубокую темную дыру, за которой начинался иной мир, полный чудовищ. Чем хуже было мамино здоровье, тем легче было чудовищам проникнуть в эту реальность. Ни змей, ни монстров я не видела, о чем и говорила маме, а та утверждала, что пока меня разбудишь, все твари успевают расползтись. Вот только какой резон им прятаться? Маленькая девочка не может представлять опасность для потусторонних тварей. Почему они не лезут ко мне? Воображаемые монстры, по идее, должны пугать детей. Как одна девчонка в садике рассказывала, что у нее под кроватью живет зеленая куртепяка. Почему никто не пугает меня? Наверное, потому что и без них страшно.

И не ясно, что делать.

Однако, в ноябре жизнь сдвинулась с мертвой точки. Состояние матери улучшилось настолько, что она смогла ходить на дальние расстояния. Взяв документы и необходимые в дороге вещи, мы отправились в поход. Вперед, к цивилизации! Даже лужу ту несчастную мы преодолели! Но рано я радовалась. Километров через двадцать дорога преподнесла сюрприз в виде развилки: по сторонам и прямо. Точь-в-точь как в русской народной сказке, не доставало лишь камня — указателя, предупреждающего, что потеряешь, пойдя направо, и чего лишишься, пойдя налево. И без него понятно: чего терять, когда уже всё потеряно? Но нет: на тот момент было, что терять. Оставалась надежда. Та, что умирает последней.

Я не запомнила дорогу, да и мать не знала верного направления. Пришлось идти наугад. Есть дорога — значит, она обязательно куда-нибудь приведет. Тогда я еще не знала об

особенностях здешних дорог, о том, что они не зарастают. Путь влево заканчивался глухим лесом. Путь прямо петлял меж лугов и перелесков, но в итоге упирался в непролазную трясину, и мать припомнила, что во времена ее детства никакой трясины не было, а по этой дороге жители близлежащего Комарина ходили купаться и рыбачить на чистое лесное озеро.

Свернув направо и прошлёпав с десяток километров, мы остановились у реки. Она текла через дорогу, бурно и властно. Это была нужная дорога! Помню, что мы переезжали неширокую реку по деревянному мосту, что уже готов был развалиться от времени. По всей видимости, осенний паводок разрушил мост. Природа методично избавлялась от творений рук человеческих. И мы — люди — встали перед бурлящим потоком. Развернулись и пошли домой.

Только на следующий день мне пришло на ум, что эту реку можно попытаться форсировать. Она же узкая, хватит хорошего бревна или нескольких сколоченных между собой досок. Но мать решила иначе: дожидаться зимы, когда река замерзнет.

До становления льда нужно было дожить. И не замерзнуть самим.

Ежедневно в 5 утра мама меня будила и мы отправлялись на заготовку дров. Женщина усердно орудовала топором, а я складывала дрова в тачку и отвозила к сараю. Только два часа в день, с 5 до 7 утра, мама могла работать, будто и не болела никогда. Затем она ложилась и спала весь день напролет. А я в это время сама тренировалась делать из деревьев поленья для печи.

Минула неделя. Дни становились короче, туманная сырость начала проникать в жилище. Батарейки для фонаря, свечи, топливо для старой, найденной в кладовке керосинки — всё это надлежало экономить, поэтому я училась видеть в темноте. Видеть не получалось, но, запомнив расположение предметов в доме, вполне реально можно было перемещаться по дому, ни обо что не спотыкаясь. Свои рассказы и стишки я писала в тетради на ощупь. Буквы прыгали, строчки съезжали по наклонной, но слова были читабельны. Всё равно при дневном свете я их переписывала в чистовик.

А спасительная зима с ледоставом начинаться не собиралась. Непреходящий полумрак угнетал. Мать не выдержала. Ей невыносимо было находиться дома. И в умирающем саду тоже. В любое время суток она могла встать, надеть джинсовую куртку с утеплителем, обуть высокие резиновые сапоги — и идти прочь из дома... вытаскивая меня чуть ли не за шкуру. Она брела, куда глаза глядят. Не разбирая дороги, напролом. Ее стремлением было уйти как можно дальше, и никогда не возвращаться в дом, который ее убивает. Я крутила пальцем у виска: при чем тут дом, убивает-то болезнь, а от болезни не спасешься, тупо шатаясь по улице. Нужно в больницу! Сколько раз бы мы успели найти способ перебраться на тот берег реки... Но мать с ослиным упорством болталась по местам, где нет и близко не было спасения. Никакие уговоры не действовали. Не в силах задержать ее физически, я вынуждена была находиться рядом. Не могла ее бросить. А вдруг она попадет в беду? Разумеется, я не спасу ее от волка или медведя, да и из болота не смогу вытащить, но как-никак лучше быть рядом, нежели ждать и маяться неизвестностью.

Мама держалась, но лихорадочный, безумный блеск в глазах, расширенные зрачки, холодный пот, красноватые веки — всё это выдавало болезнь, от которой не скрыться нигде, как бы она ни пыталась. Она не забыла о той реке. Она боялась к ней приближаться. Река стала кошмаром. Вода стала кошмаром.

Мать не дождалась зимы. Закончился временный заряд бодрости, истраченный впустую. Шанс на спасение упущен. Мать проводила дни, лежа пластом на своей старой, скрипящей

пружинами кровати, и уже не кричала, завидев змей: привыкла к тому, что я ее не понимаю и не верю ей. Но как можно верить в то, чего не видишь, если, бывает, глазам собственным не веришь?

Сумерки не прекращались. Тьма сочилась из пятна на стене, пока не заполнила собой весь дом. Я не препятствовала этому. Пускай пятно расползается, пускай змеятся трещины по стене, пускай темно и тихо. Тишина была осязаема, а тьма густая, как кисель. Этот застывший, вязкий воздух тяжело воспринимался легкими, поэтому дыхание само собой стало редким и неглубоким, практически не учащаясь даже во время физической активности.

Первая зима пришла внезапно и выдалась неожиданно суровой. Снега намело почти по самую крышу. Мне хватило раскопать узкий лаз на улицу и расчистить половину окна: для света и обзора. Стекло регулярно покрывалось морозными узорами, закрывая визуальный доступ в ледяное безмолвие. Весь мир вокруг был белым и каменным. Застывшее бледное небо, нетронутая снежная целина и ледяные, жгучие капельки воды в недвижимом воздухе.

Это словно была планета без людей. Человек бы остановился и уснул. Но у меня был дом. Холодный, с инеем на стенах по утрам, с огромной кучей дров около печки, и с ведром, заменяющим туалет, что стояло в коридоре, а позже — ввиду сильных морозов — было перенесено в комнату.

Когда мороз ослаб, я нацепила найденные в кладовке валенки (они оказались мне велики, но помогли трое носков и напиханные в обувь тряпки) и самодельные снегоступы, смастеренные из бадминтонных ракеток — и вперед, к цивилизации, через замерзшую речку. Но, только выйдя из дома, я поняла бессмысленность этой затеи: снег стёр границы между дорогой, лугом, рекой и болотом. Перед моим растерянным взором тянулась сплошная однородная белизна, лишь снег синел на горизонте. Куда идти? Наугад? Без карты, без компаса и ориентиров? Учитывая то, что торфяники плохо замерзают, особенно в такие зимы, как эта — когда сначала выпадает снег, а потом начинаются морозы и, хоть лежит на болоте снег, ввалиться можно так, что мало не покажется. Заблудиться и замерзнуть — как вариант. Не дойду, не выдержу холода. Околею ночью. Никому от этого не станет лучше. Зарыться на ночь в снег — это идея. Но я себя знаю. Не буду отдыхать. Не смогу заснуть, если в пути. Буду шагать, пока не дойду или не упаду, лишившись сил или сознания. Так и помощь не приведу, и сама пропаду. Будет только хуже. Человеку, которого я оставляю умирать в одиночестве. Никто не должен умереть! Я придумаю, найду способ выбраться отсюда! Если не зимой, то летом, когда спадет уровень воды и течение успокоится. На том и порешила.

Всю зиму я посвятила изучению бабушкиных записей, этих ветхих, хрупких тетрадей, потемневших, пораженных плесенью, с расплывшимися от сырости чернилами. Крупный, размашистый почерк прародительницы давал советы по лечению различных недугов, включая те, что мучили маму. Аптечные лекарства не бесконечны, необходим был заменитель...

Вместе со снегом таяла надежда на возвращение в нормальную жизнь. Я всё отчетливее осознавала, что никуда не пойду. Если мать узнает, куда я ушла - а поход займет не один день — то на нервной почве случится приступ, а никого рядом не будет, чтобы дать лекарство. Ежели не узнает — в случае, если уйти по тихому — будет еще хуже: неизвестность — страшная штука. Куда ни кинь — всюду клин. Кто знает, сколько времени пройдет, прежде, чем я доберусь до людей. Не исключено, что река — не последнее препятствие. Если будут еще развилки, я сверну не туда и заблужусь? Конечно, волков бояться — в лес не ходить, но чтобы ходить в лес, где

водятся волки, мало быть храбрым, нужно иметь оружие и немного физической силы. А я, что могу я?.. Мама говорила, что отпустит меня, когда поправится, чтобы самой себя обслуживать. В принципе, логично, только вот не факт, что ей станет лучше без квалифицированной помощи. А идти за помощью... черт, это какой-то замкнутый круг!

Нужно было плевать на уговоры матери и неуверенность в собственных силах, и все-таки идти. Но я осталась сидеть на месте. А потом стало поздно.

Однажды я проснулась среди ночи от непонятного звука, похожего на гудение проводов. Поднявшись, я весьма удивилась: вся комната и предметы обстановки представляли собой неясные силуэты, состоящие из переливающихся разноцветных потоков. Окно было грязно-желтым, стены — красными, что ничуть не соответствовало цвету обоев; старый дубовый шкаф отображался, как пятно цвета морской волны, а мамину кровать вместе с ней самой покрывало серое, мутное, извивающееся полупрозрачное нечто, из-под которого смутно проглядывала светло-голубая, чистая энергия. Всё материальное стало нематериальным, как и я сама. Моё тело спокойно валялось на кровати. Меня сей факт нисколько не напугал: мало ли что приснится. И так, я нахожусь во сне и осознаю это. Настало время изучить, что кроется за темным пятном, что на западной стене.

Это было слишком просто, чтобы быть правдой. Это было слишком явно, чтобы быть тайной. Пятно являлось воротами в другие миры. В основном они были темными и опасными, но что может напугать, когда знаешь, что в любой момент можешь проснуться. Там было то, чего не хватало в реальности. Разнообразие, движение, общение. Первые два года я отвергала эти сны. Но сны помогали в реальной жизни. Если бессильны оказывались книги, бабушкины тетради и мамыны советы, то во сне я получала ответы на все вопросы. Я начала осознанно углубляться в собственное подсознание.

Так начался новый период. Днем я выполняла определенный набор обязанностей, а ночью отправлялась в путешествие по фантастическим мирам. Стало окончательно ясно, что прежнюю жизнь не вернуть. Матери ничто не поможет и изначально никто не мог помочь. Финал очевиден. Главное, чтобы померла она не раньше, чем мне стукнет 18. тогда я буду юридически полноправным человеком и, вернувшись в город — когда уже ничто не будет держать меня здесь, когда будет нечего терять и я уйду — смогу предъявить права на нашу квартиру, что так и осталась брошенной, если, конечно, никто не прибрал ее к рукам. Не зря мать таскала меня с собой, когда оформляла документы на приватизацию жилплощади. Теперь я знаю, куда идти и что делать. Она знала всё заранее...

Лет пять назад надежда на спасение умерла. И это было прекрасно. Стало легко и спокойно. Можно уже не дёргать лапками, а тихо ждать неизбежного конца. Шкала эмоций достигла нулевой отметки. Но депрессии не было. Лишь тишина.

И необъяснимый страх по утрам. Наверное, во время перехода от сна к бодрствованию, когда психика наиболее лабильна, что-то человеческое пытается пробиться сквозь панцирь железобетонного равнодушия. И это человеческое хочет заставить меня плакать, напоминая о том, что ничего бы этого не было, если бы тогда, давно, я решилась бы пойти за помощью, если бы тогда по моей вине мы не попали бы под дождь, если бы я приложила все усилия, чтобы мы вообще сюда не ехали! Я виновата. И хватит... хватит уже с меня...

И сегодня, как и всегда, засыпая, я надеялась, что не проснусь. Ни в этом мире, ни в другом. Просто нигде.

Мой сон прервал странный шум за окном. Спала бы еще как минимум час, если бы тишину не разорвал чуждый природе звук, в котором я с трудом узнала давно забытое тархтение мотора. Я тут же бросилась к окну, оно весьма кстати выходило на дорогу. Машина. Но не дядина «нива». Темно-красная легковушка была покрыта липкой грязью по самые окна. Видимо, форсировали и реку, и ту самую лужу, которая с годами, под натиском болота, еще более углубилась. Маловероятно, что эта маленькая машинка преодолела бы водоёмы без сопровождающего ее трактора: его-то мотор и гудел, а непривычный для обоняния запах переработанной соляры просачивался в оконные щели. Трактор стоял чуть впереди, от него к легковушке тянулся металлический трос.

Тракторист заглушил мотор, легко выпрыгнул из кабины и помог выйти пассажирам легкового автомобиля. Люди. Это — люди. Как всё-таки я не похожа на них. Люди остались такими же, какими я их запомнила. Они не изменились.

Те двое, что вышли из машины — женщина с ярким макияжем и пурпурными волосами, уложенными в пышную причёску, и одетый по-деловому полноватый мужчина — удивленно оглядывались по сторонам, а женщина извлекла из сумочки салфетки и принялась протирать туфли.

- Бесплезно. Вы по пути к дому еще запачкаетесь, - бросил тракторист.

Человеческая речь. Странно, что она еще не превратилась для меня в набор звуков, и я еще могу понимать слова. Но как громко они говорят!

- Думаете, в доме кто-то есть? Развалюха выглядит заброшенной, - сощурился мужчина.

- Сейчас проверим. - Женщина не стала отчищать обувь, выкинула салфетку и решительно зашагала к дому. Мужчины последовали за ней.

Войдя в комнату, все разом зажали носы, брезгливо скривились и изумленно вытаращились, а женщина, взглянув на маму, испуганно ойкнула и лишилась чувств.

Я встретила гостей, неподвижно и молча сидя на кровати. Это было спасение. Но мне уже всё равно...

Солнечные блики придавали оттенок желтизны обшарпанным темно-синим стенам больничного коридора. В косых лучах медленно плавали пылинки. Дежурная медсестра на посту, со скуки разглядывающая журнал мод, неохотно подняла глаза на старушку, что еле-еле шаркала от своей палаты по направлению к туалету. В вытянутых перед собой руках пожилая женщина несла собственную «утку», что-то бормоча себе под нос и изредка срываясь на нечленораздельный визг.

В этот послеобеденный час на всём этаже было слышно, как в моечной из неисправного крана капает вода. Этот равномерный, методичный перестук капель о керамическую поверхность раковины стал настолько привычным, что, исчезни он — и нарушится здешняя гармония. Может быть, поэтому никто не спешил ремонтировать кран, так же как и красить стены, и менять напольную плитку. А зачем, для кого, если постоянные обитатели этих мест живут в своем мире?..

Около палаты № 8 стояли двое: высокий плотный мужчина в белом халате, с очками, торчащими из нагрудного кармана халата, и с папкой документов под мышкой и женщина в возрасте. Ее не по годам вызывающий макияж бросался в глаза.

- Доктор, как она?

- Всё так же, - пожал плечами мужчина, - интересный пациент. Ничего не чувствует. Нейтральна к физической боли. Ничего не ест. Не реагирует на эмоциональные раздражители. Она не то что не заплакала, она даже не изменилась в лице, когда ей сказали, что ее мать умерла. Она восприняла это, как должное. Разумеется, не было сказано, как давно мать умерла. Девочка не может выразить свои мысли. Не умеет общаться ни словами, ни жестами. Молчит. Просто берёт и делает то, что ей надо. При этом, читая ее дневники, я поражаюсь ее фантазии. Выдумав себе другие миры, она тем самым удовлетворяла обыкновенную психологическую потребность в общении. Но и не только. В одной из записей она подробно описывает войну в Ираке, даже указав важнейшие даты. Откуда она могла это знать, находясь в глухой вымершей деревне?

- Шизофрения, - покачала головой женщина, - бедный ребенок, несколько лет провести рядом со змеями и с трупом родной матери.

- Да, странно. Согласно экспертизе, мать девочки, ваша сестра, умерла четыре года назад, но, несмотря на сырость, труп не разложился, а высох... Что с вами? Вам плохо?

Дама поспешила опуститься на продавленный кожаный диван, и, приняв извлеченную из сумки таблетку, проговорила:

- Когда я вошла... мне показалось, что сестра жива... дышит... а девочка — труп... Вы не представляете, что я испытала в этот момент.

- Ничего страшного, у вас был шок. Ваше счастье, что вы никогда не испытаете то, что довелось пережить этому ребенку. Кстати, что касемо девочки. Она боялась остаться в полном одиночестве, вдобавок, к тому моменту психика уже была нарушена, поэтому она и восприняла смерть как продолжение тяжелой болезни. Чтобы не ощущать негативных эмоций, пациентка закрылась от любых эмоций вообще. Она не может любить, дружить, радоваться, сочувствовать. Впрочем, там и дружить-то было не с кем. Как и недолюбливать тоже некого. В том возрасте, когда необходимо было воспитание и образование, этот ребенок был предоставлен сам себе. Ее интеллект остановился на уровне ученика начальных классов. Она не в состоянии решить простейшие тестовые задания.

- Если она настолько глупа, то как тогда смогла выжить там, да еще несколько лет ухаживать за больным человеком? - женщина изумленно подняла свои нарисованные брови.

- Вероятно, она настроилась на выживание инстинктивно, как звереныш, - неуверенно заговорил психотерапевт, стыдясь своей неосведомленности в этом вопросе, - ее потребности ограничились жизненно необходимым минимумом. Однако, отправь нас в такие условия, мы и месяц бы не продержались. Минимум, при котором она полна сил — практически равноценен психологическому и физиологическому коллапсу для нас с вами. Вы видели условия, в которых она жила? Я знаю о них только по фотографиям и рассказам вашего мужа...

- Да, да! - Перебила женщина, - ужасная антисанитария! Невыносимая вонь! А сколько месяцев девочка не мылась и сколько лет носила одну и ту же одежду!..

- Она даже не знала, как пользоваться водопроводом, - кивнул врач, - и, несмотря на вопиющее нарушение правил личной гигиены, у нее нет ни вшей, ни кожных болезней. Здорова по всем показателям. Единственное — это серьезный недобор веса, редкий пульс, гипотония и синусовая аритмия. Но, полагаю, вас это мало волнует.

- Вы правы, - женщина неловко замялась, теребя в руках ремешок блестящей бордовой сумочки, - меня другое волнует. Каковы шансы на ее полное выздоровление?

- Шансов нет. Она никогда не адаптируется к нормальной жизни в обществе. Если вдруг заметим проблески разума — увеличим дозу транквилизаторов. Невменяемая девочка не помешает вам завладеть квартирой сестры. Кстати, где вы были раньше?

Дама снова смутилась, было заметно ее нежелание отвечать на поставленный вопрос.

- Видите ли, мы с сестрой были не очень дружны. Точнее, мы общались очень редко, поздравляя друг друга с днем рождения и с новым годом, ради формального поддержания родственных отношений. У нее было не всё в порядке с головой. Опухоль мозга. Эта болезнь сказала и на разуме. Только человек с нездоровой психикой поедет в такую глушь, да к тому же потащит туда ребенка. Вы не представляете, какое облегчение я почувствовала, когда эта полоумная родственница исчезла из моей жизни. Перестала звонить каждые полгода и напрашиваться в гости. Но затем мне стало чего-то не хватать. По правде, так выиграло любопытство. Как там ее жизнь, как успехи ее дочери — ей уже пора была заканчивать школу. Позвонила, но ответил только оператор. Данный номер не существует. Я начала наводить справки. Выяснилось, что сестра и ее дочь считаются пропавшими без вести, а их квартира незаконно занята посторонними людьми. Тогда я вспомнила о письме, которое прислала сестра еще тем далеким летом, оно было отправлено из Заболотья. В письме она рассказывала о счастливом отдыхе в нашем старом родовом доме. С тех пор никаких вестей. Располагая лишь информацией, изложенной в письме, мы с мужем поехали в Заболотье. Там выяснилось, что кроме меня об idiotской затее моей чокнутой сестры знал наш старший брат и престарелая мать. Брат, оказывается, умер — утонул в болоте. Я даже не огорчилась. С братом я тоже мало общалась. Что с него взять — деревенский валенок. Мне стыдно за то, что у меня такие родственники. Вот теперь и племянница — шизофреничка. - Женщина бросила презрительный взгляд в сторону палаты № 8. - Мать наша умерла вскоре после гибели брата. Как говорили люди, ее тело обнаружили неделю спустя, когда соседи учуяли специфический запах. О моей сестре с ребенком никто в Заболотье ничего не знал. Либо всем просто не нужно было об этом знать. Мы с мужем еле уговорили мужика — тракториста показать нам дорогу в Мокрицы. Еще за две бутылки он согласился нас проводить. Да, без трактора мы застряли бы в этой вонючей луже... Честно говоря, я ожидала увидеть пустой дом или пару скелетов, но ни в коем случае не это... Зато теперь сестра официально признана умершей, а ее дочь — недееспособной. Я остаюсь единственной наследницей и запросто докажу в суде своё право на квартиру сестры.

- Я предоставлю вам необходимые справки, - врач небрежно потёр большой палец об указательный и средний, намекая на денежное вознаграждение. Собеседница поняла намёк...

Некоторое время оба молчали, провожая взглядом старушку, возвращавшуюся из туалета. Когда та скрылась за дверью своей палаты, врач тихо продолжил диалог.

- Обычно люди, лишённые общения, начинают говорить сами с собой. В данном случае, наоборот, девочка замкнулась в себе. Из нее слово клещами не вытащишь. Зато она согласилась написать о своей жизни. Эти десять лет в тишине...

Дверь в палату № 8 была приоткрыта так, что из коридора можно было увидеть сидящую на кровати девочку, быстро что-то строчащую в тоненькой тетради. В свои 17 лет пациентка едва ли выглядела на 13. Длинные иссиня-черные волосы, обрамлявшие худое бледное лицо, белая больничная ночнушка, мешком висящая на дистрофическом теле — делали ее похожей на привидение.

- Меня пугают такие спокойные пациенты, - признался доктор, - псих, притворяющийся спокойным, куда опаснее, чем буйный, бьющийся головой о стену. Она будто что-то замышляет. Боюсь, ваша племянница способна на побег...

Дэ Лэн

Дайверы (Поколение сети)

Он стремится в виртуальный поток, плывёт. Сквозь муть проступают отблески золотых цветов, потонувших в грязном иле сквернословия, обмана и лицемерия. Ныряет на глубину и достигает дна, где должны быть спрятаны сокровища прошлого столетия. Его нетленные ценности. Всё это было кем-то втихую выброшено в бешеный поток. Они же превратили его в грязь.

В черном иле он замечает уголок плаката. Красивые и стройные буквы гласят: «XXI век — страна покоряет Космос... корабли юных сердцем и душой граждан бороздят бескрайние просторы. Человек — достиг неизведанных миров. Будущее уже рядом!».

Дайвер бережно извлекает из ила плакат и стремится на поверхность. Душная пыльная атмосфера обесцвечивает блеск этих прекрасных слов. Надо подняться еще выше, к звездам, чтобы их увидели все...

***

Наверно, это самая большая и нелепая глупость: быть рождённым в нынешнее столетие. Век, за яркой и сытой личиной которого прячется голод. Каждой клеточкой кожи тело испытывает этот страшный и невыносимый голод, проистекающий из самых темных глубин подсознания. Осознавая гибельность бездействия, тело продолжает плыть по течению. Оно продолжает пожирать и не может насытиться. Огромное изобилие при огромной потерянности.

У нас много возможностей, но мы не знаем, за что хвататься. И причина этому наше собственное невежество и заблуждение. Тело осознаёт необходимость сопротивления, но статично. Какое-то глупое равнодушие к собственному существованию.

Я — дитя обреченного на голод поколения, чьё мироощущение замкнулось на собственном эгоцентризме. Кажется, нас объединяет что-то значительное. Но даже это «что-то» мы подменили и опошили. И даже широту души мы подменили широтой кошелька.

Мне стыдно за своё существование. Мне стыдно за своих сверстников. Мне стыдно, что наше бездушие подменило духовность, а равнодушие — сопереживание. Мне стыдно, что за всей пестротой казавшейся состоятельности и изобилия, мы не можем определиться со своим предназначением. И дело вовсе не в сложности и непредсказуемости событий. Дело в отсутствии ценностей. У нас их просто нет.

Мне стыдно, что при всех своих возможностях, мы с дьявольской холодностью смотрим на гибель ближних. И мы не стремимся им помочь. Мы радуемся в глубине души, что это не коснулось нас. Поэтому мы боимся всего, гордимся всем, завидуем всему и осуждаем всё. И это всё — сплошное ничто. Пустота и самообман.

Осознание этого не облегчает моей доли. Разум воспринимает реальность и реагирует на неё с удвоенным ужасом. Лучше бы я продолжал оставаться слепым. О, благослови, Создатель, святое невежество!

***

«С этим надо кончать!» — сказал он себе самому, снимая гидрокостюм. Грязь настолько глубоко проникла в ткань, что, пробудь он в потоке еще немного, и она неминуемо поразила бы его кожу.

«Мы сами себя убиваем, — продолжал он, смотря на то, как пламя пожирало зараженный костюм. — Мы сами себя превращаем в рабов собственных желаний и других таких же рабов. Мы сами себя опускаем в бездонное илистое дно. Все наши беды от нас самих. От нашей глупости».

Дайвер идёт прочь от потока. Без костюма. Без личины. Чист и открыт. Навстречу другим. В руках он нёс плакат с призывом к высокому.

Айлани Ширр

Ожидание

Я сижу на мягком широком диване и смотрю в пустоту. Никто не может обвинить меня в безделье – я одна в комнате, освещённой первыми лучами восходящего солнца. Пылинки странными узорами кружатся по комнате, воздух терпкий с привкусом соли, цветы на окне тянутся к небу. На мне, туго завязанный на талии, шёлковый халат, который повторяет все мои движения лёгкими складками. Я дышу ровно с лёгким свистом на выдохе – лёгкие разрываются огнём от боли. У меня прекрасные голубые глаза – чистые и светлые. Когда-то их обрамляли пушистые длинные ресницы – сейчас голые обгоревшие веки. Густых смоляных бровей как будто никогда и не было. Алые и нежные от природы губы превратились в печёные яблоки, как и всё моё некогда красивое лицо. От длинных прямых волос остался кривой обгоревший череп. Шестьдесят процентов обгоревшего тела повисло на скрюченных сколиозом и несколькими переломами костях. Мне больно дышать, сидеть, есть, спать – тугой пояс халата причиняет невыносимую боль, я затягиваю его потуже, чтобы сосредоточиться только на одном месте.

Я сижу на мягком диване, я не смогу встать с него без чьей-нибудь помощи. Никто не может обвинить меня в безделье – для всех здесь это нормально. Я одна в комнате – реанимация или уже ожоговое отделение, я не старалась запоминать. Дежурные медсёстры и врачи уже спят – мне не до сна, хотя, наверное, мне уже просто всё равно. На меня падают первые лучи восходящего солнца, они освещают мои лёгкие руки, длинные пальцы, я стараюсь не смотреть – былой красоты уже не вернуть. Ни одной мысли уже несколько часов – со стороны я, возможно, похожа на уродливую восковую куклу. Я помню мать, приходящую навещать меня каждый день – её не было в пожаре, она работала. Первые дни она плакала, а мне не хватало сил и желания её успокоить. Пару дней назад я пересилила себя и погладила её руку, отчего мою тут же пронзило миллион зубчатых игл. С тех пор она не плачет. Она всё так же приходит ко мне каждый день, мы сидим на этом диване и наблюдаем за суетой людей. Я не хочу лежать в палате: принимаю лекарства и еду здесь, в туалет езжу на инвалидной коляске. Я не показываю, что мне больно, хотя все обезболивающие, которые они мне дают, не уменьшают боль так, как хотелось бы. Я не жалуюсь. Я сижу на мягком диване и жду: восхода солнца, пробуждения больницы, привычной дневной суеты, маму. Сегодня я хочу впервые поговорить с мамой, она мне очень помогает. Я скажу ей, что я привыкла к боли, что мне уже всё равно. А она сделает вид, что поверила, как и всегда. Ей станет легче и мне тоже.

Я дышу ровно с лёгким свистом на выдохе и жду.

Полторы минуты.

Она всегда была странная и многими нелюбимая. Она видела человека насквозь, видела потоки энергии в его теле, видела его душу. Друзей у неё особо не было, хотя со стороны она была самым обычным человеком.

Таймер микроволновки неумолимо приближался к концу. Оставалось всего каких-то полторы минуты. Девушка задумчиво посмотрела на него и резко положила ладони на талию, тут же вскрикнула: не рассчитав силы, сжала слишком сильно и тут же быстро убрала руки в карманы просторного серого халата. Это был самый заурядный халат из всех, что я видел. Он был больше похож на балахон, с широкими подворотами на рукавах по рисунку, белой молнией и улыбающимся котёнком в валенках и спальном колпаке на уровне левой ключицы. Пояс от него она никогда не носила, особенно теперь, когда, после двух с половиной месяцев лечения, она похудела на 40 килограмм и её скелет, наконец, пришёл в норму.

Девушка нервно подошла к балконной двери. Сквозь два стекла просвечивался укромный уголок мира, наверное, самый тихий и спокойный. Это был спальный район, прямо во дворе детский сад, дальше метро, потом необъятный парк, который летом настолько зелёный, что закрывает собой весь остальной обзор. Высокие деревья изумрудными кронами прикрывают мелкие дома, и на горизонте возвышаются только многоэтажки и редкие башенные краны. Ей захотелось открыть дверь, выйти на ледяной бетон балкона - маленький махровый коврик не спасёт от бушующей за стеклом зимы - распахнуть окно и сброситься вниз. Восьмой этаж всё-таки существенная высота. За её спиной громко усмехнулся плод её воображения.

- Так дела не делаются, Принцесса! – он широко улыбался.

Это был её любимый воображаемый персонаж, хотя воображаемым он был лишь сейчас. В остальное время он был обычным парнем, учился с ней в одном классе и особого внимания на неё не обращал. Человек он был от души забавный: глаза, цвет которых она не решалась определить, хотя смотрела в них довольно часто, вечно сверкали усмешкой, которая скрывала забитую в самую глубь сознания боль. Губы самые обыкновенные, настолько чувственные, что их постоянно хотелось поцеловать, а голос его, однако являющейся самой главной частью его сущности, заставлял дрожать от восторга. Правда все чувства, диапазон которых ограничивался её страхом быть отвергнутой, испытывала только она. Остальные одноклассники, многие из которых смотрели на неё с презрением, о нём были худшего мнения. Она их никогда не слушала по отношению к себе, хотя злословия в его сторону пыталась пресечь, отвлекая от этой темы как можно дальше. Со временем сложилось стойкое мнение, что она в него влюбилась. Но с ходу сказать сложно. К тому же «определить – значит, ограничить» - не помню, кто сказал.

Но, не смотря на это, он был её самой сокровенной и самой главной фантазией, настолько, что последнее время только эта фантазия и находилась рядом с ней. О чём она думала или мечтала сказать сложно, но, при взгляде на него, её глаза светились счастьем под лёгким налётом похоти, по её губам начинала бродить радостная улыбка, а в голове роиться страхи и сомнения. Слишком часто манипулируя, вполне успешно, людьми, она не могла сделать ничего по отношению к нему, без его согласия. Зная его вдоль и поперёк, насколько это возможно при её незаурядных способностях, она всё же не хотела вторгаться в его личный мир без разрешения. Так и жили, он – уверенный в себе, общительный молодой человек, который даже не представляет, что творится в голове у неё – маленькой серой мышки, которая не представляет с первого взгляда ничего особенного.

- У тебя есть другой вариант, Лекс?! – спросила она, расстраиваясь про себя, ведь даже не представляла, что бы он сделал, будь всё это реальным.

- Даже не знаю, – он всё ещё хитро улыбался.

Хотя парень и являлся лишь фантазией, он был как живой, ведь она помнила его до мелочей и эта улыбка....

- Ты же знаешь, если я прикоснусь к тебе, я сойду с ума.

- Да ну? Можешь ли ты так сильно любить меня? Ты?! Не хмурься, Принцесса, не забывай, я ведь плод твоего воображения. Я отражаю твои же мысли, твои страдания, твои страхи, твои мечты.

- Я знаю. Но о чем, же я мечтаю?

- Как и все девушки в твоём возрасте. Быть любимой. Но ты ещё мечтаешь отдать себя без остатка. Быть подчинённой одному человеку, отдать ему душу и тело. Ты мечтаешь по-настоящему любить, такой любовью, которой тебя всегда учили. И боишься ты быть снова уничтоженной.

Девушка в панике прикусила костяшку указательного пальца и с отчаянием прошептала:

- Снова? Ты напоминаешь мне об этом слишком часто. Когда меня уничтожили....

- Ты боишься, что если расскажешь, я не приму, - с лукавой ухмылкой перебил парень.

- Ты и не примешь. Сломанные куклы ведь никому не нужны, - мысли затуманились, заполняясь густой патокой.

Микроволновка отрывисто запищала. Неустойчивая мысль на уровне галлюцинации растворилась в воздухе с самой самоуверенной ухмылкой, оставив после себя едва уловимый запах тёртого грецкого ореха: результат работы её больного сознания.

По щекам ведьмы текли слёзы, она понимала, что всё в мире будет причинять ей боль, если она не примет всё как есть - со спокойной душой и лёгким сердцем.

Мне было её почти жаль. Почти, потому что она сама научила меня – жалость порождает слабость. Лучше ощущать поддержку, но, ни в коем случае, не жалость. Мне захотелось её обнять, но что я мог? Я лишь третья сторона, бесплотное для них и почти осязаемое для самого себя. Она лишь плод моего воображения – прекрасная в своих страхах, величественная в своём самопожертвовании, ничтожная в своей любви. Что за мысли роятся в голове моей маленькой галлюцинации? Да кто знает. Белые мягкие стены моей «камеры заключения» мне всё равно не ответят.

Карлагина Мария

Психбольной.

С самого утра мне не давали покоя люди.

Да, самые обычные люди.

Хотя, может, и не совсем обычные.

Всё началось на остановке.

Мой автобус где-то задерживался. Надеюсь, не опоздаю в школу.

Я оглядела от скуки знакомые до кирпичика углы. В одном из них что-то - или кто-то - зашевелилось.

Это был мужчина. Потёртые серо-синие джинсы, рваная, прохудившаяся чёрная курточка, стёртые дешёвенькие кроссы. Бледное лицо, торчащая во все стороны жиденькая борода, опухший нос, отсутствующий взгляд серых глаз. Но меня напрягло не это (если не принимать во внимание выражение глаз). Он покачивался. Вперёд-назад, вперёд-назад...

Да, он сидел на корточках, сцепив рук на коленях, и покачивался. Вперёд-назад, вперёд-назад...

Серые глаза не выражали абсолютно ничего. Они потухали. Тихо, медленно, неотвратно...

Я смотрела на него, как зачарованная. Смотрела таким же пустым взглядом.

Очнулась я уже в автобусе. Водитель прожигал меня укоризненно-нетерпеливым взглядом. Ой, я совсем забылась!

- П-простите... - смущённо залепетала я, доставая деньги за проезд и протягивая их водителю. Тот хмыкнул и махнул рукой, мол, чего уж там, проходи уже.

Тихонько устроившись на свободном сидении, я посмотрела в окно. Смотрела долго. Не помню, сколько я смотрела. Я едва заметила движение своего тела. А ведь оно было очень простым. Вперёд-назад, вперёд-назад...

***

Я спешно скинула куртку и портфель. Нельзя опоздать на первый урок! Сунув шапку в рукав и надев туфли, я было собралась относить вещи в раздевалку.

И тут она.

Самая известная девочка в школе - благодаря её "привету".

Стаська.

Чуток ненормальная девчонка. Слишком открытая, назойливая, поющая в слух песни, неадекватная.

Почему именно сейчас? Именно она?!

Белобрысая Стаська шла танцующим шагом и напевала. Даже не напевала, нет. Она громко и чётко, напевным мотивом, выговаривала слова песни. Опять.

- Бейн-бейн-бейн - батя в здании...
И тут же переключилась на следующее:
- Тво-ои глаза-а...

Беси-ит!

Я мрачно проследовала в раздевалку, затем помчалась с рюкзаком на третий этаж. Только бы не опоздать!

Я влетела в класс, едва не сбив кого-то и направилась к своей парте. Стоп... Она была занята. Кем? С какого перепуга?

- Саверцова, а что ты тут делаешь?..

Я обернулась а голос учителя. На меня пялились незнакомые лица. О-ох... Я вошла не в тот кабинет! Кошмар!

Через полчаса.

Я без всяких эмоций смотрела на страничку ненавистного учебника по математике. Учительница вышла, я сделала все задания. Было скучно.

Незаметно для меня мои губы разомкнулись.

- В самый полный штиль и в самый сильный ураган,
Ходят в синем море корабли,
Может, потому-то и понятно морякам,
Что такое океан любви.

Я смутно, как сквозь сон, почувствовала на себе взгляды одноклассников, даже услышала свой голос...

Он громко, чётко, в напевном мотиве выговаривал слова какой-то романтической песни. Это точно мой голос? Это точно я?..

***

Наконец-то уроки кончились. Отмучилась. Ура.
Я надевала куртку, когда вдруг посмотрела в сторону.
Напрасно посмотрела.
Взгляд я отвести так и не смогла. Ещё минут пять-десять.

Там, спрятавшись за угол, стояла девочка лет десяти. Но голова её была повёрнута ко мне. Бледное, лишь местами чуть розовое круглое лицо в веснушках. Топорщащиеся короткие косички блондинки. По-обезьяньи торчащие уши. Но самое жуткое было в следующем.

Безумная широкая улыбка. Такая, как будто челюсть девочки отвисла, а уголки рта растянули до предела.

И столь же безумный взгляд голубых глаз, устремлённый в пустоту.

***

Домой я ехала так же на автобусе. Шёл дождь. Капельки сливались на стекле, образуя один мощный поток из причудливых водяных линий.

***

Выйдя из автобуса, я направилась к тёмному уже переулку. Оттуда рукой подать до дома. Посередине переулк светил одинокий фонарь. Я подошла к нему и вскинула голову. Такой яркий. Жёлтый такой. И такой тёплый на вид.

Из тёмной улочки появилась высокая, шатающаяся фигура мужчины. Он держал руки у груди, как собачка. Ноги дрожали. На лице красовались та сама безумная улыбка, те самые безумные глаза. Они внимательно, изучающе посмотрели на девочку, одиноко стоящую у фонаря. Она смотрела на огонёк. Шапочка на голове съехала вбок, выпуская пару русых волосинок. Плечи оттягивал мокрый школьный портфель. Синяя курточка была великовата, и ладошки девочки почти полностью спрятались в рукавах.

Мужчину начал распирать истерический смех.

Я испуганно отскочила. Кто это? Как я его не заметила?
Психопатическая улыбка, безумный взгляд, обезьяний смех...
Жу-уть!

Я припустила по улочке в сторону дома. Портфель подпрыгивал на спине, капюшон полностью съехал. Ботинки хлюпали по лужам.

Ура! Вот и мой подъезд. Я остановилась, оглянулась и выдохнула: за мной никто не гнался.

***

Ночью я долго не могла заснуть. В тихом полумраке мне мерещились призрачные, угрюмые фигуры людей. Они то ходили из угла в угол, то стояли возле окна, из которого текли тоненькие струйки тлеющего света. Появившись в одном месте, они повисали в воздухе на несколько секунд, а затем растворялись, как чёрный дым.

Мне стало не по себе. Спрятавшись под одеялом, я зажмурилась.

Я кричала, вопила. Было больно, очень больно. Вокруг что-то вспыхивало и тут же угасало, бушевало алыми всполохами. Я открыла глаза.

Над мной склонилось чьё-то серое лицо. Наполненные безумным торжеством глаза зло сверкнули. Чёрные, растрёпанные волосы ярко выделялись на кроваво-жёлтом фоне. Всё это обрамляла неестественная сумасшедшая улыбка.

Существо потянулось ко мне. Я громко закричала от пронзившей боли. Последнее, что я запомнила - зловещий, злорадный, мерзкий шёпот:

- Ты не против, если я заберу окончательно?

И жуткий, психопатический смех.

И темнота.

***

С этого дня Даша Саверцова стала вести себя... Не то что бы совсем странно, нет. Но периодически она застывала, вглядываясь в стену, затем тихо хихикала. Глаза её при этом странно сверкали.

Каждый раз, когда она присаживалась на корточки или просто куда-то садилась - она качалась. Вперёд-назад, вперёд-назад, вперёд-назад...

Целыми днями с её лица не сползала душу морозящая улыбка. Будто рот был ленточкой с широкой серединой, которую оттянули за углы.

Иногда она громко и чётко, с каким-то намёком на песенный мотив, выговаривала слова услышанных где-то стихов. Зачастую романтических. Многих это настораживало - Даша, ярая противница всяких отношений и романтики, вдруг стала... такой.

Через год её не узнали вообще.

Да это и не удивительно. Худая, бледная девчушка с отёкшими глазами, обвисшими руками, торчащими патлами неухоженных волос и отсутствующим взглядом никак не вязалась с образом весёлой, жизнерадостной девушки с озорными искорками в глазах.

В конце концов мать не выдержала и повела дочь на обследование к психологу. Услышав диагноз, она опустила взгляд внезапно потухших глаз и тихо попросила валерьянки.

- Шизофрения, раздвоение личности. Сожалею, но всё в настолько запущенной форме, что придётся лечить в больнице. - отчеканил врач.

***

Я смутно помню, что потом происходило. Лишь обрывки воспоминаний, которые до сих пор вертятся в голове туманными и уже порядком надоевшими картинками. Вот я гуляю во дворе, смотрю на стену, которая вдруг меняет цвет, и всё опять перемешивается. Вот мы с мамой стоим в мрачном коридоре, который некогда сиял белизной, а теперь отпугивал - серый, с потёртыми углами. Снова всё смешивается.

И так по кругу.

Вновь и вновь накатывается волна из иллюстраций смутного прошлого.

Но сейчас я в настоящем.

И оно, это настоящее - совсем не лучезарно.

Угрюмое, чуть тронутое по углам серой пылью помещение. Вход - решётчатая дверца, сквозь которую робко просачивается бледный свет. В углу - дряблая, скрипучая иссохшая кровать, покрытая старым лоскутным одеяльцем, в которое за несколько лет втиралась пыль, отдавая постепенно свой серый оттенок. Вот, собственно, и весь интерьер.

Я не помню, как я здесь оказалась. Да это и не важно, главное - уйти отсюда. И как можно скорее.

***

Двое сотрудников "психбольницы" вели под руки девчушку, проходящую там курс лечения. Бледное лицо, потускневшие волосы, торчащие во все стороны, как листья кустарника, пустые глаза. Она шаталась при ходьбе, обираясь на медработников.

Ей не хотелось идти. Ей вообще ничего не хотелось. Происходящее она воспринимала смутно, лишь отчасти; всё, что она понимала - ею овладело Что-то. Или Кто-то. И оно представляет опасность для всех - девочка совсем не контролировала Его, не смотря на то, что Это поселилось в ней.

Даша чётко понимала, что это Нечто не будет долго сдерживать свою агрессию, коей у него было предостаточно. Бывшая школьница боялась, что Это изольёт все свои эмоции на маме,

которая часто приходила к дочери. Последняя переживала за маму, за работников, за всех - если Кто-то (или Что-то) возьмёт верх в их двухлетней войне, то пострадают многие.

Наконец, троица остановилась возле кожаной двери. Кое-где покрытие порвалось, обнажая бело-желтую "вату". Один из сопровождающих приоткрыл дверцу и шмыгнул туда, бросив напарнику что-то вроде "стой здесь".

Прошло минут пять. Десять. Сотрудник всё не возвращался. Медработник, оставшийся с Дашей, заскучав, достал из кармана пачку сигарет и зажигалку, вытянул одну и закурил. Удушливое серое воздушное месиво кольцами поднималось к потолку и ползло по нему, словно змея.

В кармане когда-то белого халата нудно и назойливо задребезжал телефон.

Даша вздрогнула от этого звука. Её внутреннее Нечтоот в миг надоевшего повизгивания мобильного всполошилось, прорывая Дашин контроль над ним. Девчушка пошатнулась и прислонилась к стенке. Нет, нельзя было допустить, чтобы Это прорвалось на волю. Никто не должен пострадать. Или почти никто.

Девушка судорожно хватала ртом воздух, опускаясь на пол и отползая в сумрак не освещённого пыльного коридора. Медработник, занятый жарким спором по телефону, казалось, не заметил отсутствия пациентки.

Даша усилием воли подавила порывы Этого и неверным, шатающимся шагом направилась к лестнице. Она знала эту часть больницы, сотрудники нередко водили её по этим, на первый взгляд, пугающим проходам.

Этаж. Ещё один.

Девушка нередко спотыкалась о свои же ноги, о ступеньки. Цепляясь за перила, она забиралась всё выше и выше. Тело ныло, ноги, отвыкшие от каких-либо нагрузок, подкашивались, руки дрожали. Девчушка, стиснув зубы, продолжала ползти вверх.

Выход на крышу. Она дошла.

Судорожно зацепившись за ручку двери, Даша дёрнула её вниз, и дверь открылась.

По серому бетону лёгкий ветерок заигрывал с мелким мусором, то и дело создавая маленькие смерчки из соринки. Одинокий пакет шуршал на ветру, цепляясь за угол крыши. Свежий ветер дунул Даше в лицо, убрав с него торчащие волоски и дурманя девушку. О, как давно она не чувствовала свободного ветра!

Но сейчас ей было не до этого. Сейчас нужно было обезопасить тех, кто мог пострадать из-за Него. Девушка, покачиваясь и дрожа, подошла к краю крыши и заглянула вниз.

Крошечные домики, маленькие люди, снующие туда-сюда, как муравьи в муравейнике. Тротуар, серым ручейком вьющийся между домиков. По нему шустренько, как лодочки, плавали цветные машинки, будто игрушечные.

Даша вновь подавила яростные порывы Этого. Зажмурившись, она шагнула вперёд. Так будет лучше.

Словно молния прошла сквозь девочку. Встречный ветер свистел в ушах, отбрасывая русые волосы, потрёпанные футболку с юбкой назад мощной волной.

Уже в полёте Даша расслабилась, и впервые за долгие месяцы её бледное личико озарила улыбка.

Существо рвалось наружу, и его уже можно было не сдерживать - не было смысла, Это всё равно никому уже не сможет навредить.

Даша раскинула руки, представляя, будто парит. Тихий смех пролился в её голове.

Да, так будет лучше...

Лапухова Мария

Снежный принц

Рядом с ней людям становилось плохо – она это знала.

Конечно, сначала она обвиняла погоду. Каждый случай был совпадением, ведь это так? Особенно зимой, особенно в метель. Холод казался ей живым и это именно он был виноват во всем, он, а не она...

Ей действительно было бы проще обвинять кого-то или что-то, если бы она чувствовала себя человеком. Но у людей есть имена, а она не помнила своего. Люди взрослеют, стареют и умирают, она же не менялась уже более сотни лет.

Может быть она проклята? Но почему тогда она чувствует себя на своем месте. Или же это награда.. за что?

Люди по большей части не видели её или видели, но не обращали внимания. Иногда это злило её. Но чаще всего ей так было проще.

Рядом с ней люди умирали. Это она знала тоже.

Она была всегда одна. Сначала было страшно. Потом страх ушел, но пришло одиночество.

Люди всегда были вместе. Друг с другом, с животными, с собственной судьбой. Но каково было ей – без имени, без судьбы, без единой мысли о будущем?

Она сознательно убивала людей. Оправдываясь поначалу перед миром случайностью. А в какой-то момент это действительно стало приносить удовольствие пополам в горечью. Они умирали, их существование имело конец.

Она не могла умереть, но почему-то боялась зимы. Мир становился другим. Люди мерзли, ей же становилось спокойно. В холодах и снегах она видела соратника, собеседника, который всегда слушал её, хоть и не мог ответить. Она боялась, потому что привыкала говорить, потому что весной одиночество накрывало с головой. Каждый год она твердила себе, перестать говорить с пустотой, но так ни разу и не смогла удержаться.

***

Завоеватель любил зиму. Он всегда ощущал себя с ней единым целым, часто слушал завывания ветра... Не забывая и о работе конечно же.

– Брат, ты похож на помешанного, когда так смотришь, – заявил ему как-то Война. Завоеватель лишь склонил голову на бок.

– Знаешь, – медленно произнес он, – я слышу голос в метели. Он говорит со мной. Только со мной, – Завоеватель мечтательно сощурился.

Красный Всадник хмыкнул.

– Тебе что, не хватает общения? Со всеми этими людьми вокруг тебя, со мной, в конце концов?!

– Но Война, – возразил Завоеватель, перестав изображать из себя статую созерцателя, – люди это люди, с ними скучно.

– Хорошо, – Война сел напротив Белого Всадника и скрестил руки на груди, – с людьми скучно, а со мной?

– Ты ревнуешь что ли? – рассеянно уточнил Завоеватель, вновь вслушиваясь во что-то своё.

– Я... что..?

– Голос то женский, – Завоеватель лукаво усмехнулся и поднялся. – Думаю, мне пора. Война, фыркнув, покрутил пальцем у виска вслед уходящему Завоевателю.

***

Летом она бродила по городам. Сначала по окраинам, потом все-таки по улицам. Рассматривала людей, рассматривала их дома.

Они не шарахались, но и не приближались. Все так же не видели. Она забиралась в их дома.

Смотрела как медленно умирают семьи в её присутствии. И улыбалась.

Ей казалось, что так и должно быть. Люди умирают, а она смотрит и улыбается. Так правильно.

— Ты натворила много дел, — окликнул её однажды голос.

Она вздрогнула и огляделась, но не обнаружила никого.

— Я... это вы мне?

Совсем рядом она услышала хмыканье. Чьи-то руки легли на плечи. Она замерла.

— Да, девочка, тебе. Ты не считала умерших на твоих глазах? Умерших из-за тебя?

Впервые её видели, впервые о ней знали... И теперь первый встретившийся ей будет и последним? Он знал, что она убивает. Он не поверит ни в какое её оправдание. Да она сама в них не верила. И теперь что?

— Считала? — повторил голос.

— Нет, — выдохнула она и сама почти не услышала ответ.

— А я считал, — поделился стоявший позади неё. — Ты могла бы многое сделать... в мировом масштабе. Хочешь?

Хотела ли она вырваться из этого бесконечного круга? Конечно! Вот только кто мог видеть её? И что мог потребовать взамен? Хоть ей и нечего терять...

— Кто вы? — спросила она, и уже произнося, поняла, что никто ей не ответит... по крайней мере сегодня.

— Гораздо больше интересно кто ты, — вздохнул её собеседник и тяжесть с плеч исчезла. — Мне всегда интересно...

Она сразу же обернулась. Её собеседник выглядел — но именно выглядел — как темноволосый мужчина средних лет. Большая часть лица была закрыта волосами, так что глаз не было видно, но она буквально чувствовала на себе его взгляд.

— Я не человек, — подтвердил он её догадку и неожиданно улыбнулся. — И ты тоже.

— Знаю, — она отвела взгляд, — люди столько не живут.

— И люди не умеют так убивать, — кивнул он. — Но ты не живешь, запомни.

— Я.., — когда она подняла голову, то обнаружила что этот... это существо стоит совсем рядом с ней. — А вы...

— Все нормально. Мне от тебя ничего не нужно. Правда. Но ведь тебя самой что-то необходимо. Имя. У тебя ведь нет имени...

— Откуда, откуда вы знаете? — прошептала она. Он, казалось, знает о ней куда больше, чем она сама.

— Я видел уже таких как ты, — он пожал плечами. — Если бы у тебя было имя, то я бы нашел тебя раньше. Или другие бы нашли...

Она молча смотрела на него. Имя...

— Ты не слышала никогда голоса, — продолжал он, — который бы говорил, словно перебирал все варианты, что-то похожее на тебя, на то, что ты делаешь..?

Она покачала головой.

— Нет? Ну значит еще рано, — и он отвернулся.

— А, — наконец дернулась она, — у меня не будет имени?

Он застыл.

– Будет. Но только ты должна его выбрать сама.

И он исчез.

***

Если бы Завоеватель был человеком, он бы несомненно был довольно красив. Он бы не был таким бледным, как белый мрамор, черты лица были бы мягче и не напоминали острые края льда. О, конечно же, его взгляд бы оттаял и не стал бы пронзать и пугать, а сам бы он перестал ухмыляться. Ведь люди не ухмыляются, глядя как некто невидимый миру убивает других людей. Всего лишь потому, что это касается их самих. Завоевателю было плевать. Он же не был человеком, а потому рассматривал убийцу с интересом в пустых глазах. Ну а ухмылка... потому что убийцей была девушка.

Если бы люди могли её видеть, то не назвали бы красивой – дело даже не сколько во внешности – хотя и она подвела –, сколько в манере двигаться, словно старая марионетка, растерявшая часть ниточек, а потому в движениях было что-то ненастоящее. Белому Всаднику было на все плевать. Он не умел улыбаться, а потому лишь криво ухмылялся, глядя на неё.

Для него она была прекрасна.

***

– Ты не хочешь рассказывать обо мне никому, ведь так?

Завоеватель только неразборчиво что-то фыркнул, даже не пытаясь сделать вид, что собирается отвечать. Ему впервые за все его существование было приятно находиться рядом с кем-то – обычно даже Война его немного раздражала – и он не собирался что-либо менять, даже есть это положение тела в пространстве.

Она рассеянно гладила Завоевателя по спине: он вцепился в неё, уткнувшись лицом в шею и, кажется, перестал дышать. Белый Всадник был действительно холодным, даже не так – он него веяло морозом. Он был похож на человека еще меньше, чем первый с ней заговоривший, но был все-таки живее.

– Завоеватель, – вздохнула она, – прошу.

Белый все же нашел в себе силы поднять голову.

– Они не должны знать. Хватит и того, что Смерть встречал тебя. Впрочем ему положено, – Завоеватель нахмурился. – Можешь считать меня собственником, если хочешь. Никто и никогда не должен знать. Ясно?

Она улыбнулась. Вряд ли он мог сказать что-то более трогательное, но ей достаточно было и этого. В конце концов, она понимала его, и этого было достаточно.

***

В его волосах блестел металл. Она видела там своё отражение и понимала – что-то не так.

Металл был не только в этом обруче, но и в его голосе. Завоеватель смотрел сквозь неё, словно не мог сосредоточить взгляд на этом мире.

— Это подарок, — ответил он односложно на её вопрос о короне. И тогда же ушел. И она снова осталась одна.

— Завоеватель сошел с ума, — обратился к ней Смерть вскоре после этого. — Ты ведь понимаешь, что нужно что-то делать?

Она лишь мотала головой, пытаясь не дать волю чувствам: обычным человеческим эмоциям, они накрывали с головой.

Смерть с печальной полуулыбкой наблюдал за её метаниями.
— Понимаешь.

— Да! — выкрикнула она, выйдя из себя. — Все я понимаю! Но что, что я могу сделать? Он же никогда не воспримет меня всерьез!

Смерть качал головой.

— Я для него — всего лишь девчонка, на которую он соизволил обратить внимание! Скажешь, не так?
— К сожалению, так, но ты забываешь одну деталь.

Она сжала кулаки.

— Ты не человек, — продолжал Смерть, — для тебя пол не имеет значения. И если ты захочешь, то вместе с именем получишь не только дополнительную силу, но и другой облик.
— Я... тогда я...

Смерть улыбался.

— Чума.

***

На лице Чумы застыла полубезумная усмешка, когда он навис над Завоевателем.
— Чувствуешь? Чувствуешь как твое время кончается? — хрипло рассмеялся Чума. Завоеватель прошипел что-то сквозь стиснутые зубы. Чума на это только хмыкнул.

— Ага, — произнес он, буквально вдавливая Завоевателя в землю, — вижу, чувствуешь. Ну и как ощущения, Белый?

— Что теперь, убьешь меня?

— Нет-нет, не убью конечно, о чем ты вообще. Ведь я победил. Ха! Победил вечного победителя! Что может быть лучше?

— Лучше бы тебе было оставаться женщиной. Тебя бы может полюбили...

— Замолчи! — Чума закричал, срывая голос. — Ты все равно больше не всадник! Заткнись!!

Завоеватель усмехнулся.

Страшный сон

— Завоеватель!

Завоеватель резко обернулся, но вокруг был все тот же сероватый туман. И ничего, что могло бы указать на чье-то присутствие.

— Завоеватель...

Это уже было ближе. Прямо за его спиной. И теперь Белый смог узнать голос. Она...

— Завоеватель.

Она стояла прямо перед ним, такая, какой он помнил её, такая, какой она была до того, как принять имя.

— Ты же меня не забыл?

Завоевателю хотелось крикнуть, что нет, но он не мог издать ни звука.

— Я тебя все еще помню, — шептала она, обнимая его. — И мне так жаль... Правда, очень-очень жаль.

Он стоял на коленях рядом с ней, со связанными руками и совершенно не мог понять когда это она успела его связать и почему исчез туман. Они находились в огромном зале, без следов какой-либо мебели, полностью сделанного из белого мрамора.

Она держала в руках его кинжал, это смотрелось так странно: она и оружие. Но так красиво, что Завоеватель невольно залюбовался.

— Жаль, что все кончилось именно этим.

По её лицу текли слезы, а Белый не мог отвести взгляд.

— Ты этого хотел что ли?! — внезапно перешла на крик она и замахнулась кинжалом.

Лезвие прошло вскользь и Завоеватель почти ничего не почувствовал, но коже стало горячо, а на рубашке появилось ярко-красное пятно.

— Это все ты натворил, — всхлипнула она, вытирая слезы. — Ты меня заставил.

Второй удар был уже сильнее и прошелся по горлу и Белый понял, что теперь не может дышать – почему-то это было так необходимо... Кровь заполнила весь рот, потекла по подбородку, он попытался откашляться, но тщетно.

Она подошла совсем близко и наклонилась к его лицу.

– Мы больше не увидимся, – шепнула она и поцеловала Завоевателя в лоб. – Прощай...

Она отошла на пару шагов и вот уже перед Завоевателем стоит ухмыляющийся Чума, сжимая окровавленное оружие в руках.

– Моя очередь побеждать, Завоеватель.

Последний раз кинжал блеснул и вошел прямо в сердце. Завоеватель закрыл глаза...
... и проснулся.

Персиковый Лис

Бредовые записки

Записка 1

Я продолжаю жить в этом мире окутанным дымкой сигарет, запахом дешёвого алкоголя и кофе. Я как странное порочное создание в котором в тоже время нет порока, нет лжи и масок, есть лишь я со своими психическими расстройствами и клубком комплексов, которые сжигают меня изнутри. Я ни к чему не стремящаяся и в тоже время слишком амбициозная. Я блуждающая тень, забывшая дорогу в цветной мир великолепного и фальшивого цирка шапито. Нет, я вовсе не Пьеро в этом мире, у меня вообще не конкретной роли. Для вас я та кем Вы хотите меня видеть, веселым и интересным человеком или же пережитком самой себя. Я чувствую как музыка, как наркотик, льется по моим венам, заставляя жить, окрашивая мой мир красками психоделики и состоянием чем то отдалённо напоминающее счастье. И я не могу понять свобода это или тюрьма, в которую я сама себя посадила в надежде на смерть. Я даже не знаю желаю я смерти или нет. Я просто есть и этого достаточно...

Записка 2

Я хочу рыдать от собственного бессилия, разбивать руки в кровь и крушить все что попадает под руку. Я просто ощущаю как мое тело рассыпается на миллионы осколков, а они в свою очередь распадаются на молекулы и атомы и я в состоянии этакой звездной пыли продолжаю свое ничтожное существование вопреки законам природы и разумности. Я давно перестал чувствовать какие либо эмоции, все что вы видите лишь вуаль хорошо отработанной лжи и фальши. И я жду того момента когда это наконец сломает меня окончательно, что бы просто улыбнуться и духовно покончить с собой...

Записка 3

Я отвык ото всех этих милостей... Легких поцелуев и романтических объятий... И теперь они мне противны, меня тошнит, когда я нахожусь рядом с этими воркующими, как голубки, парочками... Мне это чуждо, не потому, что я бесчувственная сволочь, а потому, что я сам уже забыл это, забыл какого это испытывать влюблённость плавно перерастающую в любовь... Да, я признаю, мне этого не хватает, но и представить подобного сюжета для развития отношений я не могу. Хотя, я не раз представлял подобное, представлял как буду обнимать девушку, как буду всецело отдаваться не страсти и похоти, а лёгким чувствам, что будут окутывать нас ароматом любви и непревзойденной легкости. Как буду с восхищением смотреть в ее глаза и наслаждаться ее улыбкой. Да, моей душе это нужно, а возможно и телу, но разум понимает, что подобное возможно лишь в книгах, а половина, а то и больше этих парочек расстанутся до начала совместной жизни. Да, я гребанный реалист, возможно сознательно отгородивший себя от подобных вещей... Или нет, я просто перестал верить в искренность отношений... Я потерял...

Записка 4

Они подарили мне уверенность в себе, что для счастья надо сделать всего один шаг, всего протянуть руку. И я шагнула, шагнула в эту тёмную бездну, надеясь на то, что упав в нее смогу взлететь. Но я не взлетела, я разбилась, превратившись в сгусток печали и тоски. Теперь я стала

еще более незащитней чем была до этого. Я знала, что теперь все не будет как прежде. Моя и без того иллюзорная зона комфорта, была окончательно развеяна. Это подавляло. Меня бесило, что я доверилась советам других, но я понимала, я виновата сама...

Записка 5

Она часто повторяла, что любви нет, но в тоже время я знал, ее сердце разрывалось. Я понимал ее чувства, но был холоден. Я осознавал тот факт, что дарить надежду ей было слишком жестоко, а она... Она все верила и надеялась на лучшее, так на нее похоже. Противоречива до безумия. Она фальшиво улыбалась всем говоря, что во всем виновата, то погода, то работа, то еще что-нибудь, но никогда не признавалась в истинной причине ее глубокой печали, что заставляла по ночам рыдать в подушку и потом без сил засыпать, а проснувшись чувствовать лишь пустоту. Она была душевно больна, от нехватки ласки, тепла и понимания, но она не говорила об этом. Иногда проезжая мимо ее дома, я видел как она стоит на балконе и курит, делая глубокие затяжки и выдыхая густой дым. Ее глаза в такие моменты были красны, от слез и чрезмерного употребления алкоголя. Я часто думал о ней и не мог понять, что меня в ней привлекало и отталкивало. Она была неким извращением женственной природы, но тем не менее обладала эстетической красотой. Да, я видел некую эстетику в каждой затяжке, в каждом глотке виски, в каждом крепком словце. Это было не женственно, но ей это придавало необычайный шарм. Она была харизматична и эта харизма заражала всех. Люди кто общался с ней, были очарованы ее умением говорить, ее острым умом, они были очарованы ей... Ох, черт... Кажется, я влюбился... Но ведь, любви нет... Она сама так говорила...

Записка 6

Непередаваемое ощущение пустоты переполняло меня. Я смотрела на ночное небо, а мои мысли хаотичным потоком носились в голове. Я в очередной раз пыталась прочувствовать то, что никак не относилось ко мне, а именно то, что чувствовали другие, но не я. Меня вполне можно было назвать лицемеркой, актрисой, что примеряла на себя маски других, но иначе мне никак. Я просто ищу себя, превращаясь в других. Сегодня я пытаюсь понять не совсем психически здорового человека. Я хочу мыслить как он, чувствовать как он, быть им, понять его суть. И это сложнее чем я думала. Кто бы мог подумать, что его мир так сложен и интересен. Его считают психом, но я понимаю, он гений...

Записка 7

-Привет, ты как?

-Привет, никак...

-Хей, что случилось? Давай, улыбнись, все же ведь хорошо)

-Слушай если бы можно было просто взять и начать радоваться, то наверное я бы сейчас радовался, но так не бывает, ибо жизнь где есть счастье гребанная иллюзия для инфантильных идиотов которые верят, что на самом деле все хорошо, но это не так ибо реальность, будет иметь тебя до самой смерти и когда ты будешь медленно в мучениях умирать думая "Все конец, я наконец освобожусь от этого бремени", то даже тогда ты задохнешься и последнее что будешь чувствовать это не умиротворение а боль...

Записка 8

Я любил осень, она меня вдохновляла. Мне нравилось прогуливаться по аллее с желтой листвой. Думаю мне нравился этот цвет, в эти моменты природа была особенно красива, она была тёплой, несмотря на ветер и дождь. Смотря на эту листву мне было тепло, я хотел бы, что бы осень была вечной, с этой слякотью, похолоданием и жёлтой листвой. Как художнику мне нравилось рисовать осенние пейзажи и в особенности людей. Да, люди сильно менялись. Летние наряду, сменялись утончёнными пальто, которые так хорошо смотрелись. Люди, что просто прогуливались по моей любимой аллее, были необычны, иногда я замечал у них улыбки невероятной красоты. Я чувствовал, что этот цвет радует их и мне это нравилось. Именно осенью, я был счастлив, потому что осень, это теплая пора с холодными дождями. Я люблю осень, она вдохновляет меня жить...

Записка 9

Сегодня была очень тихая ночь. Легкое мерцание звёзд успокаивало меня. Иногда мне казалось, что я живу лишь для того, что бы видеть эти звезды. Очередная стопка. Я начал чувствовать как легкое опьянение поглощает меня, заставляя забыть свои проблемы. Я взял перо и начал писать, я решил, что это будет рассказ о звездах. Многие посчитают меня романтиком, но я не вижу в них ничего романтического, лишь ледяную красоту. Первые строчки легли на лист бумаги, я перечитал их и скомкав лист, бросил его в урну. Не то. Я собрался с мыслями, не думал, что это будет так сложно, но я не отступлю. Снова выйдя на балкон, я обратил взгляд на небо, как же сложно описать их красоту. Я вздохнул и вернулся к рабочему месту, около полу часа я вертел перо в руке думая, как лучше будет описать свои мысли. Таким образом я дошел до середины бутылки и меня осенило. Склонившись над листом я начал писать, писать не останавливаясь и через время прочитав все, я понял, что смог. Смог описать то великолепие, все те чувства, что испытывал. Я от кинулся на спинку кресла, закрыл глаза и уснул.

Записка 10

Очередная бессонная ночь, меня разбудил звонок с работы и я снова возненавидел себя. С трудом поднявшись я дошел до ванной и посмотрел на себя, вид не из лучших. Мешки под глазами, усталый, я бы даже сказал, измученный взгляд. Как я довел себя до такого? Теперь мне казалось, что моя внешность как никогда лучше отражает мою душу. Хах, самоирония? Это я умею. Но факта, что выгляжу я ужасно это не меняло. Кружка утреннего кофе никак не помогла мне взбодриться и я решил, что пора обратиться к врачу или идти в отпуск. Придя на работу я увидел свою коллегу. Она сидела на привычном месте и тоже выглядела как после бурной ночи пьянства, хотя я знал, что виновата во всем бессонница. Постукивая по клавишам она что то печатала и мне казалось, судя по ее виду, что она сейчас упадет. Дойдя до кабинета я упал в кресло и проклял все на свете. Все мои мысли были лишь о том, что рабочий день не вечен и придя домой я рухну спать, но в тоже время я осознавал, что и бессонница никуда не пропадет. А значит....

Записка 11

"Каждый день ты должен подниматься и быть собой. Даже если ты неудачник. Особенно если ты неудачник. Потому что нет такого же неудачника, как ты."©

Я была именно стандартной неудачницей. Тотальной неудачницей. Иногда мне казалось, что мир просто настроен против меня и всяческими способами старается испортить мне и так не особо сладкую жизнь. И каждый раз, когда я видела фразы в стиле "когда все очень плохо не стоит отчаиваться, возможно что то прекрасное пытается войти в твою жизнь" я горько усмехалась и понимала, это явно не про меня. Но в тоже время несмотря на всю мою невезучесть, некоторые мои знакомые, считали меня уникальной. А я все думала, что такого уникального они нашли во мне. Вроде самая обычная, ничем не примечательная, не было во мне ничего особенного кроме моей невезучести, хотя возможно именно это и была моя уникальная черта. Думаю я была бы идеальным злым гением, на подобие тех, что в детских мультках. Я так думала. Пока не произошел случай, который полностью изменил мое восприятие окружающего мира. Меня спасла моя невезучесть. Спасла от смерти, именно то что я постоянно попадала в нелепые и глупые ситуации, помогло мне избежать самого ужасного. И теперь я даже немного благодарна тому, что я неудачница. P.S.: Неважно неудачник ты или счастливчик. Главное, что ты есть.

Записка 12

Ненависть к самой себе поглощала меня, прожигая и так пустую душу. Мне хотелось уничтожить себя, стереть даже сам факт моего существования. И желание этого всего было столь навязчиво, что сдержаться было очень сложно. Я удивлялась тому как я до сих пор не сделала этого, видимо во мне жила надежда, что еще не все потеряно, что есть еще шанс выбраться из этой ямы и увидеть свет. Но с каждым разом, меня что-то засасывало глубже, а с этим и росло желание кануть в лету. Но я продолжала тянуться к этому уже едва заметному клочку света, я хотела стать лучше, я хотела полюбить себя, полюбить тех кто продолжал меня поддерживать. Тех благодаря кому я еще существовала, а возможно даже и жила. Я продолжала бороться сама с собой... Я смогу...

Записка 13

Лишь раз я поверил себе, что смогу достичь тех высот к которым так стремился. И в очередной раз я упал. Мысль о том, что я снова где то допустил ошибку не отпускала меня. Я снова и снова, прокручивал в голове события последних дней. Ошибок было множество. Шансов их исправить ноль. Это уничтожало. Я искал лазейки, обходные пути, хоть что то, что поможет мне исправить положение, восстановить то, что я разрушил. Но все было тщетно. Но я продолжал верить, что еще не все потеряно, взявшаяся из ниоткуда вера в лучшее поддерживала меня. Меня держала на плаву та мысль, что я должен все исправить, что я не могу оставить все так...

Записка 14

Уже ничего... Ничего не осталось в душе. Все сгорело, а пепел развеялся по кладбищу веры, надежды и любви. И все, что мне осталось, это лишь тупая боль, а также бессмысленное существование. И сейчас лежа на кровати и смотря пустыми глазами в потолок, понимать, что ничего не ощущаешь. Что от тебя ничего не осталось. Что все разрушено. Моя душа превратилась в своеобразный Сайлент Хилл, где все мертво, где пепел падает с небес, где не пробьется и лучик солнца изза дыма, где есть лишь монстры, стремящиеся убить тебя как только стемнеет. Но я не жертва, я уже один из этих монстров, вот только мне все равно, я просто ничего не чувствую. Наполненный безразличием ко всему, я продолжаю свое существование, нет я буду улыбаться,

может даже смеяться, но это все будет игра на публику, все для того, что бы просто не объяснять всем и вся, что со мной и почему я больше не жив.

Записка 15

Я ненавижу эти серые глаза. Стоит мне поймать их взгляд, как все вокруг перестает существовать, даже я... Сама моя природа во мгновение аннигилируется, я становлюсь ничем. Даже фотографии достаточно, чтобы я как зачарованная смотрела в них не в силах отвести взгляд. И я ненавижу это, ненавижу себя за эту слабость перед ними. Ненавижу и в тоже время хочу смотреть в них вечность, вглядываться в серый лед радужки состоящей из кристаллов, таких холодных, но дарящих мне покой и умиротворение. Ах, да. Я же их ненавижу. Иногда я забываю о этой ненависти, позволяя себе любить их, но это больно, глупо, банально и отвратительно. Как можно любить то, что приносит страдание? Но и в тоже время счастье. Я запуталась, но я ненавижу эти глаза! Или все же люблю?

Записка 16

Первое правило: Заткнись! Даже не думай издать и звук, если в этом нет крайней необходимости. Потому что, всем либо плевать на то, что ты говоришь, либо непременно воспользуются твоими словами, что бы причинить тебе боль. Второе правило: Прекрати быть эмоциональной! Излишняя эмоциональность в конечном итоге погубит тебя, принесет непомерное количество проблем и станет причиной стресса. Третье правило: Забей на все правила! Ты свободная личность и не другим указывать на то как тебе жить. Даже если это принесет кучу проблем. Потому что ты с ними справишься и сможешь добиться всего. Ты не остановишься не перед чем на пути к своей цели и каким то глупым правилам тебя не сдержат.

Записка 17

Меня не замечают. Меня это бесит? Раздражает? Приводит в бешенство? Да... Я так стараюсь... Для вас, но вы этого не видите... Не видите как мне сложно делать все это и именно это, подводит меня к черте не мысленного безумия... Каждое мое действие направленно не на мое благополучие, а ваше. Но кому какое дело, я же просто пустое место об которое можно вытереть ноги.. Ненавижу... Эта ненависть переполняет меня, делает злобным, делает меня чудовищем, тем кого вы будете ненавидеть... А я в свою очередь буду ненавидеть вас... Это вечный круговорот, прервать его сложно, но возможно. Но никого это не волнует, ведь всех все устраивает...

Записка 18

"Я подошел к ней с намерением оставить легкий поцелуй на ее слегка пухлых губах с пунцовым оттенком, но кто мог знать, что именно эта непринужденная, опьяняющая легкость так вскружит мне голову..."

Она как и всегда была великолепна, каждый ее жест, движение, слово были наполнены утонченностью, красотой и изящностью. Она была само воплощение непорочной божественности, смотря на нее мне хотелось рыдать от восторга. Удивительная женщина, такая скромная и в тоже время гордая, переполненная жизненной силой и некой скрытой властью надо всеми. Ей хотелось подчиняться, но она этого не позволяла, она не желала видеть рабов

вокруг себя, ей хотелось видеть таких же сильных и непокорных как и она, но вся проблема была в том, что рядом с ней даже самые сильные выглядели жалкими и слабыми. Ее голос очаровывал и мне хотелось следовать за ней хоть на край света, мне хотелось обожествлять ее, но она не терпела восхваления, она была выше этого...

Записка 19

Мне нужно еще совсем чуть-чуть. Нет, я не больна. Нет, со мной все в порядке, просто еще немного. Это походило на ломку у наркомана. Мое больное сознание играло со мной злую шутку. Каждый раз когда я в очередной раз сидела на кухне и строчила веселые сообщения, а сама заливалась слезами из-за этой лжи. Мне хотелось улыбаться и смеяться. Хотелось быть живой, но о какой жизни может идти речь, если ты пустышка. Зависимая ото всего пустышка. Нет, у меня было "свое" мнение, были жизненные принципы, но все это было навязано. Возможно я просто слишком мягкотела. Или добра. Мне часто говорили, что доброта меня погубит, но я не хотела в это верить. И все же, с каждым разом я убеждаюсь в этом. От этого мне противно. Противно, что я вроде не плохой человек, но ценят и уважают вовсе не таких как я. И с каких пор сильными стали считаться, те кто может раскидать всех расчищая себе путь неважно какими методами. Нет, я согласна. Времена сейчас не из лучших, но тем не менее. Я снова вздыхаю. Наполняю бокал и опрокидываю в себя. Просто еще чуть-чуть, еще немного этого лекарства от людской глупости...

Записка 20

Я всегда очень стараюсь не выпускать тех чудовищ, что живут внутри меня. Но иногда они все же вырываются и отделяюсь от общества. В такие моменты я могу отдалиться даже от самых близких. И самое противное в этом, что меня считают "истеричкой" хотя на деле, никто просто не интересовался тем, что сокрыто во мне. Меня мало просили поделиться всеми переживаниями, а сам я их не навязывал. Я не считал, что кому то нужно это знать, но иногда я думаю, что ошибаюсь. Что может стоит с кем то поделиться? Открыться кому то полностью. Ведь тогда мне не придется раз за разом переживать этот кошмар в одиночку.

Записка 21

Как хорошо было, когда мы были детьми. Пусть даже мы были маленькими и непропорциональными. Мы думали и верили, что ветер и деревья говорят с нами. Нам было необязательно знать имена друг друга, мы просто играли вместе. Мы были искренни во всем. В эмоциях и желаниях. Мы плакали когда нам было грустно или больно и смеялись если было смешно. Мы не держали в себе обиды и не скрывали их. У нас не было предрассудков, нам было все равно. Мы были просто детьми с чистыми глазами, которые радовались жизни и видели мир красочным и ярким. Так что же с нами стало, когда мы повзрослели?

Записка 22

Я не люблю дождь. Он печальный. Хотя смотря какой это дождь. Первые весенние капли, что падают с неба, наполнены жизнью. Дождь летом наполнен озорством. Но осенний дождь, печальный. Небо застилают тучи, такие темные, что и лучику солнца не пробиться сквозь них. А сам он то моросит грустью, то льётся как из ведра тоской. В такую погоду даже веселые мысли быстро угасают, стоит посмотреть в окно. Но, что странно, несмотря на свою пессимистичную природу, под такой дождь легко заснуть. Возможно эта тоска имеет своеобразную гармонию,

что дарит спокойствие. Дождь странный, он холодный, но тем не менее если, гуляя под ним посмотреть в небо, то можно вечность стоять и чувствовать как капли падают на лицо и стекают. Это странно, но и небо серое от туч, кажется красивым. Я не люблю дождь. Он печальный и серый, но тем не менее живой.

Записка 23

Я никогда в этом не признаюсь, но я люблю сопливые, розовые фильмы, пропитанные драмой и идеализированными чувствами. Да, это отчасти настолько унижительно, но смотря их мне становится лучше. Какой бы циничной по отношению к ним я не была, в ночи, когда никто не видит, я рыдаю смотря очередную любовную драму, где все и так понятно. Что все закончится хеппиендом, и главные герои будут вместе, пройдя путь "через тернии к звездам". Это настолько сладко, что тошнит. Это до отвращения заезженно и канонично, сюжет один и тот же, как в глупых комедиях о детях, что невероятным образом спасают взрослых, что попали в невероятно глупое, но серьезное положение. Порой хочется врезать самому себе за то, что просто поддаешься этим фальшивым эмоциям, этим наигранным чувствам, за то, что принимаешь их. Но с другой стороны, так хочешь, чтобы толика того чрезмерно идеального мира, просочилась сквозь завесу фантазии и коснулась тебя.

Записка 24

Впервые за долгое время меня посетила жизнь. Счастливая и беззаботная. Но как оно бывает, по закону подлости скажем, ненадолго. И тогда я всерьёз задумался. А что не так? Может я что делаю неправильно? Или мыслю не так, как надо? Может я слишком требователен или ленив? Но сколько бы я не думал, ответ неспешил приходить. Я работал продавцов в антикварный лавке. Особых желаний у меня не было, поэтому я не знал кредитов и долгов. И вообще если подумать, жил я тихо и спокойно. Настолько спокойно, что моя жизнь стала напоминать существование и не более. Утром я вставал, занимался обычными утренними делами, потом проводил день на работе, а вечерами смотрел фильмы, потягивая бутылочку пива. Подруги у меня не было, впрочем я и не сильно нуждался в женском внимании. И так могло продолжаться вечность, но однажды я встретил ее. Она была как ангел мила и обворожительна как дьяволица. Вместе с ней я понял, что такое истинная жизнь. Я понял как я был глуп и ограничен. С ней я был бесконечно счастлив. До тех пор. Пока я. Не проснулся.

Любимица вселенной

Я обычный парень, мне 26, у меня хорошая работа и у меня есть девушка. На редкость бестолковая особа. Нет, она милая, с хорошей фигуркой и умом не обделена, но этим самым умом пользоваться она не умеет, поэтому похожа на забавного ручного зверька. Домашнего такого.

Но ее, в прямом смысле этого слова, обожает вселенная. Я правда не понимаю за что, но в тайне ото всех я уже окрестил ее «Любимицей Вселенной»

История 1

- Эй, знаешь, что? – радостно чирикал мне голосок возлюбленной в трубке. – Вселенная меня любит.

Я вздохнул. Только я подумал, что, отправив ее на учебу смогу забыть об этом создании на месяц, как пожалуйста, она снова каким-то образом появляется в моей жизни и тратит мое время, в котором ей места никто не выделял.

- И каким же это образом ты поняла?

- Ну сначала меня поселили в очень холодную комнату и мне это не понравилось. И буквально через пару дней переселили в менее холодную, я бы даже сказала комфортную. Мои глаза закатились, и в чем тут любовь вселенной, сотрудники общежития знали, что та комната холодная и просто переселили, когда появилась возможность.

- А вчера, когда я ныла самой себе, что придется до конца учебы торчать в холоде, меня снова переселили и в еще более теплую комнату! И она правда теплая, так что ты можешь не переживать, что я замерзну или заболею.

- Рад за тебя.

Мне бы хотелось сказать ей, что мне глубоко плевать мерзнет она или нет, есть у нее еда или нет, скучает она по мне или нет, мне просто все равно, что там с ней. Я хочу забыть о том, что она у меня есть хотя бы на месяц. Но в тоже время я задумался, я не раз замечал, что ее мысли материализуются. А ситуации перекалываются, так как выгодно ей. И отчасти это немного пугало.

- Чем занят?

- Своими делами, какими не твое дело. Все пока. – я отключил разговор.

Многие бы мне сказали, что я веду себя как мудака. Да, возможно. Но мне плевать. Раньше я был готов ради нее мир уничтожить, а сейчас, что-то изменилось, что-то в ней стало раздражать. Возможно именно то, что мои чувства стали сходить на нет, а ее так и остались нетронутыми. А еще возможно дело в том, что я многое ей запрещаю, но не позволяю делать тоже самое со мной. Ну и мозги выносить она мастер, нет я не говорю, что она их выносит по всякому пустяку, любой скажет, что это серьезные причины. Но мне все равно. Мне все равно, что там у нее на душе. Мне искренне плевать на то, что ее там расстраивает. Мне порой тошно от ее «скучаю и люблю». Когда я ей говорил, что-то подобное в последний раз я уже не помню.

История 2

- Рафаэлок хочу.

Мои глаза снова закатываются. Вот смысл мне это писать? Я что, по ее мнению, куплю их после того как она это сказала? Сама пусть покупает я ей не... а стоп, я как раз-таки ее парень, но пусть сама покупает.

Она сидит на работе, и периодически что-то пишет, я читаю, но не отвечаю, знаю, что ее это бесит и расстраивает, но ничего не могу поделать, у меня тут дела поважней, ответить другу, например.

- А еще вечером, ко мне зайдет девушка, ей надо сережку снять, это займет минут пять не больше.

Пирсинг, она им подрабатывает, к слову его она делает хорошо. Нет конечно бывают промахи, но в большинстве я понимаю, что это просто индивидуальная реакция человеческого организма, ей я правда этого не скажу. Я вообще ей много чего не скажу, ибо просто сядь и молчи, а лучше исчезни, но не насовсем, а то мне скучно станет.

Как она и сказала, девушка зашла вечером, и спустя минут 5 ушла. Моя благоверная всплывает в комнату, на лице улыбка.

- Вселенная точно меня любит. – в руках коробка Рафаэло.

- Хм.. Рад за тебя.

- Ну и ладно, бука. Мог бы и поискренней быть.

Мог бы, но мне плевать. А еще меня это бесит, бесят меня эти совпадения. Что не ситуация, так ты всегда в плюсе. Именно ты. Даже если вселенная тебя любит, то за что. Ты же бестолковый кусок бесполезного мяса, за что тебя любить вселенскому высшему разуму. Или ты настолько бестолковая, что даже вселенная это понимает и жалеет, как убогую?

История 3

-Вселенная меня любит.

Будь физически это возможно, я бы сейчас свой мозг увидел, но глаза так не способны закатиться.

- Ну и что, на этот раз?

- Я переживала, что не успею заказать мерч любимой группы, а они перенесли дату выхода альбома.

- И что?

- А значит предзаказ, будет открыт еще долго. – зверек лучезарно улыбался.

- И ты думаешь, это потому что вселенная тебя любит? А ты не думала, что это потому что у группы проблемы могут быть?

- Думала, но все равно же удача.

И не поспоришь, мать твою. Да, проблемы могут быть у группы. Да, это просто совпадение. Но оно ей выгодно, чертовски выгодно. Опять же, что не ситуация, то все вывернулось как удобней и выгодней ей.

- А это значит, я смогу поднакопить на набор покруче чем хотела.
-А? – я прослушал большую часть из того, что она говорила.

- Я хотела заказать маленький набор, но теперь смогу поднакопить на побольше. Ты не против?
- А, да нет.

Мне же плевать, с высокой колокольни, дорогуша.

История 4

- Угадай что?! – любимая врывается в квартиру и улыбкой счастья на лице.

- Вселенная тебя любит?

- Ну не совсем, помнишь я говорила, что хочу снежный шар?

- Да помню, но у нас их нет.

- Смотри, что я увидела в магазине! – в руках зверька был снежный шар, внутри был милый лисенок, что сидел на клетчатой скатерти, а перед ним стояла кружка. – Правда очаровательный? Это был последний.

- Последний? Я их вообще у нас в городе не видел, ну именно таких.
- Ну, а я нашла.

Я взял шарик и повертел в руках, космическое везенье я вам скажу, именно таких шаров я не видел за всю жизнь в нашем городе, а она его нашла, да еще и такой милый, прям под стать ей. На секунду, появилось желание его разбить, чтобы она перестала светиться, но позже я отогнал эту мысль, я же не конченный урод как никак.

История 5

- Вселенная точно меня любит.

- И как ты это поняла сейчас?

- Я смогла сдать сессию. Знания просто пришли из ниоткуда.

- М-да...

Я не скажу, что она тупая, она умная, сообразительная. Она много читает и многое запоминает, но тут я с ней соглашусь. Это магия не иначе. Физмат и моя любимая, это небо и земля. В этой среде она как рыба на суше. Повезет если при складывании двух и двух она получить четыре, а не пять. Повезет, если она запомнит хоть одну самую простую формулу.

- И как ты ее сдала?

- Без троек!

Без. Троек.

Ну точно магия, да еще и черная. Поди душу дьяволу продала. Или я не знаю, что еще. Младенца в жертву принесла. Сказочное везение.

- Я рад за тебя.

История 6

- Мне однажды крупно повезло, прям космическое везение. — любимая лежала на кровати и смотрела в потолок.

- И когда же это?

- В позапрошлом году. Я узнала, что моя любимая группа приезжает к нам, в столицу, осенью. А у меня отпуск был весной.

- И?

- И я очень боялась, что мне откажут в его переносе и я не смогу попасть на их концерт.

Я молча слушал, ее рассказ сидя за компьютером, не то чтобы это было интересно, просто ее голос был достаточно приятный и данная история не раздражала.

- И так было до последнего момента, прямо перед тем как почти все билеты раскупили, мне одобрили перенос. И самое классное было в том, что у меня в тот год был проезд. В общем все вышло как нельзя лучше.

- К чему все это было?

- Да, просто вспомнилось.

Эта история меня ни капли не удивила, ее сказочное везение уже стало для меня привычным делом. Я даже подозревал, что она ведьма. Ну а что? Не верю я, что так может везти в жизни человеку. Так попросту не бывает. Ее везение ни разу не соизмеримо с ее неудачами, да они бывали, но даже все они в итоге перекорректировались в ситуации где она в выигрыше, а потому, это не неудачи вовсе, а так подготовка к ее удаче.

История 7

Сегодня моя «Любимица вселенной» молчала. Она просто сидела за компом и что-то печатала. Она была неплоха в писанине, хотя как-то по пьяни, я сказал ей, что она бездарность. Она тогда была морально уничтожена, ведь она так старалась, так стремилась, так верила, что ее писанина стоит чего-то. А я, я разрушил эту веру, и мне было ни капли не стыдно.

Но сегодня, она активно редактировала свою книгу. Да, зверек решил опубликоваться, причем к этому приложил руку и я. Я просто подкинул ей сайт где это можно сделать бесплатно, я был уверен, что она не станет этого делать. Но кто-то так расхвалил ее стихи, что она решила попробовать.

Я не читал ее рассказов, я не читал ее стихов. А все потому что она пишет там то что чувствует. Все ее переживания обретают стихотворную форму и некоторые люди восхищаются этим, в стиле «как же жизненно», да неудачников подобных ей тысячи и сотни. Но не читаю я их по иной причине, я не хочу знать, что у нее на душе. Потому, ее творчество для меня просто пустое место.

- Думаешь у меня получится?

- Конечно.

***

Она опубликовалась. Книга была с дурацким названием, я ее не читал, я дежурно ее поздравил. Но я был не рад, а что, если эту книгу прочитают многие, что, если она получит признание, что, если ее рассказы и стихи найдут свое место в писательском мире. И я пока не знал, сыграет ли ее везение и тут свою роль.

Я обычный парень, мне 26. У меня есть девушка и она любима вселенной так как никогда не была любима мной. И это меня, чертовски бесит.

Петрова Яна

Я буду жить под стрелками этих часов

Моя жизнь... Жизнь обычного работника среднего звена. Офисного планктона. Такого же скучного и блеклого, как этот самый офисный стул.

Каждый раз, возвращаясь домой, я иду по одной и той же улице, слышу звон одних и тех же городских часов, вижу такие же серые, как и мое, лица, чувствую запах своей пыльной и пустой квартиры.

Один. Был и останусь им, сколько людей ни поселилось бы со мной. Я просто буду наслаждаться небывалым одиночеством в толпе.

Этот день... Да, Вы угадали, такой же как и все остальные. Но он перевернул мое мировоззрение.

Она шла по улице. Не будь одета столь экстравагантно - я бы счел ее такой же одной-из-многих, мелькавших поблизости с завидной частотой.

Пожалуй, такая могла бы разгуливать по Праге: тонкое пальто, полуботинки, - самый "подходящий" наряд в этот зимний вечер.

Тогда я, кажется, решил, что она иностранка.

И мне стало ее жаль.

Меньше всего в этот унылый вечер мне хотелось занимать себя какими-то иными делами помимо отдыха и сна. Но оглянувшись вновь на тусклый дом, в котором зияли темные просветы моих окон, я осознал, что эта, мне предписанная, жизнь...

Осточертела.

Помню... Я подошел к ней, предложил выпить чашечку кофе в какой-то забегаловке рядом. Поверьте, я никогда не сделал бы этого по собственной воле, так что посчитаем, что нас свела судьба.

И самое странное в том, что она согласилась. Настоящая иностранка!

Слово за слово и мои впечатления развеяны. Она русская, более того, самая настоящая наивная русская. Мотылек, летящий покорять огни столицы, который непременно должен был быть сожжен до остатка... Но все еще до безобразия живой.

Не знаю как, но в итоге мы оказались в моей холостяцкой квартире. Кажется, я предложил ей переночевать, а она...Просто была не против.

На следующий день, когда я неся на работу, словно сумасшедший птах, я осознал, чего мне не хватало. Ее. Только ее. Той, которая раскрасила лазурной краской мое небо.

Любви, поцелуев, объятий, дурацких перебранок на тему сгоревшей глазуньи, и снова любви... Как мне не хватало этой настоящей жизни, в которой каждое мгновение ценилось дороже всех бриллиантов. Я жил сегодняшним днем...Нет, не жил, я словно ходил более не по земле, а по краю небес, по нежному небесному брюху. Я вел с собой ту, что стала неотъемлемой частью меня. Моей жизни и быта. Каждое утро я искал не линзы, а ее, а она всегда оказывалась под рукой. Мне не нужны были друзья, я забыл о родственниках и проблемах на работе. Скажете: "Плыл по течению?" Ан-нет, я Жил. Именно так, с большой буквы.

Я забыл о времени, неизбежно бегущем мимо. Я забыл о том, что жизнь не всегда преподносит приятные сюрпризы.

Перелетая из Тегерана в Ереван во время отпуска, она мечтала мечтала повидать небо, но встретилась с землей. Эта весть застала меня в новостях на первом канале, когда я ждал ее очередной счастливой смс'ки или даже звонка, я грешил на роуминг и пополнял ее баланс, но последний месседж мне суждено было получить совсем не от нее.

Я до сих пор не верю, что в ужаснейшей авиакатастрофе десятилетия оказалась она. Мое солнце, луч света, художник моей жизни и просто...

Моя жизнь.

Не верю.
НЕ ВЕРЮ.

Мои часы остановились.

Единственная память о ней - могила, которую я нарочито сделал совсем маленькой и невзрачной. Думал - переживу, успокоюсь, забуду, начну приходить все реже, но...

...Этот камень был самым пестрым на погосте. Как дурак я таскал туда живые цветы, с постоянным ощущением, что ношу их не для нее. Не ей, ведь она все еще жива...

Эта невозможная мысль преследовала меня на каждом шагу, все женщины стали похожими на нее, все буквы складывались в ее имя, а я просто плыл по течению.

Прошел год. Помните, я говорил о мгновениях, спешивших покинуть меня? Я запомнил этот хаос ярких красок, а целый серый год - нет. И предыдущих его братьев-близнецов тоже нет.

Но она вновь заставила меня вспомнить.

Этим вечером луна была слишком яркой, а я все равно лег спать...

Каждый раз, возвращаясь домой, я иду по одной и той же улице, но больше не слышу звон одних и тех же городских часов - они остановились, вижу такие же серые, как и мое, лица, чувствую запах своей пыльной и пустой квартиры.

Один. Был и останусь им, сколько людей ни поселилось бы со мной. Я просто буду наслаждаться небывалым одиночеством в толпе.

Но сегодня навстречу мне шла девушка, которой колесить бы по Праге, а не в Москве замерзать. Мне не нужно было даже мучительно вглядываться в черты ее лица. Я не видел, я Знал, что это она. Я просто не мог ошибаться. Я остановился, не решаясь сделать ни шага к моей мечте. Вдруг растает, развеется, бросит меня в этом тлене?...

Звон часов. Почти зримое "тик-так" в моем сердце.

Пара шагов и она сама поднимает глаза на меня. Глупого меня, уставившегося на нее как на потерянную игрушку. Кажется, в ее глазах мелькает то же, что и в моих... Нет, не удивление.

Радость встречи.

И я вновь не вижу, я просто знаю.

Я отбрасываю вязкую паутину сомнений и спешу к ней, то и дело переходя на бег, она, такая же уютная как прежде, просто ждет меня, отдавшего себя чувству.

Мгновения сжимаются до наносекунд, я не знаю, сколько метров преодолел, но вот уже сжимаю ее в своих объятиях. Она лепечет что-то, а я даже не спрашиваю о значении ее слов. Где была? Почему вернулась? Зачем оставила меня? - Зачем задавать дурацкие вопросы, если вот она, здесь, рядом...

Мы возвращаемся домой, держась за руки, я не смакую секунды, я вновь спешу жить. В моем застывшем мире все приобрело тепло и краски.

Когда мы наконец добираемся до постели....

Мой мир разлетается на осколки и я сажусь на кровати. Всего лишь сон, как это наивно...

Нет, это не может оказаться просто сном.

Я смотрю на часы, уже надевая брюки, до полуночи остается жалкая четверть.

И я чертовски опаздываю на это свидание со сном.

Ботинки, пальто, шапка...Где шапка? К черту шапку! Я спешу, но чувствую, что безнадежно опоздал. Нет времени на такси, я пускаюсь бегом по улицам, ведь отсюда всего пара кварталов... Забыв об усталости я лечу к этим часам и надежда ведет меня.

12. Я есть. Я здесь. Мучительно вглядываюсь в лица...

Навстречу мне идет девушка в легком пальто. Ей колесить бы по Праге, а не в Москве замерзать. Я мучительно вглядываюсь в черты ее лица... Но мне это не нужно. Ведь я знаю, что это...

Не ты.

Девушка мило улыбается мне и проходит мимо. А что я? Пусто. Мне ужасно пусто и я просто дышу. Смотрю в это темное ночное небо, не видя звезд, чьи лучи затмевает свет фонарей. Кто ближе - ярче, не так ли?...

Где же ты?

Рослякова Елизавета***Сара.***

Уходящий день осыпался старой штукатуркой с потолка, проводя некоторую параллель с песочными часами, отсчитывая последние секунды до полуночи.

— Был ли день? — задавалась вопросом Сара. — Была ли я?

Луна медленно катилась по ярко-синему небу ночи, улыбаясь девушке. Сигаретный дым заворачивался в вихри, извивался, подражая живому существу, хотя было не ясно как он узнал, что нужно делать, и каким образом именно ему извиваться.

Тени сумрачных деревьев беспрестанно перешептывались, рассказывая о переплетениях нитей судьбы. Девушка вслушивалась в тихие закорючки слов, пытаясь зацепить их одно за другое, и даже могла разобрать отдельные фразы. Но хитрые растения, прознали о прослушке и замолчали.

В тишине можно было разобрать быстрое сердцебиение кота, что развалился под ногами хозяйки. Луна продолжала хитро улыбаться Саре.

Маленький таракан медленно бежал по полке среди книг, оставляя за собой след маленьких лапок. Он не задавался вопросом «Был ли день?» И даже не представлял, что можно вообще задавать вопросы по типу «Был ли я?», так как он не понимал понятия слова «Я» и даже не догадывался о существовании себя, и тем более дня. Он просто шел наугад в поисках еды. Сара подумала в свете луны «Может стать тараканом?»

По полу бежал еще один таракан, медленно шевеля усами. Теперь не существовала дня. Теперь не существовало «Я». И даже не существовало осыпавшейся штукатурки. Во всяком случае для нее.

Носенко

Однажды

Бритая голова, потому что плевать, как выглядеть, лишь бы пальцы были целы — чтобы играть на гитаре.

Бесполезные, бессмысленные, глупые (*как и его жизнь, в общем-то*) партаки по всему телу, сделанные в пьяном угаре каким-то мастером с кривыми руками и без перчаток, потому что друзья оценят, ведь тату — это круто.

Болезненные синяки под глазами и бледная кожа, потому что ночью алкоголь и наркотики, а днем — учеба.

И жизнь, идущая по пизде просто так.

Какие-то важные результаты важных опросов однажды сказали, что главный страх нового поколения — не самореализоваться; провести жизнь никем, работая на низкооплачиваемой нежеланной работе, завести шлюху-жену и ораву ненавидящих тебя детишек, состариться, а потом сдохнуть, чтобы через несколько лет твоя скромная могилка с крестом (*но ты ведь атеист, бро, разве нет?*) заросла высокой травой и короставником.

Данил (*"да нет же, ребят, я Даниил, а не Данил, в этом есть разница"*), наверное, тоже боялся этого. Боялся и понимал, что он стоит на пути к этому, получая бесполезное образование, априори нелюбимую профессию и постепенно спиваясь и скуриваясь, а еще немножко снюхиваясь, но только чуть-чуть.

Когда пришло осознание, что все и без того катится по пизде, стало как-то похуй. К черту учебу, одноклассников, плачущую маму и сдавшуюся девушку. Зачем что-то делать, если смысла в этом нет?

Действительно.

Учеба заброшена, одноклассники забыты, совесть запихана куда подальше; в одной руке свернутые трубочки пятьдесят рублей, в другой — кредитка с нулевым счетом. Прямо как скипетр и держава, даже лучше. Данил (*"но..."*) вполне чувствует себя властителем целой Вселенной.

Вселенная черничным соком заливает стены, белой зубной пастой рисует поверх звезды и смотрит огромными черными глазами прямо в душу.

Смотрит долго, внимательно, испытывающе, и чертовски хочется взвыть диким зверем и расцарапать себе отросшими когтями грудь, освобождая kloкочущий рев наружу, — лишь бы все закончилось.

Он поддается этому желанию.

И все заканчивается.

Вселенная лопается.

Лопается почему-то со звучным хлопком резко раскрывшейся двери, ударившейся о стену.

Кто-то шлепает его по щекам, как сквозь толщу воды слышится злой испуганный голос. Что-то ледяное потоком льется прямо на лицо.

— Да очнись же ты!

И Данил открывает глаза. Смотрит мутно, едва разбирая то, что видит, и самое отчетливое среди всего бардака вокруг — глаза сдавшейся девушки напротив и влага на щеках — вода? слезы?

***

Он ждет, когда его заберут, сутуло сидя на шатком стуле, подобрав к груди колени и кутаясь в старый плед, пахнущий пылью и светлым будущим.

Позже, намного позже, белые стены наркодиспансера несут просветление.

Антонио Вест Сальварес

Пролог

– Братик, а ты меня не бросишь? – по-детски наивный вопрос, пробравший до костей. Руки сами собой потянулись на этот, настолько близкий голос, а в голове появилось сразу с десяток фраз, от убеждающих до ругающих.

– Ни за что, глупая – нежно потрепав по волосам свою сестрёнку, я улыбнулся, и уходить расхотелось, однако жить на что-то надо. Обернулся, не цепляясь взглядом ни за что, и вышел через дверь, освещаемую закатным солнцем.

Сам понимаю, что оставлять двенадцатилетнюю девочку дома одну, ночью, в нашем районе, не очень хорошо. Но, во-первых, не даром она Валя, а во-вторых, мне больше не на кого положиться. Она все, что у меня есть. Где же наши родственники? Куда их нелёгкая занесла, что мы третий месяц выживаем как два бойскаута.

Мне приходится работать ночью, и учиться днём, из-за того картошку можно носить прямо под глазами. Так, я всё ещё способен шутить, хотя казалось, что я зомби, такой же тупой, медлительный и произносящий лишь одно слово. О, опять шутка...

Так, о чём я думал? Ах да, Валя.... Из-за того, что я почти не бываю дома, ей приходится не сладко. Она и готовит, и убирает, и стирает, и... Я даже не знаю, сколько она всего делает и как успевает! А ведь она ещё и отличница, в отличие от некоторых прогульщиков.

О, моя стройка! И как успел придти к ней только? Кажется надо было больше спать... я ведь не заснул по дороге? Или всё же заснул? Так, мысли в сторону. Вперёд и с песней! А с какой? Надо бы что-то фронтовое выучить, а то стройка ночью светилась так, будто выискивала какие-то следы в небе. Правда вместо неба высотка... Вот чёрт, метафоры ни к чёрту! А что если

– Артур! Ты так и будешь столбом стоять, или всё же соизволишь начать работать? – спасибо конечно за то, что вытащили из размышлений, но вы очень высокомерны вам не кажется? Так, главное не сказать это вслух...

– Да иду я, иду – да, плохо развит навык дипломатии да ещё под проклятием «вечный недосып». Странно три месяца, как не играл, а привычки да взгляды остались. Кто сказал, что геймеры – это задроты, я вон...

– Лови! – О, каска летит... прям на меня летит...Что?! Каска?! Инстинкты сами повели меня в сторону, и средство индивидуальной защиты, улетело в темноту в полуметре от моей головы, а спустя секунду раздался дикий грохот и чей-то мат.

– Ты думай что творишь, Иваныч! Я же чуть пришиблен, не оказался! – И этот человек – наш мастер? Ни в жизнь бы не поверил! Хотя вроде бы как и помог соблюсти правила, но при этом чуть не убил. Натянуть бы ему его каску известно куда...

– Эй барышня, а вы чего здесь разгулялись? Тут вам не бульвар! – Что? Барышня? Какая барышня? О, нужно было раньше сюда смотреть. Шатенка, высокая, в коротком облегающем платье, хоть и не вычурном, но с узором из вертикальных красных и белых полос, чередующихся друг с другом, и плавно к низу переходящих в горизонтальные, неплохое декольте.... Как то она очень уж не вписывается в это место.

– А ты мне не указывай, мужлан! – А она с характером. Забавно. Надо всё-таки выпроводить её отсюда. Где-то слышал, что для того что бы не волноваться, нужно все действия проговаривать. Вот сейчас и проверим. Приближаемся к девушке. Улыбаемся. Смотрим в глаза. Я сказал в глаза! Вот так. Говорим...

– Привет. Знаешь тут довольно опасное место, да и грязно вокруг, может ты всё таки покинешь это место? – Ждём реакции. Ещё ждём. Ещё... Блин, а она симпатичная. Изящные контура лица, глаза серые, с желтыми прожилками, будто художник на глазах нарисовал солнце,

аккуратные губы, и маленький носик... Чёрт, я будто описание для криминальной хроники придумываю!

– Я вообще...

Безумный грохот прерывает все мысли. Инстинкты заставляют поднять голову, и увидеть летящую на нас плиту. Всё что я успеваю – вытолкнуть девушку. Грохота я так и не услышал.

Глава 1

Кромешная темнота и тишина длилась не долго. Яркий и золотистый свет показался впереди, постепенно увеличиваясь в размерах. Спустя пару минут передо мной уже висели золотистые буквы, которые гласили «Переход успешен». Когда эти буквы прилетели ещё ближе, стало ясно, что они сложены из порхающих светлячков, которые уже начали разлетаться, кружась вокруг.

В одну секунду, я увидел лишь светлячков, а в следующее мгновение, стоял на поляне в лесу. Светлячки благополучно разлетались по своим делам, а над озером по правую руку стрекотали какие-то речные жители толи цикады, толи кузнечики, толи вообще лягушки... Хотя могут ли лягушки стрекотать я не знал, но то что кузнечики не умели плавать, это уж точно. А звук разносился над этим озерком... или то омут? Или пруд? Ага... Похоже окружающий мир прошёл для меня впустую...

Резкий звук удара, схожий с громовым, сотряс округу вспугнув мирно... дремавших, наверное, птиц... Только сейчас я понял что вокруг уже светало... или темнело... в общем уже были сумерки... а вообще собственно где я? Я вроде как был на работе... Потом эта шатенка... Плита! Глаза расширились от ужаса и забегали как испуганные тараканы. Так бы и продолжилось, но панику заглушил очередной грохот грома. Странно, а ведь на небе не облачка... Да и звук как-то с земли идёт...

Засунув вопросы туда, откуда они возникают, ломлюсь в направлении шума. Да глупо! Но интересно же! Ветки хлещут по лицу с такой силой, будто им платят за побои... Или это я несусь так, будто за мной свора собак гонится?

Внезапно ветки закончились, а вместе с ними и лес. Ну временно, во всяком случае. Оказавшись на округлой полянке, я поскользнулся на грибе, или ещё чем-то склизком, и думал уже нелестно выражаться насчёт проклятых грибов, как вдруг мимо меня зигзагом пронеслась белая вспышка, которую любой, хоть раз видевший бурю, опознает как молнию. Она пролетела в полуметре передо мной, и врезавшись в ближайшее дерево развалила его напополам.

Молния, летающая над землёй? Как снаряды? Кажется, я просто брежу. Или сплю... Сплю... Интересно... В это время брентное тело со всего маху встретилось с земной поверхностью, а от шокирующего зрелища, о группировке не подумало. В результате такого внезапного контакта, воздух в экстренной порядке покинул лёгкие, а вместе с воздухом эвакуировались и все мысли. Всё что осталось, это лишь боль, и трудности с дыханием, которые устранить было проблематично

С огромным трудом перевернувшись на бок, и собираясь всё-таки проклясть этот чёртов гриб, с целью хоть как-то нормализовать дыхание, пришлось поперхнуться воздухом. Вопреки всем законам логики, в лесу сражались четверо. Хотя сражение – это не совсем подходящее слово, в ситуации, когда вокруг пляшут огонь, лёд и ...

– Чёрт побери! – Очередная молния, на этот раз шаровая, беззвучно пролетела в паре сантиметров над моей головой, воссоздав на моей голове причёску Эйнштейна, а спустя пару секунд прогремел треск... Вот забавно, никогда не думал, что треск может греметь, но вот именно это описание сюда и подходит.

За всем происходящим я и не заметил, как восстановил дыхание. Судя по всему, тут драка, и драка трое на одного. Хотя кулаками никто и не машет, но вот когда сосульки летят вперемешку с огненными шарами... А вот тот один не плох... Ну или троица слабовата, хотя он только и

успевают, что защищаться, но молнии то от него летают все в плащах и капюшонах... И как только они не горят да не спадают?... А что если...

Отключив мысли, я начал медленно ползи по направлению к гуще. Почему? А вот не знаю, просто захотелось. Вообще я не герой, но уж очень не честно нападать вот так. К тому же троица стояла треугольником, основанием к противнику. Двое что-то делали, а вот третий почему-то стоял, либо он ленивый, либо главный. В любом случае он ничего не делает в драке, а это плохо, а значит надо его немного наказать. Да, спорная позиция.... Но надо же хоть как-то оправдываться перед собой.

Сколько ползком пробирался к линии фронта – не знаю. Но оказавшись рядом с тылом, который невероятно близко располагался к фронту стычки, который больше был похож на ад, я ударом двух ног по области коленей сзади, заставил мою ленивую жертву завалиться целиком на меня, довольно невнятно и удивлённо вскрикнув. Да да, ни шпиона ни убийцы из меня не выйдет...

В следующее мгновение, пляшущего с пламенем... Паренька, наверное... Смело электрическим штормом, сразу выбросив его за пределы поляны. Краем глаза я заметил, как не так давно защищавшийся, почти сложился пополам, падая к земле. В паре сантиметров над ним пролетели три сосульки каждая сантиметров по десять толщиной, а в ответ земля под хозяином этих сосулечек разверзлась, и проглотила его, оставив на поверхности лишь голову, будто диковинный цветок

– Ну вы и кру... - начал я говорить, выползая из под навалившегося на меня... не понятно кого, как мир передо мной начал кружиться столь быстро, что я так и не понял, когда я оказался вмурован в камень, вместе с упавшим на меня пареньком рядом. Хотя с камнем я приуменьшил... Это была скала, и висели мы целиком над пропастью, до дна которой было метров тридцать наверное... Ощущение так себе... Я пожалуй впервые порадовался, что меня куда-то вмуровали, а не просто кинули...

И вот перед нами появился таинственный воин, откинул капюшон, и заодно все мои мысли. Длинные белые волосы, зелёные как листья глаза, и всё те же черты лица, как и...

– Валя? - помимо воли бросил я хриплым голосом, пересохшим от волнения.

Глава 3

Меня не существует... По крайней мере так показалось, когда родная сестра прошла мимо, не бросив даже взгляда в сторону хрипящего братца. В какой-то момент я подумал, что вовсе призрак, или ещё какая сущность, которую люди не видят, но уже успевшие затечь конечности болью заявили обратное.

– Сдохни, ведьмино отродье! – Хриплый от ярости и ненависти голос, способный растворить сознания, заполняя его одним лишь страхом и желанием убежать. От такого голоса на спине начался «Девятый вал» Айвазовского... Ну это конечно по ощущениям, но всё же.

Перед Валею из воздуха начал появляться кусочек льда, хотя по всему было видно, что это голубоватое стекло. Постепенно, приняв форму планшета, на нём отобразились какие-то слова, написанные мелким почерком, в три столбика. Насколько они были полными, разглядеть не удалось, но я не терял надежды.

– Хм... Ты уже двести пятьдесят шестой человек, который желает мне подобного... Оригинальнее что-то придумать не судьба? Я уже записывать вас устала – мощный голос, который вполне мог соперничать с мощью недавних раскатов грома, но при этом совсем не громкий, усталый и... Точно голос сестры... Что вообще происходит?!

– Ах ты... – Кажется вопящий поперхнулся своей же ненавистью, и закашлялся, в то время висающая в воздухе девушка перешла в наступление.

– Кто послал? Это всё что мне интересно... – Усталость пропала, и появилась сухость. Заклѳочѳенная в нѳм сила, помноженная на засуху, посеянную им же, способна была высушить

внутри человека всё что могло его всколыхнуть. Голос самой пустыни сейчас боролся с пламенем вулкана.

– Я тебе ничего... – запнулся было прикованный к скале Прометей, хотя людям он явно ничего не нёс. Повторную порцию гнева заткнул поднявшийся с земли талисман, отлитый или отчеканенный не понятно, но явно серебряный.

– Таганхурт значит... Вальдемару то что от меня надо?... – голос с каждым словом становился тише, на лице появились морщинки. Вмурованный в стену пленник молчал. Я молчал. Сестра молчала. Чёрт, да даже ветер молчит! Внезапный взмах рукой, и кивок головы свободного от оков, нашего экзекутора, и грохот над головой, вместе со словами.

– Ты мне без надобности – сорвали такой страшный порыв, что казалось ураган пришёл в это место. Однако прошло всего пару секунд, и ураган стих, а зелёные глаза устремили свой взгляд на меня... И кто придумал, что зелёный – цвет жизни. Сейчас это был цвет льда, способного сковать Арктику, и приморозить всех пингвинов к одной льдине

– Валь, ты чего? Это же я! – рот говорил сам собой, а глаза смотрели в бездонную ледяную бездну, где не было ни единого уголька опознавания. Голос сам собой становился тише, и последние слова прозвучали почти шепотом – Сестрёнка?

– Либо ты слишком глуп, как шпион, и твои хозяева оскорбили меня даже попыткой подкинуть тебя, либо ты и вправду считаешь меня сестрой... Зада-а-а-чка... - последнее слово она произнесла нараспев, что прямо завлекло мысли.

– Куда прислали? Зачем? Если ты не Валя, то кто? Вообще где я? Что это за место? Почему вокруг чёртово фэнтези? – Ой, кажется меня прорвало, и голос близкий к истеричному вывалил все вопросы разом. Но взгляд, наверное, копии сестры, даже не думал меняться, лишь ещё острее уставившись на меня

– Зада-а-а-чка... и где же ты жил до этого? – глаза блеснули огоньком интереса. Значит есть ещё шанс выкрутится. Правда или ложь. Решение ценно в жизни

– Ну... В России – я замялся, ибо выдавать адрес, где сейчас была моя семья, не хотелось. Однако по взметнувшимся бровям стало ясно, что этого хватит с головой.

– Если ты и врун, то делаешь это крайне неумело. На Дальтерре четыре страны и двадцать городов. Ни одного подобного названия у нас нет. – Голос, лучившийся спокойствием, приковывал к месту, хотя куда уж сильнее. От такого давления моё сознание начало плыть в сторону, рисуя мне всё что угодно, лишь бы не слушать речь, однако за что-то удалось зацепиться.

– А эта ваша Дальтерра от Земли далеко будет? – Я решил пошутить, и даже улыбнулся. Идея о том, что меня перебросило в другой мир, вполне себе оправдывала всё, что происходило. Если есть путь сюда, есть и обратно... наверное... Но реакция царицы холодной пустыни поменяла сразу всё. Маска спокойствия слетела с её лица, мир с грохот скрылся с глаз, а потом потрянуло так, что сознание не удержалось, и помахав ручкой, ушло гулять, оставив меня в темноте.

Глава 4

Не знаю, сколько продлились мои кувыркания в полной темноте, когда отключаешься, сложно следить за временем, однако очнулся я в спокойной обстановке, но в темноте. То ли умер, то ли... так, минутку, а если открыть глаза? Меч, рубанувший по глазам, оказался солнечным светом. Вот никогда не думал, что солнце может рубить по глазам не хуже стали, а нет, реально может.

Проморгавшись, а это занятие очень не приятное, кто пробовал вытряхивать иллюзорный песок, тот меня поймёт, оказалось что песок вовсе не иллюзорный, и слёзы, капающие из глаз, были серыми как придорожные камешки. Пришлось хорошенько поплакать, что бы наконец разобрать картинку передо мной. Вот уж не думал, что буду рад не сдерживать слёзы

Прояснив взор, о как я умею выражаться, начал осматриваться вокруг. Собственно в этом самом «вокруг» была лестница вниз лес вокруг, и красная арка ворот синтоистского храма. Синтоистского... Храма... На горе... Чёрт, или я сошёл с ума, или сошёл с ума мир... Вот площадь, здание впереди – явно алтарь, вон место... Не знаю как зовётся, но вон плошка, что бы воды зачерпнуть. А вот жрица с веником, подметает двор. А вон таблички с исполняемыми желаниями... Стоп! Жрица! Человек! Можно поговорить! Не думая ни секунды сорвался с места, а ведь стоило бы подумать... Чем для закончилась прошлая встреча, с отключённым мозгом?

– Простите! Можно пару вопросов? – Ну и что, что глупо? Зато хоть сосульку в нос не получу. А то мы уже знаем, этих девушек на Дальтоне, или как там её...

Жрица обернулась, и сшибла меня с ног. Нет, никакой сосульки не было, да и на метле она не летала, Но взгляд серых глаз, с запечатанным солнцем, я узнал сразу. А ногам много не надо, что бы подкосится.

– Ты наконец очнулся, безымянный путник. – Мягкий голос, ни разу не напоминавший тот самый. Улыбка на губах, хоть и выглядящих так же, но всё не соответствовавшей тому образу.

– Почему же безымянный? Я вполне себе именованный Артур. – Попытка выдать каламбур вышла не очень, хоть девушка и захихикала. Тихо и в кулачок, как и подобает воспитанной жрице.

– Какое забавное имя... самонадеянное. Меня нарекли Тургани. – Улыбка на губах, явно играла мне на пользу, вот только понять, что посмеялись не с твоего каламбура, который ты уже начал считать не таким провальным, а с имени, сильно задевает.

– И чем же оно такое весёлое? – Тщетно пытался скрыть вызов в своих слова, однако моя собеседница этого и не заметила.

Оказалось, что здесь каждый слог имени имел свой смысл. К примеру, у моей таинственной незнакомки, а она реально таковой казалась, ибо на стройку заходила она, могу не то, что зуб, челюсть дать, имя значило «Следующий по стопам бога» то время как моё, куда более самонадеянное, значило «Выше бога». Да... За такое имя в нашей реальности и посадить могут, ну не переименовывать же себя, ведь так?

В это время во дворе приземлилась старая знакомая, с лицом моей сестры, и пару стражников, которые казалось, появились из воздуха. Никогда бы не подумал, что люди могут летать. А зачем здесь стражники? Меня задерживать что ли? Так и одной знакомой хватит. Ну что же, говорите, коль не шутите...

Эта процессия, с девушкой во главе, которая так и не представилась, подошла ко мне, на расстояние пяти шагов, а после правый гвардеец вытянулся, достал из-за пазухи пергамент, развернул... Сколько пафоса... как будто экзамен сдают, на звание церемониймейстер...

– Каждое существо, попавшие на территорию Дельвингарда, обязано прошествовать к его Величеству Вельгани седьмому, для прохождения всех необходимых процедур, и разрешения свободного перемещения в пределах всех владений его Величества. В связи с этим, приказом его Величества, вы задерживаетесь, как подозрительная личность, до выяснения истинных мотивов вашего поступка.

И как у этого балабола голова не взорвалась? Вроде нормальный парень, а как говорить начнёт... Не даром по бумажке читает.

Дальнейшие размышления были прерваны сдвинувшимися с места гвардейцами, что рефлекторно заставило меня отступить на пару шагов назад. Ну сами подумайте, если два мужика в начищенных латах и с алебардами наголо начинают к вам шагать с очень недружественными лицами, вы вряд ли решите, что они принесут вам печеньку.

Однако тут в меня полетел огненный шар от старой знакомой, который пролетев в паре сантиметров справа, заставил отпрыгнуть от жрицы, хоть и не далеко, однако сразу после этого я получил внезапный удар в паре сантиметров от ног, уже алебардой, заставившей меня

отскочить в другую сторону. Удар по ногам древком алебарды я успел пропустить мимо сознания, так как всё же запутался в ногах и улетел в сторону жрицы.

Сознание на секунду обиделось и решило уйти, а потом всё же передумало. Именно так я объяснил себе тот факт, что уже лежу на поваленной жрице, и совершаю таинственный жест соприкосновения губ, в народе именуемый поцелуем...

Заметив что происходит, тут же решил прерваться, хотя прерываться было особо не от чего, навыков ноль без палочки, а вот по пылающим праведным гневом глазам моих противников стало понятно, что добра мне сейчас точно не будет.

Эпилог

На небольшой площади перед храмом, появилась целая группа ребят по солиднее, чем гвардейцы. Атмосфера опыта тысячи схваток мигом заполнила маленькое пространство.

– Ты посмел оскорбить честь верховной жрицы, и за это умрёшь, без суда и не взирая на все достижения реальные или потенциальные – О да, говорить моя сестрёнка умеет. Но хотя это не она, но похожа – жуть. Если бы счётчик Гейгера можно было бы переделать на измерения уровня ярости, он бы сломался через пару секунд от перегрузки.

– Именем суда храма Дельвингарда, мы приговариваем тебя к смерти! – это прибывшая толпа голос подала. Так меня будут судить или нет? Они решить этот вопрос между собой заранее не могли? Что бы мне не отвлекаться!

Вскинутые руки породили электрический треск, а вслед за ним на поляне появился огромный змей... Целый... Электрический... мать его... змей! Василиск то был, дракон, или ещё кто – не знаю, но увеличь обычную змею раз в пятьдесят, поменяй голову, на драконью, и будет один в один...

– Та-та-там, нам конец... – кажется я это в слух, да? Ну и ладно, не особо меняет положение. Хоть конец встречу гордо.

Огромный змееныш думать не стал, и сразу бросился на нас. Хотя скорее на меня, а жрицу так, мимоходом. Бежать или прикрывать – вопроса не стояло. Девушка на земле, и убегать не сможет. Поэтому встаём в героическую стойку и орём что есть мочи.

– Ты! Не! Пройдё-ё-ёшь!!! – Посоха нет, вместо него рука, тычет ладонью в электрическую морду, ну да кому какое дело? Ещё мгновение и... Змейка начала бить невидимую стену, пытаясь её проломить. Ударил со всей мочи головой, та рассыпалась, а следом и вся змейка. Я остался цел и невредим в героической стойке, направляя руку в морду исчезнувшему чудовищу. Количество круглых глаз у людей, приравнялось к общему числу людей, помноженных на два.

К жрице это не относилось, так как она пока лежала, а как встала, так не удивилась, а тихо мне на ушко прошептала:

– Пора узнавать ответы, мой господин. – После чего ухватила меня за руку, и увела в главное здание. Очнулся лишь от хлопка двери и разделявших нас пяти сантиметров пространства. И не понятно, что приводило в чувство лучше...

– Ну что, поговорим посланник богов? – тихо спросила она, глядя в мои глаза.

Сара Цукер

Мы встретились на краю угасающего мира

Это началось задолго до того, как уничтожили всех драгоценных драконов. Драгоценные не в том смысле, что мы ими как-то дорожили, а в том, что они состояли полностью из драгоценных и полудрагоценных камней. Огромны и невероятно красивы, но первое время недостижимы.

Когда я был маленьким, я часто выбирался вместе с отцом в поля и ждал, когда на горизонте появился сверкающая ярче солнца маленькая точка, которая увеличивалась с каждой минутой всё больше и больше, пролетая высоко в небе и оставляя чудовищно огромную тень на земле. Тогда-то я и понял, что хочу его. Хотя бы кусочек, хотя бы крошку, сорвать драгоценную чешуйку и оставить у себя навсегда. В тот год случился настоящий бум: возросли цены на украшения, а народ, как бешеный, скупал всё, что видел.

Кажется, отец назвал это кризисом. Драконы, перебравшиеся в наш край, стали пожирать всё, что могли найти. Даже простые агаты с бирюзой. Они разрывали землю, сжигали траву, которая больше никогда не росла на такой земле, и даже переворачивали целые дома. И тогда, явив себя народу, они сам подставились, показав свою настоящую ценность.

И началась охота.

Алчные люди, жаждущие богатств, принялись выслеживать чёртовых ящериц, так искусно умеющих прятаться, не смотря на то, что блестели они под лучиком солнца словно яркие звёзды. Мой отец тоже охотился на них, но по-другому.

Следил, как хищник следит за своей добычей, преследовал, словно королевская ищейка и запоминал. Повадки, ареал обитания, их логово и то, как они живут. И всё это он рассказывал мне, превращая эти знания почти в сказки, повествуя о том, как я, взрослый и сильный охотник на драконов, получаю великую славу за счёт знаний, недоступных для простых людей, потому что те алчные охотники никогда не смогут понять ящеров и, тем более, найти их. Я взахлёб слушал всё это, запоминал, а потом, когда отец уходил – судорожно записывал. Слово в слово, чтобы в будущем не ошибиться.

Я действительно хотел стать таким охотником, радовать мать красивыми камнями и находиться для неё только стоящие драгоценности. Она была ювелиром и смогла бы сделать кучу красивых украшений, мы бы непременно разбогатели и получили бы ту самую славу, о которой мне всё время твердил отец.

А потом он принёс домой бенитоит. Это было сердце дракона, сверкающее томно-синим цветом, приковывая к себе взор. Оно было огромно, и, кажется, неподъёмно для такого маленького меня. Мы спрятали бенитоит, чтобы никто его не нашёл, никому не рассказывали о находке, а через месяц, когда отец вернулся, он пожаловался на то, что что-то ему мешает во рту, он отказывался от еды и его очень часто рвало. Тогда я думал, что отец заболел, но в больнице сказали, что внутри него появились наросты чёрного кварца. Не только в желудке, но и на других внутренних органах, костях.

С каждым днём отцу становилось хуже, его тело покрывалось кварцем настолько стремительно, что какого-то месяца мучений было достаточно, чтобы он превратился в камень, но его сердце разорвалось гораздо раньше – наросты пробили его со всех сторон, изрешетив и оставив только лоскуты. Но перед этим он мне кое-что сказал:

- Никогда... не дыши пылью...

Тогда я не до конца осознал, что же отец имел ввиду, но понял это многим позже, когда правительство сбило обсидианового дракона с бардовыми турмалиновыми крыльями. Его хрупкие крылья со звоном разбились о землю, осколки разлетелись во все стороны, рана своими

острыми краями тело, а пыль и крошка, подхваченная потоками воздуха от приземлявшегося вертолѐта, разлеталась во все стороны. Мать тогда закрыла моѐ лицо своей блузой, спрятала от осколков, а я только и думал, что это начало чего-то нового, ужасного.

Люди совершили ошибку, напав на дракона так открыто. И люди обязательно за это поплатятся.

Совсем скоро заболела и моя мать. По городу пронеслась эта загадочная эпидемия. «Inauremosis», так медики называли её. Улицы опустели практически мгновенно, дракона разобрали на части, оставив нетронутым тело. Выковыряли даже глаза, зубы, не осталось ни одного рога или шипа. Глыба с драгоценной чешуёй неподвижно лежала на улице и это был первый раз, когда я взял отцовские перчатки, маску, респиратор и нож, на рукояти которого то и дело появлялись аметисты. Я не знал, как подступиться, мне казалось, что сейчас эта машина оживѐт снова и сожжѐт меня в своём холодном селитровом пламени, превратив точно в обугленный кусок плоти, в котором никто и никогда меня не узнает.

Было страшно делать первый надрез, точнее, отколупав чешую на груди, с силой вонзить нож, забив его ладонью, и провести немного вниз. Не смотря на то, что под чешуёй эти камни были хрупкими, оказалось непросто справиться с чужой плотью, которая не желала поддаваться. Тогда я долго пыжился, и только потом додумался разбить тяжѐлым куском асфальта грудину ящера. Правда, мой асфальт раскрошился после первого же удара вместе с преградой.

И в тот день я встретил *его*. Он был слабее меня и, кажется, не смотря на свой рост, был болезненным. Бледен, как полотно, голос тихий, бескровные губы и тусклые глаза. Я не могу вспомнить *его* имени. Он ничего не сказал больше после того, как окликнул меня, только отдал молоток. А потом смотрел, стоя позади и закрывая нос сначала платком, а потом уже и марлевой повязкой. Он тоже что-то знал, потому что не подходил, пока я ковырялся с грудinou, не дышал и закрывал глаза, когда дул ветер. *Его* тощая фигура в полупрозрачной белой рубашке, светлые волосы и светлая кожа почти блестели на солнце, как и дракон, сердце которого я пытался достать.

Я помню, что в тот день ларимаровое сердце стало нашим с *ним* общим секретом.

После смерти матери, как мне кажется, я стал не по годам взрослым. По-другому стал смотреть на мир, по-другому думать, научился анализировать и, наконец, осознал, что наш мир, эта Земля, становится другой. Тяжѐлый воздух, увеличившаяся, кажется, гравитация. И постоянный хруст под ногами. Тысячи, десятки тысяч людей по всему миру превращаются в драгоценные умирающие статуи, вот только кто не умирает сам, кто продолжает мучиться, того убивают, кроша головы и грудь молотками, принося облегчение.

За какой-то год все те, кто сумел вовремя защититься, обзавелись респираторами, закрытой одеждой, масками, чтобы защищать глаза. Уборка в доме – ежедневная процедура, чтобы не подохнуть. Помню, в моей квартире рос кварц, разных цветов, разных форм и сколько бы я их не ломал – утром снова вижу такими же, как и вчера, словно ничего и не делал с ними.

Наверное, в тот момент я понял, что мне нужно выживать так, как я умею благодаря отцу. Я собирал в рюкзак одно и то же: респираторы, сменные фильтры, ножи, молоток, верѐвки, альпинистское снаряжение, пару запасных масок, сухой паѐк, несколько литров воды в прочной железной фляге, которую сделал сам, контейнеры для камней и одну прочную сумку, куда я бы смог завернуть те редкие сердца, драгоценные и ужасно дорогие, которые есть не у каждого ящера. И потом выдвигался, прихватив с собой ружьѐ с особыми патронами, пробивающими толстую драгоценную чешую драконов. Шѐл, всё ещё пользуясь небольшим ежедневником, потрѐпанным, как и моя не такая уж и долгая жизнь. Я запомнил всё, но до сих пор верю, что без этой книжечки не смогу ничего.

Он встречается меня на одной из дорог. Я помню, что он всегда это делал. Наверное, шестое чувство подсказывало ему, что «великий и ужасный охотник на драконов» отправляется в путь, отслеживает новую тварь, чтобы озолотиться. За маской *его* глаза ещё тусклее, почти белые,

кажутся слепыми, не видно бескровных улыбающихся губ и почти не слышно его голоса. Он всё ещё оставался таким же элегантным и изящным даже в закрытой одежде. Я помню его руки, поэтому представлял всегда, что они без перчаток, а ещё я представлял, что его кисти – это розовые чароиты,двигающиеся так же плавно, как и человеческие руки.

Я всегда отмахивался от его предостережений, игнорировал волнение в голосе, но не смотря на это до последнего держал за руку, пока не отходил настолько далеко, что и наши кончики пальцев не могли соприкоснуться. Я всегда оборачивался и смотрел на него, не решаясь идти дальше, а потом всё же продолжал идти, понимая, что если я не сделаю этого, то попаду под его чары и навсегда останусь там, в умирающем городе, стены домов которого медленно, но верно становились драгоценностями.

Всё вокруг становилось неузнаваемым. Эти чёртовы ящеры сожгли всё, изрыли и разрушили множество городов и даже гор. Самой первой была поражена выжженная драконами земля. Она напоминала гладкий остров из хризолита, агата, бирюзы, малахита, лазурита, корунда, опала, сердолика и других камней. Идеальна, будто подверглась огранке, с сочными цветами как на подбор. Проходя по этим «островам» мои ноги скользили, особенно когда я спускался или поднимался даже по небольшим склонам. И после таких походов я уставал в разы больше, чем раньше. Но всегда я думал, что там, в гниющем городе, меня ждал человек, живой человек, а не два призрака, завывания которых я слышу в своей квартире каждую ночь. Их статуи до сих пор там, в отдельной комнате, стоят рядом, как ни в чём не бывало и смотрят на меня своими рыжими цитринами.

Я ловил драконов на драгоценности. Это так же просто, как поймать голодную мышку на кусочек сыра. В эти моменты мой разум был чист, а действия были всегда почти механическими.

Раз – достал оружие.

Два – прицелился.

Три – убил.

И, оглушительно взревев, они падали на землю, их крылья рассыпались, а сами они сияли ослепительно под лучами солнца. Мои глаза к этому так и не смогли привыкнуть. Я всегда начинал с глаз, чтобы они не смотрели на меня, а потом были зубы. Выдирать их одно удовольствие. Я редко брал рога, ведь они зачастую оказывались лишь полудрагоценностью, а такого добра хватает в моргах любого даже самого маленького города. Самое вкусное – сердце – я оставлял напоследок. Не всегда мне везло, бывали совершенно маленькие, жалкие сердца. Такие я крошил на месте, злясь на самого себя, что не смог отыскать лучше. Лучшее для него.

Я помню, что перед этим всем я очень долго искал того дракона. Это была его вина. Танзанитовый ящер не прятался, он величаво осматривал огромное халцедониевое поле перед собой, расправив чёрные опаловые крылья. Грандидьеритовые глаза полуприкрыты, а алмазные зубы сверкали в закатных лучах солнца. Самый ценный дракон, весь состоявший из настолько редких и дорогих камней, что я не смог противиться этому накрывающему меня чувству – пелене алчности и дикого восхищения. Я понял, что отыскал то, что обязательно понравится ему. Тогда я всадил в эту голову, украшенную рогами-александритами, больше шестнадцати патронов, а он всё двигался, ревел и бежал на меня. Я ни за что бы не смог убежать. Я видел, как в его открытой пасти, где-то там, в глотке, загоралась селитра. Мои руки тряслись и из-за предательски выпадающих из рук патронов я не мог перезарядиться. В самый последний момент я защёлкнул ружьё и выстрелил прямо в пасть и под чужой вой на меня из раздолбанной пасти посыпались зубы, драгоценная крошка, закапала расплавленная селитра. Я закрылся руками, левую обожгло, я закричал, даже не пытаюсь сдержать себя, а после почувствовал, как аккуратно в это же место вонзился осколок, а грузное тело рухнуло на землю, сотрясая её, осыпая меня осколками опаловых крыльев и чёртовой пылью.

Не смотря на боль в руке, я выдернул алмазный клык и тут же понял – поздно. Я видел, что мою рану будто присыпало. В этот момент я понял, совсем скоро стану таким же, как и мои

родители. Тогда мне казалось, что это конец, что я в этот же миг почувствую боль и начну умирать, но ничего не произошло. Я не ощущал никаких изменений внутри, лишь пульсирующий ожог, отдающим прямо в голову. Перед тем, как начать свою работу, я сменил фильтр в респираторе, протёр маску и достал сумку. Выковырял глаза и тут же принялся за сердце. Пробыться к нему оказалось сложнее, чем у других ящеров, зато рога надломились быстрее, чем я ожидал. С этой тяжёлой ношей я возвращался в город несколько недель. Ночью всегда было много странных звуков, казалось, будто всё двигается за спиной, но, оборачиваясь, ничего там не замечаешь. И сколько не всматривайся в темноту – ничего не видно.

Я не пошёл домой. Это было впервые, когда я постучал в *его* дверь и вошёл сразу же, как только *он* мне её открыл. Здесь ни единого камня и ни единой крошки, чисто, почти стерильно. Я снимаю с плеч рюкзак, ставлю его на ногу и достаю сумку, раздвинув в стороны рога. *Он* смотрит, словно ничего не понимает, но потом принимает мой подарок, и я вижу, как глаза *его* светятся. Турмалин Парамба в белых руках выделяется ярким пятном небесного сияющего оттенка, огромным, тяжёлым и формой, будто четыре сердца причудливо слились в одно. *Он* ставит драгоценность, кажется, на тумбу, снимает с меня и маску, и респиратор, и я помню *его* звучащие напряжением и возбуждением слова:

- *Спасибо тебе.*

Я готов добывать трофеи ради такой благодарности, готов рисковать своей жизнью, ради того, чтобы коснуться чужих рук, предплечий и плеч, огладить грубыми перчатками белое лицо и утонуть в чужих объятьях.

Я вспомнил. Я был виновен в этом. В том, что *он* стал меняться. Пожалуй, то время было тяжёлым для нас обоих, да и для всего человечества тоже. Не смотря на мои навыки, всё чаще и чаще я стал натывать на простых и маленьких драконов. Они были переполнены смесью полудрагоценных камней и разбивались прежде, чем я успевал что-либо сделать – пикировали на землю, не желая отдаваться никому. Я уничтожал сотни ящеров, продавая их части и с каждым разом находя всё меньше покупателей. Число жителей городов редело, они умирали, я видел, как плоть и драгоценность прыгали с крыш, разбиваясь на осколки и разбрызгивая свою кровь повсюду.

Моя рука стала алмазной. Левая, теперь бесполезная для мелкой работы и чрезвычайно прочная для других целей. Я чувствовал, что меняюсь. Меняюсь внутри, начинаю выпадать из реальности, а потом, когда *он* исчез, то испарился и я.

Остались лишь инстинкты, желание жить, желание уничтожать других, более агрессивных. Я хотел расчистить себе дорогу, потому что я должен был найти *его*. Найти и быть вместе, умереть вместе, разбиться на миллиарды осколков, освободить наши никчёмные души и...

Память начала подводить меня давно. Но я помню каждый драгоценный камень, который увидел за всю свою жизнь. Не могу вспомнить своих имени или возраста, откуда я родом, и кто же *он*. Но я ищу, словно пёс, потерявший своего хозяина. Я бегу за призрачным следом, который ведёт меня в пустоши, где давно никого нет. Я всё ещё ловлю драконов, но теперь я выискиваю то самое сердце, которое подарил *ему*. Кажется, оно поможет мне в поисках. Правда?

А потом? Что было потом? Или это «потом» уже «сейчас»? Это ведь сейчас я иду вперёд, теряясь на пустом янтарном поле, где есть только горы разбитых драконов? Так тяжело дышать, грудь сдавило и держало в тисках невидимое чудовище, не дающее сделать вдох. Я понял слишком поздно, что мой респиратор сломан. Вижу чёртовы аметисты, пробившие его насквозь, они мешают моему обзору.

Кажется, это я уже делал: сбивал драгоценности, менял фильтр и закрывал глаза. Делал вид, будто ничего не изменилось, всё так же, как и раньше. Дышать чуточку легче, но осадок внутри оседал на корне языка, был в глотке тяжёлой пылью и царапал нёбо острыми осколками.

Я потерял свой рюкзак тогда, когда остановился в последний раз. Откуда я взял фильтр? Была ли эта вещь фильтром или же только моим воображением? Мне становится слишком сложно концентрироваться на чём-то. Я только сейчас заметил, что я потерял перчатки. Или же их не было изначально? Я не могу очнуться от этого забытья, от голода, обезвоживания и ярости перед глазами стоит пелена, не дающая смотреть вперёд. Я осточертело тру маску, смотрю на респиратор и...

На нём слишком много вмятин и царапин, он вообще рабочий!? На языке ощущается привкус горечи, но почти сразу же – небывалой сладости, как будто патока стекает по горлу вниз, в самый желудок и бухается твёрдыми кусочками в желудок.

В какой-то момент звон в ушах становится невыносимым, а потом я сажусь на колени, зажимая уши руками. Гул и звон, перемежавшиеся друг с другом, дезориентируют, а я закрываю глаза. Открывая, замечаю, что вокруг – никого, темно и в этой крошечной тьме я не вижу ничего, кроме блестящих призраков где-то в вышине. Если запрокинуть голову, то можно заметить, что где-то далеко, наверное, дальше, чем луна, сверкают яркие звёзды, подмигивают мне, исчезают, а потом появляются совсем близко и шепчут прямо в ухо своим леденящим шёпотом что-то. В этот момент снова звенит в ушах, грудь и голову до боли стискивают чьи-то лапы, а призраки стремительно исчезают с короткими душераздирающими воплями.

Я вскакиваю и бегу вперёд, не разбивая дороги, чувствуя только острые края во рту, тяжесть в желудке и то, как тянет к земле алмазный кулак.

Мне становится слишком тяжело делать даже маленькие вдохи, и я срываю респиратор, проросший аметистом. Бегу как можно дальше от того ужасного места и прячусь в развалившейся почти полностью старой хибаре, до которой меня еле донесли ноги. Паника накрыла меня ледяной волной, а руки, трясущиеся так, что с ними не совладать, попадали пальцами по зубам. Алмазная чуть не выбила мне один и я поспешил её опустить, сжать в кулак, заставить себя перестать нервничать. Ведь ничего не может быть хуже, чем то, что происходит сейчас?

Внутри рта я нащупываю их. Камни. Драгоценный сволочи, поросшие внутри меня. С яростью выдираю сапфиры, принося себе ни разу не отрезвляющую боль. Щёки, язык и нёбо горят, пульсируют, неистово и тупо болят, отдаваясь Ударами пульса в висках. Это ужасно больно, настолько, что я надрывно кричу в развороченную крышу, надеясь на облегчение моих страданий.

Когда сверкает солнце, идти опаснее, ведь тогда вылезают те, кто полностью стали этими уродливыми статуями. Они скрипят своими конечностями и подбираются всё ближе, рассматривают глазами-камушками, а я, словно последняя дрянь, убиваю их, даря свободу. Так я это назвал.

В моём рту слишком много крови, слишком много этих ужасных осколков сапфира, а идти всё сложнее. Колени отказываются сгибаться, приносят лишь дискомфорт и тогда я торможу, решаюсь всего секунду, чтобы в следующий миг ударить по коленям и раскрошить то, что внутри. И там камни, там тоже они растут, не давая двигаться. Неистовый крик, рвущийся у меня из глотки – облегчение.

Разбивая алмазный кулак о топазовое тело, слыша хруст драгоценностей и чувствуя, как от моей руки откалываются кусочки, я чувствую что-то сродни превосходства. Я почти вершитель судеб и Я тот, кто может дарить и отнимать жизнь. Холодный ветер подхватывает топазовую крошку и пыль, ударяет ими прямо в лицо, но мои глаза защищены. Они не станут двумя мутными стекляшками, ведь моё время ещё не пришло.

Так почему я иду вперёд? А стоит ли? Что ждёт меня там, куда я иду?

Этот ворох вопросов беспрестанно кружит в голове, иногда сбивая меня с пути.

Может, остановиться?

Но, отмахиваясь, я ковыляю дальше. Бью свои колени, чувствуя плотью и костями перидот, а потом снова, превозмогая боль, стремлюсь к... чему? Я не знаю...

Каждый день я вижу куски тел, которые и внутри, и снаружи – драгоценные камни. Раньше за это готовы перегрызть друг другу глотки, а сейчас все хотят лишь упокоения. Главное не дышать этой драгоценной пылью. Но я вдыхаю изумруд, кашляю и чувствую, как на языке оседают тяжёлые крошки. Скоро вырастут изумруды наравне с сапфирами. Будет ещё больнее, чем раньше.

От алмазного кулака отваливается кусок, ударяется о пыльный ботинок и исчезает в ямке, поглощаясь сухим песком, который появился здесь, кажется, случайно. До этого всё, что я видел – родонитовые дороги.

Мне больно идти, левый глаз щиплет, а алмаз тянет к земле. Чувствую первые изумрудные наросты. Когда я глотаю, они сталкиваются с сапфировыми, отдаваясь звоном в ушах, оглушая. Теряюсь в пространстве и даже в своих мыслях, без возможности восстановить нить своих давно хаотичных рассуждений.

Останавливаюсь и сую пальцы в рот, отрывая драгоценные камни от нёба. Почти захлебнулся кровью, но вовремя наклонился, уперевшись руками в разбитые колени. Меня вырвало желудочным соком, в котором было пару кусочков голубого топаза, изумруда и сапфира. Последнее, что я сплюнул, была бирюза. Глаз всё ещё болит и чешется, но я терплю, не снимаю маски, надеясь, что это мне просто кажется.

Я должен остановиться. Должен прекратить отсрочивать неизбежное. Или продолжать бороться? Ради кого? Для чего я иду вперёд? Для кого?

Я остановился на ночлег в старом здании заправки, крышу, пол и стены которого пробили огромные колонны ярко-красного опала. И ночью мой левый глаз вытекает, проткнутый рубеллитом.

Моя дорога бесполезна, мой путь ничего не значит, я никогда не смогу спастись от этого проклятья. Правая рука покрывается коркой из алмаза, а на левую сторону лица напоздаёт рубеллит, но я всё равно в маске, словно надеюсь, что это сохранит мой второй глаз. Глупец. Я плохо вижу и ориентируюсь по блеску камней в лучах солнца. На спине стали появляться островки янтаря, которые жгут мои лёгкие, будто это настоящий огонь.

Я надеюсь на чудо, пока иду вперёд, позволяю яркому солнцу жечь мою драгоценную оболочку, терплю боль и всё ещё думаю о том, что спасусь. Но часть меня отчаянно пытается раскрыть глаза на правду. Я стал разговаривать сам с собой и теперь я вижу себя со стороны. Каждый раз, отрывая камни, освобождая свой рот или же, когда меня рвало желчным соком и драгоценностями, я стоял рядом и смотрел на это. Беспристрастно, словно это не моё тело и это вовсе не я корчусь в муках, с ужасом осознавая тот самый конец, который неизбежен.

Я стал забывать, зачем же я начал всё это. Что так отчаянно зовёт меня на помощь? Нет догадок, нет предположений, в голове пусто, а сердце, трепещущее в сапфировой рёберной клетке, сжимается каждый раз до боли, когда мои мысли идут по самому лёгкому пути.

И когда агатовая земля, покрытая тонким слоем песка, сменилась на тёмные поля хризолита, я поднял голову, чтобы понять, где я. Увидев блеск впереди, я почувствовал, что это оно. Сияние розового чаройта, высокая фигура, покрытая полностью этой невероятно красивой оболочкой драгоценного камня. Два фиолетовых родолита смотрели прямо на меня, а моё сердце трепетало, будто девичье. Я остановился лишь на секунду. Не слышал чужих слов, своих мыслей, только видел сияние, к которому стремился. Мне было больно дышать, когда я сорвался на бег. Порванная некогда белая рубашка на фигуре развивалась из-за ветра, а рваные штаны держались на потрёпанном ремне в двух шлёвках. Чаройтовая рука была протянута ко мне, а я, в ответ, протянул свою, которая почти полностью покрылась янтарём, поборов даже те алмазные островки.

«Я ждал».

«Я знал, что ты найдёшь».

Наверное, я сам себе шепчу эти слова. Не смотря на драгоценную корку, прикосновение было аккуратным и по-человечески нежным. На его голове были острые короткие наросты ярко-белого корунда, а глаза смотрели в этот отвратительный рубеллитовый кусок, улыбались, словно имели человеческие эмоции.

«Давай станем свободными, хорошо?»

Я согласился, закашлялся и первый ступил с хризолитового обрыва, утягивая за собой несопротивляющуюся чароитовую фигуру, изящную, будто сделанную из хрусталя. Я видел, как мы разбились на множество мелких кусочков, которые тут же растащили драгоценные прожорливые грызуны. Видел, как аммолитовое и рубиновое сердца были раздавлены падающим вслед за нами хризолитовым сталактитом.

Земля непременно стала драгоценной гробницей, а магма внутри неё застыла подобно сердолику.

Стейси Гарсиа

Мгновения

22:30

Оливия, ты еще не спишь? Если нет, то я жду тебя на нашем месте.

22:31

Уже выхожу!

Именно эти две строчки могли полностью рассказать о моей предстоящей ночи. "Ты еще не спишь?". Именно так гласило сообщение. По мне так это совершенно глупо думать об обратном. И каким же образом я могла предаться миру снов, если сегодня единственная ночь в неделю, когда я могу увидеть самого дорого человека в моей жизни.

Моя история начинается с того места куда я сейчас направляюсь. А именно к иве, растущей на окраине городского парка. Мы нашли ее еще, будучи детьми. И с того самого момента мы проводили там каждый день. Впрочем, это и не удивительно. Люди практически не ходили по тропинке, ведущей к нашему месту. Поэтому оно и казалось таким безлюдным, таким удивительным, таким нашим.

Как-то раз, одним прекрасным днем, мы как обычно бродили по окрестностям. Слоняясь, от нечего делать, кругами по парку, нашему взору представилась, уже практически заросшая, тропа. Естественно детское любопытство взяло вверх, и мы отправились ее изучать. Я даже не могла себе представить, что этот поступок так изменит нашу жизнь. На самом краю склона гордо стояло могучее дерево. Ветви ивы раскинулись так, что с легкостью можно было бы укрыться от внешнего мира. Что мы и продолжали делать еще много лет.

Мы прибегали суда после уроков, на выходных, на каникулах. Нам было не важно, какая погода стояла за окном. Солнце или же проливной дождь, нас было не остановить. Мы забирались к самым подножьям кроны и сидели там часами. Представляли то, какими мы вырастим, придумывали себе другую жизнь, но при этом никогда не забывали друг о друге. И вот мы выросли. Знаете, много поменялось в наших жизнях. Но неизменным оставалось только одно. Мы всегда были вместе. Я и мой Лиам.

Лиам. Только одна мысль об этом парне заставляет меня светиться ярче солнца, а по всему телу разливается тепло. Этот парнишка начал присутствовать в моей жизни с раннего детства и остается в ней до сих пор. Не смотря на то, через что нам приходится проходить. Но это сейчас не самое главное. Следует начать с самого начала.

Первый раз Лиам появился в моей жизни еще в детстве. Я только пошла в школу и, конечно же, я была самой "удачливой" из всех детей. Отношения с одноклассниками у меня не налаживались. Было не удивительно, что практически каждый день после уроков до меня докапывались дети, с которыми я училась. Да, честно говоря, не только они, а еще и половина начальной школы. Ну, конечно, кроме него. Лиам был единственным человеком в школе, который осмелился меня защитить. Как-то раз, мальчики стали приставать ко мне. Дергать за волосы, раскидывать учебники, которые я держала в руках, отбирать сумку. Но тут, на мое счастье, появился Лиам со своим другом. Он разогнал ребят и помог собрать мои книги, ну а после принял на себя решение проводить меня до дома, ссылаясь на то, что он старше меня на год, и соответственно он самостоятельнее и ответственнее меня. Как позже выяснилось, что он жил на одну улицу немного дальше от меня, что потом позволяло ему встречать и провожать меня каждый день. Так и началась наша дружба.

Годы летели, мы выросли, а наша дружба становилась только крепче. Из хрупкого мальчика с копной светлых кудряшек он превратился в высокого статного парня. Стоило ему только заняться спортом, как мышцы на руках и ногах тут же выросли в несколько раз, а его пресс больше напоминал шахматную доску, такие же ровные и аккуратные кубики. Порой он

напоминал мне ангела сошедшего с небес. И не только я одна замечала перемены в моем лучшем друге. Лиам был довольно-таки популярен среди девушек. Каждая хотела заполучить хоть каплю его внимания. Но все старания были тщетны.

Пока Лиам упорно отвергал внимания противоположного пола, я же наоборот, старалась привлечь. Кстати говоря, это не слишком то и радовало парня. Этот плохо на меня повлияет, тот с плохой компании. Каждый раз он сначала кричал на меня, а после вообще прекращал обращать на меня внимание. И не только он один. После каждой такой "ссоры" каждый парень, который обращал на меня внимание, резко забывал о моем существовании. И это жутко раздражало.

Но однажды Лиам заявил мне, что встретился с девушкой. И она ему очень нравилась. Тут я и поняла, что он чувствовал на моем месте. Ужасное ощущение. Такое чувство как будто кто-то отнимает от тебя часть. Тогда-то мы чуть и не рассорились окончательно. Было сказано очень много грубых и совсем не нужных фраз. Я обвиняла его, а он злился. Звонки и встречи становились все реже. А после и вовсе прекратились. Мой лучший друг полностью отдавал себя отношениям. А я осталась одна.

Та маленькая нить, которая связывала нас, практически полностью разорвалась. С его уходом моя жизнь изменилась. Глупо звучало, ведь прошло всего два дня. Но я уже чувствовала, как всё меняется внутри меня. У меня было дикое желание запереться в комнате и никого не впускать. Остаться наедине с собой и своими мыслями. Но как по волшебству, уже вечером Лиам стоял около моей входной двери на коленях и просил прощения. Забавная была картина. Парень, стоящий на коленях, и заплаканная девушка. Даже представить смешно, что тогда подумали соседи.

Это было так давно. Такое ощущение, что совсем и не с нами. Теперь же я практически подошла к парку. Меня и наше место разделяет какие-то три минут. Три минуты разделяют меня и моего возлюбленного.

Да-да. Все именно так. Тот случай изменил нас обоих. Лиам сказал, что расстался со своей пассией, да и вообще признался, что встречался с ней лишь ради того чтобы вызвать во мне чувство ревности. После этого случая мы стали смотреть друг на друга совсем по-другому. И вот однажды, на нашем месте, парень признался мне в своих чувствах. А я не смогла отвергнуть их.

***

Я сворачиваю с главной аллеи парка на узкую тропинку. Прохожу через заросли кустарников и еле слышно ругаюсь себе под нос, когда в темноте натыкаюсь на ветви первых деревьев. Стоит пройти еще немного и вот я уже на месте. Оглядываюсь по сторонам, но вокруг никого не замечаю. Сердце охватывает неимоверная тоска. Неужели он ушел, так и не дождавшись меня.

Верчусь по сторонам в поисках хоть какой-нибудь зацепки, но все тщетно. И тут, сзади, кто-то неожиданно обхватывает меня за талию и начинает кружить. Я пишу, во что есть мочи, и меня наконец-то опускают на землю. Резко разворачиваюсь и встречаюсь с бездной карих глаз. Лиам наклоняется и оставляет на моих губах нежный поцелуй.

- Я так скучал по тебе, - тихо произносит парень, обжигая меня своим дыханием.

- А я сильнее, - произношу я.

Он улыбается, отчего на его щеке появляется ямочка, а после прижимает меня к себе. Я глубоко вдыхаю его аромат и понимаю, что мои ноги начинают слабеть. Он сводит меня с ума. Я крепче прижимаюсь к нему и пытаюсь укрыться от декабрьских холодов. Хоть снега в Лондоне еще нет, воздух довольно холодный.

Я так скучала по этому парню. Дело в том, что после окончания школы Лиам вынужден был изменить все свои планы и по семейным обстоятельствам переехать с семьей в другой город. За тысячу километров от меня. Эта новость стала для меня самой болезненной за несколько лет. Но мы понимала, что другого выхода нет. И в свою же очередь, его родители прекрасно

понимали и нас. Поэтому Лиаму было позволено прилетать в Лондон каждые выходные с учетом того, если у него не будет проблем в университете. Так мы и справлялись. А уже через несколько месяцев я окончу школу и поступлю в университет возлюбленного.

- Как у тебя дела? - спрашивает Лиам.

- У меня все хорошо, - с улыбкой произношу я.

- Замечательно, - парень целует меня в нос и добавляет, - Тебя никто не трогает?

- Нет. Раш периодически заглядывает в школу и напоминает, кто мой парень и какой классный у него друг, - смеюсь я.

- Раш, - поддерживает меня Ли, - Ну конечно. Я и не сомневаюсь в друге.

Резко поднимается ветер, и я сильнее вжимаюсь в парня. Лиам берет меня за руку и ведет в сторону тропы.

- Ты замерзла, нужно отвезти тебя в теплое место. Моя машина стоит около входа, - заботливо произносит парень.

- Сегодня ночью я дома одна, - с улыбкой произношу я.

- Тогда едем к тебе.

Мы быстро добираемся до машины и выезжаем на знакомую улицу. И вот через пару минут мы уже дома. А остаток вечера проводим в зале около камина. Только он и я. И на несколько часов все беды и проблемы забываются, словно все как раньше. Словно мой самый родной человек никуда и не уезжал. Словно больше и не было той боли, которая появляется с каждым его уходом.

После мы поднимаемся в мою комнату, переодеваемся и ложимся спать. Он прижимает меня к себе, так крепко словно боится, что если отпустит, то я тут же испарюсь. Я улыбаюсь, и хотя бы этой ночью засыпаю счастливой.

***

Знаете, а ведь самое прекрасное утро - это утро с любимым. Когда ты просыпаешься, а за окном гуляют ужасные холода и падает долгожданный снег. Кстати, мы давно уже не видели снег в Лондоне. И это прекрасное явление, когда город покрывается белой пеленой, не может оставаться не замеченным. Но не в тот момент, когда ты пригрелся, а рядом с тобой посапывает твое любимое чудо. Одна мысли, что мне придется покинуть это уютное местечко и отправится в дикий холод, приводит меня в легкий ужас. И закрыв глаза, пытаюсь оттянуть время, в голове всплывают старые моменты из детства.

Помню, когда я была маленькой, я постоянно проводила время у окна, в ожидании первого снега. Но это прекрасное явление, не всегда приходила в мой родной город. И какая была радость, когда спросонья подбегая к окну, я видела прекрасные бархатные ковры. А снег все прибывал и прибывал, здоровые пушистые снежинки падали на землю. Годы летели, и это сказочное чувство становилось не таким значительным. А теперь представьте, сладкое утро, рядом лежит он, а за окном идет тот самый снег.

Я снова открываю глаза, Лиам одной рукой прижимает меня к себе, а другая его рука служит мне верной подушкой. Его волосы немного касаются его лба, отчего он морщится. А я просто лежу и люблю его мордашкой. Это было неопишное чувство. Из-за неожиданного расставания я научилась ценить такие моменты. Если бы я только могла бы остановить время и провести так всю вечность.

Лиам снова поморщится. Видимо ему что-то снится. Как же я хотела бы проникнуть в его головушку и узнать, что же там таится. О чем он постоянно думает, что его беспокоит. Когда большая крылатая птица вновь его забирает вдаль, где же остается его сердце? Я всегда думаю о нем. Тепло ли он одет? Хорошо ли себя чувствует? И все ли у него там в порядке? А как иначе?

Сейчас, при виде такого милого создания, в голове возникают слова "Доброе утро, мой нежный котик с глазами, в голубом омуте которых я ежесекундно утопаю и воскресаю". Его

слова. Именно с ними я встречаю каждое утро будних дней. Говорят, что у лебедя существует закон: умирает любимая — умирает и он, крылья сложит и падает с голубой высоты. Я всегда мечтала именно о такой любви. И чувствую, она у меня появилась. Кто бы мог подумать, что я влюблюсь в лучшего друга детства.

Я люблю его. Не зная даже как, почему и откуда это чувство. Но точно знаю, что люблю. Он мне часто повторяет - "Да, я, может, встречу миллион красавиц, которые знают мое имя. Но не волнуйся, ведь тебе принадлежит мое сердце". Это так приятно слышать - "Алло, ты не спишь? Я позвонил пожелать тебе спокойной ночи, скоро мы снова будем вместе."

И я верю. Ведь сейчас это чудо лежит рядом со мной. Он всегда улетает, чтобы вернуться. Солнце начинает вставать, и скоро он проснется. А потом снова умчится в аэропорт, чтобы вернуться к семье.

Что-то я совсем задумалась. Я снова обращаю внимание на моего ангела. Лиам мирно посапывает. Я тянусь, что бы легонько поцеловать его, стараясь не разбудить. Это, то самое чувство. Утро в объятиях любимого. Мое утро. Лиам притягивает меня еще ближе к себе. Я закрыла глаза и устраиваюсь поудобнее на его плече.

- Доброе утро, малыш, - проговаривает хриплый сонный голос.

- Доброе.

- Пора вставать, а то опоздаю.

Я приподнимаюсь на локтях и смотрю в его очаровательные глаза, которые каждый раз очаровывают меня и заставляют забывать все на свете.

- Я знаю, - тихо произношу я, - Мне будет тебя не хватать.

- Ну, ты чего? Я же скоро приеду, - улыбается он.

Лиам целует меня и направляется в ванную. Я растягиваюсь по всей кровати, пытаюсь сохранить то тепло, которое он оставил после себя. Но почему-то тепло остается именно в душе и согревает меня изнутри. Шум воды прекращается, а затем слышатся шаги в комнату. Парень заходит в комнату, открывает шкаф и ищет вещи, которые давным-давно уже лежат там.

- Одевайся теплее. Сегодня ночь выпал снег, - улыбаюсь я.

- Правда? У нас его давненько не было. А ведь скоро Рождество, наконец-то мы проведем его празднично.

- Ты прав, - соглашаюсь я.

- Малыш, а ты лучше ложись еще поспи, рано ведь еще, - он практически одет.

Я спускаюсь с кровати, вставая на ковер босыми ногами. Подбегаю к моему любимому и крепко обнимаю его.

- Обещай, что скоро вернешься, - прошу я.

- Обещаю. Любимая, ты не успеешь соскучиться.

Он берет мое лицо в свои руки и нежно целует. А после прижимает к себе. Мы вместе спускаемся вниз. Пока Лиам обувается, я наливаю себе кружку чай. Взяв горячий сосуд, я подхожу к входной дверь. Парень снова целует меня и притягивает к себе. На глазах моментально выступают слезы, а сердце разрывается на мелкие осколки. Любимый нежно шепчет мне на ухо успокаивающие слова, открывает дверь и с печалью в глазах отпускает мою руку.

Я поднимаюсь на второй этаж и быстро залетаю в комнату. Подхожу к окну и выглядываю наружу. Лиам машет мне с улицы и легонько улыбается. А после садиться в машину и уезжает навстречу новому дню. Я так и остаюсь стоять около окна, погружаясь в свои мысли, наблюдая за происходящим на улице. В руках покоится горячая кружка чая, из которой выходят полупрозрачные густые клубы пара. А за окном падает белоснежный снег, который мы так любили.

Фатеева Светлана

Мальчик и дракон

— Пап, а драконы существуют? — спросил мальчик.

— Нет, — ответил папа.

— Совсем никак?

— Совсем, — сказал папа и ушел.

«Ты не обижайся, он просто стал слишком взрослым», — шепнул мальчик дракону. И тот понимающе глянул со страницы чёрными буквами.

Надея Ясминска. Бусинки и капли

Маленький дракончик кувыркался в закатном небе, то складывая подсвеченные лучами заходящего солнца крылья, то снова расправляя их. Казалось, он купается в огненных ало-рыжих отблесках, расцветивших небосвод.

- Хочешь, будем дружить?

Мальчик лет пяти, сидевший на покрытом свежей молодой зеленью склоне, задумался на минуту, поскрёб густо усеянный веснушками нос и важно поинтересовался:

- А как? Я никогда-никогда не дружил с драконами.

- Ну и что? — искренне удивился дракончик, приземляясь в паре шагов от ребёнка и поднимая крыльями ветер. — Я вот тоже никогда не дружил с людьми. Но мне интересно, и я готов попробовать. А ты? Или тебе просто не хочется быть моим другом?

Его шкурка огорчённо вспыхнула, а затем стремительно потускнела. Мальчик с любопытством и немым восхищением проследил, как цвет чешуек, ещё недавно бывших серебристо-стальными и отливавших всеми цветами радуги, как-то смазлся и приобрел желтоватый оттенок с коричневыми разводами. Мальчик протянул руку, робко дотронулся до прохладной драконьей шкуры и спросил:

- Это всегда так?

- Что? — недоумённо встрепенулся дракончик, забавно склонив голову набок. Ни дать ни взять дружелюбный пёс.

- Цвет меняется, - пояснил мальчик, делая неопределённый жест рукой, словно пытаясь охватить нового знакомого целиком.

- Не-е-е, - мотнул тот головой и шевельнул крыльями, будто подчёркивая важность своих слов, - только когда я расстраиваюсь. Или злюсь.

- Я думал, драконы огнём плюются, когда злятся.

- Так то взрослые драконы, а я пока ещё маленький. Вот вырасту, тогда да.

Помолчали, с взаимным интересом изучая друг друга. Потом дракончик, неловко переминаясь с лапки на лапку, осторожно спросил:

- Так что, будем дружить?

- Давай, - согласился мальчик и протянул руку. — Меня зовут....

- Нет-нет, - поспешно перебил его дракончик. — Мне не нужно знать твоё имя. Видишь ли, мы, драконы, очень-очень редко общаемся с людьми, и потому вряд ли я когда-нибудь встречу ещё одного такого человечка. А ты совершенно точно никогда не увидишь такого же дракона. Поэтому давай ты будешь просто мальчик, а я — просто дракончик.

- Хорошо, - улыбнулся ребёнок, и его новый друг, счастливо вспыхнув сотней красок на зеркально-стальных чешуйках, вложил свою лапу в тёплую человеческую ладонь.

***

- Этой осенью я пойду в школу, - похвастался мальчик, падая в упругую траву и подставляя яркому и горячему солнцу лицо. В воздух взвилось целое облако белых шапок одуванчиков. Сегодня друзья снова были на том холме, где познакомились два года назад.

- Здорово! – искренне обрадовался дракончик и громко чихнул, наглотавшись пуха. Из ноздрей вырвались крошечные клубы дыма, которые тут же растаяли в воздухе.

- Ух ты! – восхитился мальчик. – Ты скоро научишься дышать огнём? Как самый настоящий дракон?

- Ну, ещё не скоро, - скромно потупился его друг. – Но, думаю, лет через десять точно научусь.

- У-у-у, - разочарованно протянул мальчик. – Это так до-о-олго... Я к тому времени школу закончу.

- И что? – изумился дракончик. – Разве мы перестанем с тобой дружить? Общаться? Разве ты прекратишь приходить сюда, на наш холм?

- Нет, конечно, но всё равно. Не люблю долго ждать.

Вдали послышался громкий и строгий женский голос, настойчиво зовущий мальчика.

- Ой, - спохватился тот, - меня мама ждёт. Я же ненадолго отпрашивался.

- Раз ждёт – беги. Только возвращайся скорее. Сегодня ночью будет сильный звездопад. У меня уже достаточно окрепли крылья, чтобы удержать нас обоих. Попробуем догнать звезду?

- Нет, - мотнул головой мальчик, поднимаясь и отряхиваясь. – Сегодня никак не получится. Да и завтра тоже.... Надо столько всего к школе приготовить! Давай на выходных.

- Хорошо, - вздохнул дракончик и снова чихнул. – Тогда до встречи.

Но на выходных мальчик не пришёл. Он появился на холме только через две недели, и дракончик, неустанно ждавший друга всё это время и с надеждой посматривавший в сторону его дома, радостно засиял радужными переливами. И приятели вновь играли сутками напролёт, навёрстывая упущенное, стараясь вместить в оставшиеся летние деньки всё сразу: и салки с бесшабашным ветром, и погоню за падающими звёздами, и хороводы с феями-светляками в близлежащем лесу, и поиск таинственных кладов, охраняемых зацветающим ровно в полночь папоротником.... А потом мальчик пошёл в школу.

***

- Ты опоздал, - мягко упрекнул дракончик друга, когда тот появился на холме с рюкзаком, набитым учебниками и тетрадками, за плечами.

- Прости, - пожал плечами мальчик, расстилая на земле свою куртку и садясь на неё сверху. – Я уже в восьмом классе, давно пора бы взяться за ум. Если я хочу закончить школу с отличием, я должен много времени уделять учёбе.

- Я всё понимаю, - улыбнулся дракончик. – Ты мой друг, и это важно для тебя. Я не в обиде. Кроме того, ты всё-таки пришёл. Я так соскучился по нашим играм! Чем займёмся сегодня? Полетаем над спящим городом? Подкараулим парочку сновидений, когда они на рассвете неслышно будут покидать людские дома? Или послушаем, как поют деревья? Или, может быть, нырнём на дно озера, чтобы поймать золотую рыбку?

- Не получится. Мне надо решить алгебру, написать сочинение и разобраться с задачей по физике. Я не могу бездумно тратить своё время.

- Что такое алгебра?

- Вот, - мальчик протянул дракончику книгу. Тот сунул туда морду, посмотрел на цифры и уравнения и фыркнул:

- Тебе это интересно? Целыми днями решать эту алгебру?

- При чём здесь интерес? – искренне удивился мальчик. – Это необходимость. Я должен получить медаль, потом поступить в престижный вуз, окончить его с отличием, найти хорошую высокооплачиваемую работу....

- Зачем?

- Потому что все люди так делают! Это называется повзрослеть! А всякие выдумки пора оставить малышам. Мне они ни к чему.

- Но это же ужасно скучно! – воскликнул дракончик. – Жить как все, быть как все. Отказаться от мечты, от чуда – это всё равно, что добровольно отрезать себе крылья и забыть о небе и полёте. Это не жизнь! Так нельзя!

- Так правильно, - наизидательно заявил мальчик. – Так мне всегда говорили родители, а уж они-то знают, как надо жить.

- Но как же всё то волшебство, которым наполнен каждый день? – растерялся дракончик. – Песни ветра, сияние звезды на ладони, танцы с лесными огоньками?

- Какие глупости ты говоришь! – нахмурился мальчик. – Ветер не умеет петь, это только колебания, создающие звуковые волны. Звезду нельзя удержать на ладони – это огромный горячий шар из газа и пыли. А фей и лесных огоньков вообще не существует, они – сказка, в которую верят маленькие дети. А я уже почти взрослый. Мне надо заниматься серьёзными делами и не отвлекаться на детские наивные фантазии.

- Как – фантазии? – чуть не плача спросил дракончик. – Мы же видели эльфов, говорили с ними. И ветер пел нам колыбельные, когда мы уставали и засыпали прямо здесь, на холме. И мы почти коснулись падающей звезды, ты вспомни....

- Глупые выдумки, - отмахнулся мальчик, не отрываясь от учебника. – Пора бы повзрослеть.

Дракончик низко опустил чешуйчатую голову, и шкура его тускло блеснула желтовато-коричневым.

- Ты так торопишься стать взрослым? Загнать себя в клетку серых безликих будней? Лишить себя крыльев и чуда? Отказаться от правды в угоду удобству? Может быть, меня тоже *не существует*?

- Наука пока не может дать точного ответа на этот вопрос, - заметил мальчик. – Не отвлекай меня, пожалуйста, у меня завтра сложный тест.

- Конечно, - покорно вздохнул дракончик, и в глазах его сверкнули не замеченные никем слёзы.

***

Годы неумолимо летели вперёд, мальчик вырослел, становился юношей, затем мужчиной. А дракончик, практически не изменившийся с их первой встречи, лишь увеличившийся в размерах, всё так же ждал своего друга на холме, пусть с каждым годом тот навещал его всё реже. Последний раз они увиделись, когда мальчику исполнилось восемнадцать.

- Смотри! – крикнул тогда дракончик, едва завидев друга. – Я научился дышать огнём! Я теперь самый настоящий взрослый дракон!

- Мне некогда, - отмахнулся мальчик, пробегая мимо. – У меня впереди экзамены, потом поступление в институт. Я обязательно посмотрю, но позже. Может быть, через месяц.

И мальчик ушёл, ни разу не оглянувшись. А дракончик опустил на землю, словно его вдруг перестали держать крылья. Постоял немного, низко склонив голову, а потом грустно вздохнул:

- Хорошо. Через месяц. Я буду ждать.

Но ни через месяц, ни через год, ни через десять лет мальчик не вернулся. Калейдоскопом менялись времена года, высыхал старый дуб, под которым когда-то спорили друзья, дожди смывали следы былых весёлых игр. А дракончик продолжал ждать, неустанно, неусыпно, храня и согревая в сердце хрупкую, но всё ещё крепкую дружбу.

У дружбы нет ни срока годности, ни гарантии, ни временных рамок. Её нельзя продать, купить, обменять. И выкинуть за ненадобностью, просто потому, что она устарела, тоже

невозможно. А потому дракончик ждал, ждал годы напролёт, несмотря ни на что. Ждал и верил, что однажды его терпение будет вознаграждено.

***

Человек поднимался на холм, поросший пожухлой травой. Яркая полная луна освещала ему дорогу. Человек спешил, словно боялся опоздать, будто опасался, что его не дождутся.

На вершине холма было пусто и тихо. Человек, с трудом вскарабкавшийся на склон, растерянно огляделся по сторонам и бессильно опустился на землю. Здесь не было никого, кроме него, засохшего дуба и ветра, лениво перебиравшего умирающие травинки.

- Опоздал. Уже слишком поздно, - прошептал человек и вдруг заплакал. Впервые за много лет.

Он плакал горько, навзрыд, сам не зная, кого или что оплакивает. Но когда за спиной раздалось недоумённо-сочувственное:

- Ты чего? Тебя кто-то обидел? – подпрыгнул с неожиданной для его лет резвостью и бросился навстречу говорившему, словно не прошли десятилетия, словно он всё ещё был маленьким мальчиком, спешившим на встречу со своим другом-дракончиком.

Дракон смущённо приобнял человека лапой.

- Ну, будет тебе. Зачем же так?

- Я боялся, - торопливо зашептала человек, теряя слова, захлёбываясь ими. – Я так боялся, что опоздал, что слишком поздно осознал, как ты был прав. Всё то, что я себе нарисовал, вся та жизнь, которую расписал для себя по минутам – это клетка, плен. Я своими руками похоронил себя в серости и обыденности. И как много времени мне понадобилось, чтобы понять – это не жизнь, а существование! Что толку мне от моих знаний по физике, химии, алгебре, языкам? Разве стоят они того безысходного отчаянья, которое захлёстывает по вечерам с головой, когда понимаешь, что сегодня было таким же, каким было вчера и каким будет завтра? Разве можно называть жизнью череду повседневных, набивших оскомину дней, когда нет сил ни радоваться, ни огорчаться? Там, где нет места фантазиям и сказкам, нет и жизни! Ведь каждый новый день – это тоже своего рода маленькое чудо. И каждый вдох, и каждый шаг, который мы делаем. Невозможно жить только сегодня, сейчас, вертеться, как белка в колесе, не находя времени на то, чтобы поднять голову, оглянуться и увидеть, что мир лучше, волшебнее, реальнее, чем кажется. Надо верить в завтра. А что такое завтра, как не сказка, которую мы творим своими руками? Как долго я не мог понять это!

Дракон только улыбнулся. Всё то, к чему человек шёл долгие годы, он знал всегда. Так уж они устроены, эти драконы. Им положено знать всё наперёд.

- Неужели же ты ждал меня всё это время? – поразился человек.

- Ты мой друг, - просто ответил дракон. – Я обещал тебе, что буду ждать, да и не мог я оставить тебя в одиночестве! К тому же, ты обещал посмотреть, как я выдыхаю пламя, и помочь мне поймать хотя бы одну звезду.

- Да, - улыбнулся человек сквозь слёзы и счастливо вздохнул. – Сегодня мы непременно её поймает.

Где-то впереди сорвалась с небосклона яркая искорка и, расчертив черноту, устремила к земле. А ей наперерез метнулся тёмный силуэт. Мальчик и дракон.

Легенда о лунном свете

Она рисует. Ожесточённо, яростно, с пламенной самоотдачей. Переводя бумагу и краски. Она приходит сюда, на обрыв, нависающий над тёмной бездной моря, только в ночь полнолуния. Эта ночь – единственная в месяце, когда творится волшебство, невидимое человеческому глазу, и лунный свет, холодный, обманчивый, призрачный, ложится воздушной молочной вуалью на землю, становясь почти осязаемым. Из таинственной мечты он превращается в реальность. Из сказки – в быль. И только в эту ночь свет, такой далёкий и чужой, можно поймать в сети из красок и холста. Она знает об этом лучше, чем кто бы то ни было, и потому приходит на обрыв, к лижущим камень волнам. В этот зыбкий колдовской час она хочет нарисовать лунный свет.

Она рисует. И на бумаге, которую она держит в руках, вот-вот затрепещет, забьётся отчаянным мотыльком лунный свет. На рисунке он такой робкий и хрупкий, маленький и беззащитный. Она делает ещё один – последний! – штрих, но.... Но чуда не происходит, и изображение на бумаге остаётся всего лишь искажённым мёртвым отражением света настоящего. Но она не сдаётся. Она комкает неудавшиеся рисунки, отбрасывая их в сторону, и начинает всё сначала. Она рисует лунный свет.

Она рисует. А под обрывом, на котором она сидит, поджав ноги, бьются и протяжно стонут морские волны. В их непроглядной глубине растворяется, переливаясь и сверкая, неуловимый свет. От этого волны становятся льдисто-седыми, они шипят и разбиваются в жемчужные осколки, ластясь к чёрному камню скал. Она не любит волны: лунный свет сам спускается к ним, сплетается с ними в тесных объятиях и превращается в путь из зыбкого серебра, пересекающий море. Как страстно она мечтает ступить на эту призрачную тропу! Но для этого она должна нарисовать лунный свет.

Она рисует. Быстрее, отчаяннее. Рисунок должен быть написан как можно скорее, ведь её ждут. Ждут уже давно, а она всё сидит здесь, на холодной каменистой земле, и рисует. «Подожди ещё немного», - шепчет лихорадочно. – «Я скоро приду». И снова пытается пленить лунный свет. И снова он насмешливо обжигает холодом пальцы, а рисунок остаётся незаконченным: не хватает такой крохотной, но необходимой детали. Штриха, который сделает его живым. Но она не собирается отступать, она продолжает рисовать, вкладывая в полотно всё сердце, всю душу. Ей очень нужно нарисовать лунный свет.

***

- Зачем ты привёл меня сюда? Да ещё ночью, да ещё в полнолуние!

- Хотел рассказать красивую легенду. Но если тебе неинтересно....

- Постой-постой! Мне интересно. Очень. Правда.

- Точно? Ну, тогда слушай. Давным-давно жила в этих краях милая и добрая девушка. Больше всего на свете она любила рисовать, что неудивительно. Дан ей был необыкновенный дар: все её картины, стоило их закончить, словно бы наполнялись жизнью, будто были окном в другую, полную счастья и безмятежной гармонии, реальность. И не было на свете того, чего не сумела бы запечатлеть эта девушка. Люди шли к удивительной художнице со всех концов света, чтобы полюбоваться её чудесными рисунками и воочию увидеть дивный дар. Поговаривали даже, что картины девушки, дышавшие теплом и жизнью, настолько были переполнены светом и надеждой, что исцеляли больных. Правда это или нет – сейчас и не скажешь, но люди, несомненно, уважали и ценили художницу и её искусство. Так в мире и спокойствии летели дни за днями.

Пришло время – девушка влюбилась. И был её любимый ей под стать: бескорыстный, искренний, с душой нараспашку. Верный друг, примерный сын, прекрасный помощник. Пылко и горячо любил он свою художницу. Жить бы девушке с парнем да горя не знать, но мало кому в жизни удаётся избежать несчастья, большого или малого. Постучалась беда и в дом художницы. Позавидовала счастью девушки чёрной завистью её соседка. Поначалу устраивала мелкие пакости и за глаза очерняла художницу. Потом попыталась любимого увести, только крепко

парень волшебницу свою любил. И тогда, сгорая от зависти и желая причинить сопернице боль, задумала злодейка известить её любимого. Дождалась, когда художница отправится в город за холстом и красками, и сманила юношу под вечер к морю, сказав, что его там любимая ждёт. Ночь стояла полнолунная, прямо как сегодня, и свет стелился неясною тропой под ногами. По ней поднялся парень на вершину во-он того утёса и, когда стоял он на самом краю, злодейка подкралась и ударила в спину. Прямо в дорогу на воде, сотканную из лунного сияния, упал парень и исчез. А соседка, сгубившая его, испугалась того, что сотворила, и попыталась скрыться от людского суда в лесу да, говорят, сгнула там в лапах не то лешего, не то какой-то другой лесной нечисти.

Наутро вернулась художница и обнаружила исчезновение любимого. Всей деревней искали юношу. Не нашли ни живым, ни мёртвым. В конце концов, решили, что он утонул, и поиски прекратились. А у девушки с той поры исчез её удивительный дар. Что ни нарисует, всё мертво и безлико, словно вместе с любимым ушёл в небытие талант. Долго горевала она, оплакивая и любимого, дар свой волшебный, а потом, не смирившись с мыслью, что парень мёртв, отправилась на другой конец деревни к бабушке-ведунье. Люди говорили, что знает ведунья всё на свете: и что было, и что есть, и что будет. Шла девушка к ней в надежде, что мудрая старушка облегчит боль в её сердце и подскажет, где искать любимого и как его вернуть. И ведунья открыла печальную тайну: пожалела чистого душой юношу луна и спасла его, уведя своей дорогой подальше от людской подлости. Укрыт он надёжно в мире лунном, в мире иллюзорном, и ни одна из дорог земных не приведёт девушку к любимому. Начала тогда художница расспрашивать бабушку о том, как пройти в мир волшебства и иллюзий. И рассказала ей ведунья, что лишь тому, кто сможет поймать и нарисовать лунный свет, откроется дорога....

- Она сказала правду?

- Кто? Ведунья? Конечно. Ей незачем было лгать. Она, как и многие другие жители деревни, жалела бедную девушку. Стало быть, говорила правду.

- А что случилось с художницей?

- С той поры в деревне её никто не видел. Она ушла на тот самый обрыв, откуда сорвался в море её любимый, рисовать лунный свет.

- Это невозможно – нарисовать свет.

- Почему же? Все знают, что ночь полнолуния – это ночь волшебства. В такую ночь возможно всё. Сбываются мечты, просыпается магия. Так что если и рисовать свет, то только в полнолуние. Главное, чтобы талант был.

- Значит, у художницы получилось открыть дорогу?

- Нет. Хотя она и узнала, как вернуть любимого, дар к ней не вернулся. Она смогла нарисовать картину, но жизни в рисунке не было.

- И она сдалась?

- Нет, не сдалась. И не сдаётся до сих пор. Она приходит сюда каждое полнолуние и рисует, веря, что однажды полотно оживёт, и перед ней откроется лунная дорога, которая приведёт её к любимому. И что бы ни случилось, художница не сдастся никогда. Ну, как тебе легенда?

- Красивая.... Как думаешь, это могло быть на самом деле?

- Вряд ли. Это ведь всего лишь сказка. Хотя некоторые говорят, что если хорошенько присмотреться, то в лунном отсвете можно увидеть тень художницы, склонившейся над холстом с кистью в руке. Вот только врут они всё. Я, например, ни разу её не видел. Ну что, пойдём обратно?

- Подожди. Давай посидим здесь. Вдруг мы её увидим? Всё-таки интересно узнать, как рисуют лунный свет.

- Можем и посидеть. В конце концов, здесь хорошо, а ночь сегодня тёплая. Смотри-смотри, вон на воде лунная дорога. Море спокойно, а дорога почти ровная. Удивительно, правда?

- Ты думаешь, она уйдёт когда-нибудь по ней?

- Художница? Когда-нибудь – непременно.

***

Она рисует. Вкладывает в рисунок всё сердце, всю душу. А внизу, под обрывом бьются о скалы волны, разлетаясь в стороны мириадами жемчужно-белых брызг, и зыбко стелется заветная дорога жидкого серебра. Он там, на том конце; он ждёт уже давно. И она крепче сжимает в руке кисть. Ей очень нужно нарисовать лунный свет.

Песня старого леса

Постойте! Подождите, прошу вас. Присядьте рядом, вот здесь. Мне так одиноко, так мучительно тоскливо, и Вы – моё единственное спасение.... В конце концов, куда Вам спешить? Вы потеряли тропу, заплутали, отчаялись, выбились из сил. Не надо отрицать – я вижу. Отдохните немного: мягка и душиста трава старого леса, свеж и сладок воздух его. Ни к чему торопливость и суета. Остановитесь.

Прислушайтесь. Слышите?! Слышите этот звук? Это тяжело дышит и стонет от боли старый лес. Люди пришли под его кроны, выпили из него все соки, отняли всё, что могли, и не дали ничего взамен. Теперь он умирает, стремительно теряя последние силы. Престающая плодоносить земля, скрюченные болью стволы и ветви, чахнувшие звери и птицы – всё это на совести человечества. И на моей.

Скажите, Вам жаль древний лес? Правда? Мне тоже.... Я чувствую, как его терзает боль, как пересыхают ручьи, как мучает жажда растения, как умирают от голода животные. Я хочу помочь моему лесу, но, увы, не могу. Силы покинули меня в тот самый момент, когда люди пожелали не принимать дары природы, а отнимать у неё последнее. В тот день моя клятва старцу-лесу была нарушена. Меа culpa¹, и я плачу за неё. Мне осталось совсем немного, ещё несколько мгновений, и я исчезну. Умру, быть может....

Вы, верно, меня не понимаете. Или Вам страшно? Право слово, бояться не стоит! Это от одиночества я говорю то, о чём, пожалуй, следовало бы молчать. Если хотите, считайте мои слова ложью. Да-да, от первого до последнего. Сказкой, фантазией, бредом. Что угодно на Ваш выбор. Вам совершенно нечего бояться. Ну вот, так проще и легче слушать меня, верно? Мои слова – ложь. Удобное заблуждение, свойственное любому человеку. Вам спокойнее, а мне уже всё равно, что будут обо мне думать. Я лишь хочу разделить с кем-нибудь свои последние минуты. А чтобы развеять нашу скуку, расскажу Вам одну историю из тех, что принято называть легендами. Хотите?

Слушайте, и я спою Вам про этот лес, про его цветы, травы и деревья, про животных, находящихся здесь приют, и птиц, выющих здесь гнёзда. Он старый, мой лес, он был стар уже тогда, когда родители Ваших прапрабабушки и прапрадедушки ещё не появились на свет. А у каждого по-настоящему старого леса должны быть свои тайны. Я умираю, а потому поведаю их Вам, чтобы мои знания не исчезли вместе со мной. Ведь пока живёт мудрость леса, существует этот мир. Так было до нас и так будет после нас. Я верю в это.

Знаете ли Вы, что у каждого леса должен быть хранитель? Так уж повелось с незапамятных времён: у леса должно быть сердце – незримый дух, тот, кто отдаст всего себя, без остатка. Слезы хранителя – росинки на траве, кровь хранителя – ручьи, что питают корни деревьев и поят лесных жителей, дыхание его – ветер, резвящийся меж ветвей. На его костях

---

¹Моя вина (лат.)

растёт мох, его плоть питает птиц и зверей. И пока сильна душа хранителя, скрывающаяся в самом древнем и могучем дереве леса, пока живёт она, растёт и зеленеет на радость людям лес. Не только для жизни нужен лесу хранитель, но и для защиты. Оберегает невидимый дух границы своих владений от людей, что несут гибель всему живому, от тех, кто не умеет довольствоваться малым, от тех, кто разрушает, не желая созидать. Пока верен своей клятве хранитель, пока с честью выполняет он свой долг, не ступит нога браконьера на землю старого леса, не скроется в его чаще преступник. Стать сердцем леса может только человек, ибо только его смертная душа сильна настолько, чтобы дать жизнь и ручьям, и деревьям, и травам, и животным, и птицам. Но лесной дух не может существовать вечно, и когда он теряет свои силы, не выдержав напряжения или предав свою клятву, лес начинает умирать. Тогда хранители находят себе преемника.

Это не вся история, это только начало. Потерпите немного, мне нужно поведать её кому-нибудь. Много лет назад шёл один человек домой через лес. Вечерело, и в сгущающихся сумерках он сбился с пути. Человек долго бродил в потёмках, отчаялся и устал. Он звал на помощь, но кто мог ответить ему в самой чаще, вдали от людских поселений? И человек плутал между деревьев, пока не возшла луна и не залила всё серебряным светом. И в этом сиянии в нескольких шагах от скитальца купался огромный могучий дуб, кроной своей затмевавший небо. Был этот дуб стар и величественен, а среди его корней сидел совсем дряхлый и седой старик. Казалось, он спал, свернувшись под защитой мощного древесного ствола. Но когда человек подошёл ближе, старец мгновенно открыл глаза. Увидев путника, он пригласил его подойти поближе и присесть рядом. Человек не хотел этого делать: он спешил домой, он желал выйти на тропу. Но старик был одинок и болен, и заплутавший путник пожалел его. Когда человек опустился на землю и попросил объяснить ему дорогу, старец согласился помочь взамен на выслушанную байку. Конечно же, путник не смог отказать пожилому собеседнику. Тогда старик начал свой рассказ. Он говорил про лес, про его хранителей, про усталый могущественный дуб, тысячелетиями скрывавший в своём стволе их души, про то, что лес умирает, а у старика нет больше сил, чтобы защищать его от людской жестокости. Человек внимал глупой сказке, вздорному бреду немощного старца и, чем дольше он слушал, тем явственней чудилась ему дикая, но красивая песня. В ней сплелись шелест трав и шум деревьев, крики животных и трели птиц, плач дождя и журчание рек, стенания ветра и шёпот земли. Громче и громче становилась странная музыка, доносившаяся из ниоткуда, пока не объяла всё вокруг, ворвавшись в человеческое сердце. Мелодия баюкала, обнимала, ласкала, обещала все сокровища мира в обмен на помощь. Она звала за собой, нащёптывая слова клятвы, древней, как мир, и противиться этому зову было невозможно. Человек и не стал. Он утонул, растворился в песне, а когда очнулся, старика не было и в помине. Только вот и самого человека тоже больше не было. Был хранитель, и был лес, очнувшийся от небытия и стряхнувший со своих плеч тяготы долгой и изнуряющей болезни.

Вы боитесь.... Не стоит отрицать – я вижу. Как Вас знобит, как дрожат Ваши руки! Успокойтесь. Вдохните свежий лесной воздух. Не правда ли, прекрасна эта музыка ветра и листьев? Не правда ли, глубок и покоен сон в лесу? Ложитесь вот здесь. Не спешите. Куда Вам теперь спешить? Ведь человек, которым Вы были когда-то, уже мёртв. Да и разве существовал он когда-либо?

Так уж повелось с незапамятных времён: у каждого леса должен быть свой хранитель.

Спите и слушайте, что шепчет Вам лес. Завтра утром новый хранитель вернёт в лес жизнь, и снова зашумит листва и запоют тысячи птичьих голосов. Так было до нас, так станет после нас.

Так будет завтра. А сейчас спите и забудьте обо мне. Меня больше нет.

Nika May

Кома

Эфемерная пустота. Тягучая. Густая. Вязкая. Она окутывает каждый сантиметр кожи, неотпускная. Затягивая все глубже и глубже, открывая свои темные объятья и поглощая.

Она заставляет испытывать непонимание и страх, граничащее с отчаянием. Задавать себе вопросы: «Кто я?», «Где я?», «Зачем я?», «Как я сюда попал?». Бежать, пугаться в попытке сбежать из ее плена, спрятаться, чтобы не нашла, но безуспешно. Тьма повсюду. Она здесь королева и устанавливает свои правила, играя, словно с маленькой, сломанной игрушкой.

Но даже в пучине отчаянья может быть «жизнь». Вот он, полупрозрачный силуэт, плывущий, словно по узкому коридору, оставляя за собой томную дымку. Кто он и откуда? Силуэт, то медленно и размеренно парит, то срывается на «бег», то резко останавливается – вглядываясь по сторонам, в попытке разглядеть, что-то сквозь беспробудную тьму.

Он словно потерянный ребёнок. Летит вперед, и словно испугавшись чего-то, возвращается назад. Мечется по сторонам в поисках ответов, которые не в состоянии найти.

Но вдруг, он видит нечто. Вглядываясь в собственное, так внезапно возникшее отражение, девушка вздрагивает. Она с трудом понимает, что это она. Девушка практически не помнит собственную внешность, но точно знает, что должна выглядеть по-другому. А знает ли? Столько вопросов в ее голове, но на не один из них нет ответов.

Пытается дотронуться до своих волос, но не ощущает ничего. Что-то подсказывает ей, что она должна чувствовать их, что они должны быть мягкими и шелковистыми. Но вместо этого – ничего. Руки проходят сквозь них, а тусклые глаза выражают непонимание. Она осматривает себя: тусклая, бледная, практически прозрачная, словно тонкая шелковая ткань.

Внезапно, в отражении за ней, появился еще один силуэт. Он был маленьким, но ярким. Его тело светилось изнутри, давая немного света. Он был как маленький ночник, ведущий к выходу из этой тьмы, в которой она боялась утонуть окончательно. Она подумала, что это похоже на мираж или иллюзию, но смутно помнила значение этих слов. Существуют ли они вообще или это только плод ее воображения? Обернувшись, девушка убедилась, что силуэт реален. Она полетела к нему, словно мотылек на яркий свет.

Присев напротив, ей удалось разглядеть его. Это был силуэт маленького мальчика. Он сидел, и тер глаза от поступивших слез маленькими кулачками. Малыш не замечал ее. Она смотрела на его темные волосы, пыталась разглядеть надетую на нем одежду.

- Откуда ты?

Вопрос слетел с ее губ быстрее, чем он смогла осознать это.

Малыш вздрогнул, резко поднимая на нее заплаканные ясно-голубые глаза. Девушка поразилась их цвету и глубине. Они были словно два маленьких чистых озера. В них хотелось утонуть.

- Не знаю.

Тихо проговорил он, вглядываясь в лицо собеседницы.

- Кто ты?

Она так же внимательно на него смотрела, совершенно не понимая, кто он и откуда здесь взялся.

- Я мальчик.

- Мальчик?

Девушка нахмурилась, пытаясь понять, что означает слово «мальчик».

- Да, мальчик. А кто ты?

Она пыталась вспомнить забытое. Восстановить детали, которых, как ей казалось, не хватает. Но у нее не получалось, а чувство потери все сильнее вгрызалось в нее, напоминая, что она забыла нечто очень важное.

- Не знаю.

Обреченно сказала она, спустя несколько секунд.

- Как это ты не знаешь? Ты же девочка! Большая девочка!

- Девочка?

Она внимательно слушала собеседника. Ей казалось, что этот, как он сказал, мальчик открывает ей тайну всего мира.

- Да, девочка. Только не такая маленькая как я, а взрослая. Я тоже когда-нибудь стану взрослым.

- А кто такие эти взрослые?

- Мы, маленькие мальчики и девочки, вырастаем и становимся взрослыми, но это не интересно. Взрослые очень злые и скучные.

- Тогда зачем ими становиться? Зачем вырастать?

- Не знаю. Просто все берут и вырастают, а потом становятся взрослыми.

Она не понимала его. Ей казалось, что слова о взрослении лишены абсолютно любого смысла. Зачем делать то, что делать не хочешь?

- А как тебя зовут?

- Зовут?

Этот ребенок спрашивал и рассказывал ей такие вещи, которые она была неспособна понять, но была уверена, что знает, о чем он говорит.

- Да, твое имя.

- У меня нет имени...

- Как это нет?! У всех есть имя! По нему нас зовут. Вот меня зовут Адриан.

- Адриан, - она медленно повторила за ним, будто пробуя его имя на вкус. — Звучит красиво.

- Мне тоже нравится. Так назвала меня мама. Я очень ее люблю.

- А я не помню ни свое имя, ни свою маму.

Она смутно помнила, что такое мама, но слово было таким мягким, родным и теплым, что она четко знала – мама это что-то очень близкое и приятное.

- Так давай вспомним! Я перечислю тебе все имена этого мира, и ты обязательно вспомнишь!

- Спасибо, Адриан!

Она постаралась тепло улыбнуться в честь своей признательности.

- Вот у меня в садике есть девочка по имени Зоя, а мою сестру зовут Анна. Недавно я познакомился с девочкой со двора...

Адриан еще долго рассказывал разные истории, вспоминал имена разных знакомых девочек, но ничего не получалось.

-.... а вечером мама прочитала мне книгу о смелой принцессе Шанне, я не люблю принцесс, но история была очень интересная...

Шанна...

Где-то вдалеке, что-то капнуло.

Девочка, вернись...

Девочка? Вернутся? Голос говорит это ей?

Мы все очень сильно по тебе скучаем.

О чем ты говоришь?

Сегодня Рождество. Ты так сильно его любишь.

Рождество?

Все в белом снегу. Ты была бы так счастлива.

Да, я счастлива. Люблю снег.

Приходила Мира. Она тоже сильно по тебе скучает. Мы все скучаем.

Я тоже скучаю.

Вдруг мир вокруг закрутился, словно водоворот, создавая причудливый вихрь. Силуэт Адриана давно растворился, не оставляя за собой даже пятна от его красных штанишек.

Успевшие остановиться чувства и эмоции, неслись как быстрый горный поток. Некогда не находя себе места Шанна летела сквозь пространство, влетая в поток, открывшийся для нее.

Тьма постепенно отступает. Окружение становится ярче. Шанна чувствует сильную слабость и легкую боль. Постепенно, к этим ощущениям присоединяются звуки и запахи. Голоса вокруг создают легкий шум, отдающий эхом. Шанна не может разобрать о чем говорят голоса, но чувствует что они важны.

Медленно открывая глаза, она зажмуривает их вновь. Поток яркого света режет их словно острый нож. Спустя какое-то время, зная, что ее ждет, она пробует снова. Неспешно, медленно, не уверено. Глаза открыты и перед ней белый потолок больничной палаты. Она слышит писк, чувствует на своем лице маску, но не понимает, то происходит.

Вдали слышатся шаги. К горлу подкатывает тошнота. Пересилив себя, с большим усилием Шанна поворачивает голову и глядит в окно. И вправду. Все как говорил голос. Белый пушистый снег, укутывающий улицы.

- О, Боже мой! Шанна!

Девушка дернула головой в сторону шума, и ее пронзила резкая боль в шее. Зажмурившись, она чувствовала, как что-то мягко гладило ее за плечи и целовало в щеки.

Открыв глаза, Шанна увидела заплаканное лицо мамы и сама не смогла сдержать слез. Соленые дорожки прокладывали свой путь по щекам к подбородку, оставляя за собой мокрый след. Шанна чувствовала, ощущала, помнила тепло родных рук и в это самое мгновение поняла - она жива.

На секунду ее мама отвернулась. Шанна проследила за ее взглядом. Мама смотрела куда-то в сторону.

- Знакомься, дорогая, - ее мама медленно повернула ее голову в сторону окна, - это Адриан. Он спас тебя, но, к сожалению, вы оба оказались здесь.

Опуская глаза ниже, Шанна замирает. На нее глядят те самые ясно-голубые глаза. Только более взрослые, осознанные, чем у маленького Адриана. На нем так же кислородная маска. Наконец-то она вспомнила, что она называется именно так.

Губы под маской улыбнулись - он узнал ее. Его глаза тепло смотрели на нее, а губы тихо, что-то прошептали. Она не слышала ни звука, но поняла. Мягкий голос лежащего на соседней койке юноши эхом пронесся сквозь сознание.

- С возвращением, Шанна.

- С возвращением, Адриан.

Тихо прошептала она в ответ.

Они не слышали друг друга, но чувствовали.

Он спас ее в этой жизни дважды.

Ярось Алёна

Спать!

Имя: В_А_Л_Е_Н_Т_

Пароль: * _ * _ * _ * _

Часов сна: 7

Цена: 2,99 мв/м

!ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

У вас задолженность

У вас задолженность

У вас задолженность.

Ваша задолженность составляет: 17,71 монету времени.

Извините, вы не можете спать, пока не ликвидируете задолженность.

Ничего страшного. Надо взять допработу. Валент набрал номер Линды - оператора сна в организации, где он числится.

- Дополнительная нагрузка? – Линда растягивала слова: была недовольна очередной однообразной просьбой. – На сколько?

- На двадцать эм-вэ есть?

- Двадцать? Многовато, Валент. Переводы все уже растащили. Есть задание на письмо, но очень уж дешёвое, всего пять.

За письма на заказ он никогда не брался.

- А в ближайших кварталах?

- Разве что грузчиком в продуктовый магазин.

- Хреново. Спасибо, Линда.

- Подожди, не вешай трубку. Я попробую тебя устроить, у нас с «Малинкой» есть контракт.

Вот спасибо! В той же «Малинке» он купит Линде коробку дешёвых, но вкусных конфет с ореховой начинкой.

Задача оператора сна – не только обеспечение работой на предприятии, но и в случае переизбытка трудовых ресурсов поиск вакансий в других организациях.

- Готово. За шесть часов работы – тринадцать эм-вэ. Через двенадцать часов сможешь поспать.

- Спасибо тебе, незаменимая наша, - это был искренний комплимент.

- Валент, сколько ты не спал?

- Три дня. А ты?

- Забыл, кто я? Регулярно шесть часов сна в сутки.

- Везуха.

- Через два дня жду тебя на работе. Авось найдётся что.

- Буду обязательно. Сладких снов.

- Взаимно.

***

Грузчик – это даже хорошо. Физическая нагрузка, тело бодрствует. «Малинка» – тоже очень хорошо, всего за три квартала от дома.

- А можно авансом?

- Усе двацаць часоу? – бригадир сверкнул глазами из-под густых бровей. – А работаць хто тада будет?

- Я отработаю сейчас шесть, а остальные немного позже.

- Восемь. Идэць?

- Ага. Спасибо.

***

- Эй, парень! Быстрее давай, не спи!

Крепкий загорелый учитель математики добродушно поторавливал переводчика, не привыкшего к подобному виду труда. Валент знал этого учителя. Его имя – Людиос, и он бывший Нелли. Они с Людиосом виделись раза три, дружески улыбались друг другу, не более. Потому что с Нелли всё позади - у обоих.

- Из журнала приезжают, знаешь? – спросил Людиос, когда Валентин дотащил-таки ящики с луком до синего грузовика.

- Куда, прямо в магазин? – усмехнулся Валентин.

- Прямо в магазин, - серьёзно ответил Людиос. – Будут брать интервью у пролетариата. Возможно, нас с тобой делегируют. Люди с высшим образованием мы. Нужен тот, кто хоть как-то лыко вяжет.

- Я вяжу, - буркнул Валентин. – Но я здесь работаю в первый и, надеюсь, в последний раз.

- Не рассчитывай, что сразу уйдёшь, дружище. Тебя явно припашут отвечать на дурацкие вопросы, - сочувственно отозвался Людиос.

Валентину начинал нравиться этот парень. Свежий, здоровый и загорелый – словно прямо с курорта. Впрочем, сейчас осень, учителя только-только вышли из отпуска.

- Зачем подрабатываешь? Даже в школах уже всё так плохо?

- Почему «даже»? В школах – в первую очередь. Учителя плохи – ученики плохи. Качество образования падает. Долой способность к творчеству и тем более крамольные мысли.

- Понимаю.

***

Три раза Валенту удалось поймать поверхностный сон – единственный вид сна, который не подвластен программе «Депривация». Один раз – во время перекура и два – пока он стоял у кузова и принимал груз у щупленького парнишки-астматика.

- Слышь! Иди сюда, - позвал в конце смены бригадир.

Помахал рукой, чтобы Валент шёл быстрее, и сказал:

- У кабинеты директора журналюга сидит. Поди побалакай. Ты ж можаш?

Валент вежливо спросил, в чём лично его выгода.

- Щас накинуць не могу. Придешь ишчо раз – пяць мэ-вэ свэрх.

Они пожали друг другу руки.

Кабинет директора магазина состоял сплошь из хлама: хлам-ковёр, зелёный, пыльный и проеденный молью, такого же цвета хлам-шторы, хлам-стол со сломанной ножкой и хлам-диван, на который взглянуть страшно, не то что сесть. «Журналюга» умудрилась примоститься на самом краешке, где угроза от пружин минимальна. Молодая женщина, сильно накрашенная: глаза обведены жирным карандашом, стрелки чуть не до ушей, ярко-розовая глянцева помада. Кожи не видно под слоем тонального крема. Волосы крашенные – белоснежная блондинка. Ногти наманикюрены в розовый цвет.

«А вот ей не нужна косметика, чтобы быть красивой», - вдруг с тоской подумал Валент. Нельзя. Нельзя вспоминать.

Светло-розовая кофточка и неофициальные зелёные брюки. Как она посмела надеть противный розовый вместе с зелёным? Зелёный - это любимый цвет... Нельзя.

- Добрый день, - бодро отозвалась женщина, поднявшись. – Мэри, «Мир вокруг».

«Мир вокруг» – это столичный журнал, модный и для модных.

- Валент.

- Очень приятно, Валент. Не против, если я задам Вам несколько вопросов? Наш с Вами разговор попадёт в статью о положении жителей Лимба.

Небось спит, сколько хочет.

- Задавайте.

- Отлично, благодарю. Приступим, - она нажала розовеньким пальчиком на кнопку миниатюрного диктофона в виде золотой рыбки. – Валент, Вы работаете в продуктовом магазине грузчиком, верно?

- Сейчас – да.

- Что значит «сейчас»? – весело спросила она.

- Я работаю там, где дают работу.

Она не поняла.

- А по образованию вы?..

- Лингвист. Основная работа – переводчик.

- Так мы почти коллеги! – легкомысленно воскликнула она.

Молоденькая из столицы – тут всё понятно.

- Простите. Мэри, да? - сказал Валент. – Можно кое-что уточнить?

- Пожалуйста, - удивлённо отозвалась она, занеся палец над диктофоном: чуть что – сразу выключит.

- Вы пару лет как закончили университет?

- Да-а.

- И ни разу в жизни не выезжали из столицы?

- Выезжала, но...

- Но в Лимбе не были.

- Да.

Валент сумел разглядеть, что под тональником она покраснела.

- Когда вам дали это задание, что вы знали о Лимбе? Здесь всё тёмное и старое, люди работают за сон, и это очень плохо. Так?

- Честно говоря – да. И именно поэтому...

- Большинство жителей столицы осведомлены не лучше вашего. Не смущайтесь, это в порядке вещей. Я просто хотел предупредить: вы будете шокированы.

Она поняла, что с ним надо говорить начистоту.

- Да, едва я приехала, я испугалась. Я боюсь здешних людей.

- Милая Мэри, вы знаете, что такое программа «Депривация»?

- Да, конечно. Вам вживлены антигипносовые чипы, контролирующие ваше бодрствование, и вы не можете заснуть без помощи деприватора. Усмирение покорённого государства. В столице этого не скрывают.

- Теперь вы увидели, какова она в работе.

- Но Вы знаете, я потому и приехала, - с жаром начала она. – Испытательный срок программы подходит к концу. У нас в Вэлсмаунте активно обсуждается проблема захваченных земель. Мы все видим, что программа бесчеловечна. Лишая сна, вас просто превращают в...

- Договорите.

- Извините, - она кашлянула и покосилась на диктофон.

- Превращают в скот, хотели вы сказать. В этом и есть смысл программы. Усмирение, наказание и дешёвая рабочая сила. Победителей не судят.

- Если Вы от имени всех лимбовцев расскажете об антигуманности применяемых мер, программу не введут в использование. Наш журнал пользуется авторитетом, мыслящие круги, и так уже заинтересованные вопросом «Депривации», всколыхнутся и примут меры.

Он выслушал с горькой улыбкой, которая смотрелась жутко и гротескно вкупе с зеленоватым оттенком кожи и чёрными мешками под глазами.

- Милая Мэри, во-первых, программа давно уже используется. Пять лет испытательного срока, по-вашему, не в счёт?.. А мыслящие круги, как вы их назвали, ничего не сделают. Кто-то не справится, а кто-то и так поддерживает правительство. Понимаю, вам хочется верить в

революцию. А мы вот верили в победу. Война с Вэлсландом уничтожила половину населения Любсторны. Бывшей Любсторны. От которой остался только Лимб.

- Это ведь самоназвание?

- Да. Нам позволили выбрать себе имя. Не знаю, почему не Коцит, - усмехнулся он.

- Валент, а Вы воевали?

- Нет. Пять лет назад я учился в Любгордском университете. Столичный мальчик. Нас щадили, думали, профессиональные военные справятся сами. Потом, когда нас окружили, Любгорд сдался без боя – вы это знаете, думаю.

- Но вы же первые напали.

- Напали. И потому теперь наказаны. Справедливо, да?

- Но...

- На войне как на войне, Мэри. Возможно, мы, любсторяне, сделали бы с вами нечто подобное, если бы победили. Любсторне тоже нужна была рабочая сила, которой легко управлять.

Она хотела повторить, что это бесчеловечно, но поняла, что и так уже выставила себя полной дурой.

- Вы в отчаянье, - сказала она. – Но позвольте мне попробовать? Я напишу статью, выйдет журнал, а дальше посмотрим.

- А дальше ничего. Пробуйте, конечно. Я буду последней тварью, если из-за меня вы провалите задание.

Дальше шло обычное интервью. Валент жаловался, она продолжала спрашивать. Поблагодарила и ушла.

Возвращаясь домой, Валент чувствовал особого рода довольство. Только что он перевернул мир молоденькой столичной модницы. Он видел, что встреча с ним повлияет на её мировоззрение. Эта встреча из рода почти судьбоносных.

«А ведь она не дура. Хочет бороться, правда, но не по глупости – скорее, характер. Вся расфуфыренная, но соображает быстро. И наивная, такая наивная – неиспорченное дитя столицы. Подумаю о ней ещё, когда выплусь. На свежую голову. Нет, но зачем же так краситься?»

***

В парике было жарко, вся голова вспотела. Мэри сняла его, едва скоростной поезд набрал ход. В окне отразилась женская головка с очень короткой, под мальчика, стрижкой. Парик больше не прятал аккуратные ушки.

Имидж роковой столичной красавицы, которая не признаёт неудач и готова идти до конца, абсолютно не удался. Она хотела быть вдохновительницей, пробудить в бывших врагах человеческое достоинство. Оказалась просто-напросто не подготовленной к тому, что увидит. Валент был прав: интервью не прошло даром ни для него, ни для неё. Мэри вспоминала о молодом человеке с жалостью, но и успела проникнуться к нему уважением. Почти её ровесник – а кажется гораздо опытнее и мудрее. Такой пронизательный, тихий и отчаявшийся.

«Наверное, он умрёт скоро», - подумала Мэри и грустно вздохнула.

Золотая рыбка, похожая на тяжёлый кулон, вздрагивала на шее.

Неужели будет так, как он сказал? Я ничего не смогу? Нет же, статья выйдет, а значит, я сделаю всё возможное. Всё? Поднять сопротивление, что ли? Как их поднять? Они ведь физически не в состоянии сражаться.

Нужно поговорить с Эллин. Она успокоит и подберёт нужные слова. Нет, она пожмёт плечами и скажет, что всё так и останется, потому что в игре сильные мира сего. Но как – как может всё остаться? Это же...

Бесчеловечно.

Именно после этого слова Валент посмотрел на неё, будто на идиотку. Вернее, понял, что она и есть идиотка. Для него бесчеловечно – это правильно, это естественно. Но это неправильно!..

Всё, тупик. Послушать, что скажет Эллин. И шеф. Послушать, что говорят умные люди, а не идиотка Мэри в дешёвом парике.

***

Спустя трое суток и десять часов бодрствования он добрался до кровати. Надел наушники, подключил их к тёмно-серой прямоугольной коробочке, стоящей на столе. Экран коробочки засветился светло-серым, проступили яркие зелёные буквы.

18:21 18.10.2051

Доброго времени суток!

Меню: Настройка сна\Режим отхода ко сну\ Оплата сна.

Оплата сна.

Ваша задолженность составляет: 17,71 монету времени. Желаете устранить?

Да.

На вашем счёте в данный момент: 26 монет времени. Ликвидировать задолженность?

Да.

Задолженность успешно ликвидирована. На вашем счёте: 8,29 монет времени. Вы можете приступить ко сну немедленно.

Меню: Настройка сна\Режим отхода ко сну\ Оплата сна.

Режим отхода ко сну.

Имя: В_А_Л_Е_Н_Т_

Пароль: * _ * _ * _ * _

Часов сна: 7

Цена: 2,99 мв/м.

Приступить?

Да.

"Приготовьтесь к отходу ко сну. Пять. Четыре. Три. Два. Один".

Они идут по широкой деревенской улице - такую он видел в детстве, в книжке про какого-то изворотливого плута. Холодно. Он хочет взять её руку, согреть.

Она вырывает свои пальцы из его. Пять порозовевших пальчиков. Он обижается.

- Дай мне перчатки надеть! - раздражённо говорит она.

Они идут к высокой башне, часы на которой бьют четыре. Её ладошка находит его.

- Да хватит дуться. Подержи, пожалуйста, сумку: я и так три тащу.

- Конечно. Давай ещё две.

Теперь у него за плечами рюкзак, а на локте - красный лакированный портфельчик.

Она вдруг обнимает его.

- Минута любви, - шепчет она. - Перестань быть всё время...

Один.

Доброго пробуждения. Время Вашего сна истекло. Итоговая сумма: 20,93 монеты времени. Желаете продлить сон?"

Нет.

Он проснулся и понял, что не кончено – что ничего не кончено. И он ненавидит Людиоса, потому что Людиос был до него, значит, она может вернуться к Людиосу. А он один, и никогда не возьмёт он в свою руку эти пять розовеньких пальчиков. И жизнь без смысла...

Да, без смысла. Надо будет прочитать статью той журналистки. Попытаться раздобыть журнал.

Да, журналистка. Он хотел подумать о ней, когда проснётся. Но Нелли...

Нелли. Нелли. Нелли. Вот он и назвал её имя. Где-то она сейчас? Захочет поговорить с ним?

Ведь мы не ссорились. Она уехала, потому что так надо. Едва роман начался, мы уже знали, что он не продлится долго. Это провидение, или мы собственными руками создали этот ад с одной-единственной мыслью – что всё кончится? Мой ад.

Деприватор пискнул, переходя в режим ожидания. Валент снял наушники и поставил его на прикроватную тумбочку.

- И так будет всегда, - вслух сказал он.

Позвонила Линда. Нашла сверхурочную работу. А он забыл купить конфет. Сейчас надо забежать.

- Ладно, всё не так плохо. Выпью вечером с коллегами. Посмотрю футбол. Заведу собаку. Женюсь на Линде.

***

Статья вышла. Главный редактор похвалил, но Мэри показалось, ему глубоко плевать на содержание - материал есть, и хорошо.

- Шеф, а Вы сами как думаете: введут программу или нет?

Старик взглянул недоумённо - серые глаза блеснули за стёклами очков - и подумал примерно то же, что и Валент: "Молоденькая энтузиастка. Лучше закрыть тему".

Вечером Мэри ужинала с Эллин. Они были знакомы чуть более пяти месяцев, но Мэри считала её лучшей подругой. Эллин недавно приехала в столицу из какого-то пригорода - вот и всё, что знала о её прошлом Мэри. Наравне с матерью и старшим братом Эллин заняла прочную позицию в голове и сердце Мэри, потеснив шефа и даже бывшего. Мэри доверяла ей и интересовалась её мнением обо всех трудных и не очень вопросах.

- Ты правда надеялась что-то изменить? - фыркнула Эллин и пригубила красное вино из стеклянного бокала, не отрывая от подруги глаз, в которых мерцало откровенное изумление.

Мэри пересказала разговор с информантом (большая часть интервью, конечно, в статью не вошла).

- Видишь, они сами прекрасно всё понимают.

- Но ведь он хочет, чтобы было по-другому! - сказала Мэри. - Говорит умно и жёстко, а на самом деле надеется.

- Ты же не пойдёшь в революционерки, - спокойно констатировала Эллин.

Возразить было нечего. Через некоторое время Мэри, разрезавшая куриное филе, подняла голову и спросила:

- А ты... Ты же не из Вэлсмаунта. Как в провинции относятся к Лимбу?

- Могу сказать только, - помолчав, ответила Эллин, - как в Лимбе относятся к Лимбу.

Мэри сообразила через три секунды - Эллин считала.

- Я бежала оттуда. Вернее, всё было законно, разумеется. "Миру вокруг" понадобился сотрудник со свежим взглядом. Моё резюме заинтересовало редакцию, меня пригласили сюда и во избежание недоразумений попросили сменить имя. Я просто переставила звуки.

- И ты не хочешь помочь тем, кто остался в Лимбе?

- Я должна им помогать? Каждый выживает, как может. Это не цинизм, это закон успеха. Да и что я могу сделать? Писать изобличительные статьи? Так меня быстро уберут.

- Я уверена, есть какое-то оппозиционное движение, - вдруг, уже когда подали десерт, сказала Мэри.

- Едва ли. В Лимб никто не ездит, и никто ничего не знает. Мэри, - ласково прибавила Эллин, - не мучайся. Когда в игре сильные мира сего, разве можем мы им помешать?

***

Валент, Эллин, шеф – все они отнеслись к ней одинаково. Глупенькая.

Мэри поднялась на семнадцатый этаж редакции за новым заданием. Миниатюрный планшет лежал на столе и светился красным: «Новое поручение. Для Мэри».

Офис почти пустовал. Всюду темно, а из окна виден прекрасный ночной город. Она обожает Вэлсмаунт – в любом его виде. Днём он – живой и быстрый, а ночью – волшебный и хитрый.

И ещё она обожает приходить вот так, поздно, на рабочее место. Ночью в офисе она чувствует, что с предыдущим заданием жизнь её не кончена, что работа продолжается, что Мэри – не бесполезная, не безделушка.

«А я повзрослела», - хвастается себе Мэри.

Её наивные мечты о справедливости, революции и человечности доказали свою несостоятельность. Шеф – старый и мудрый человек, отлично относится к подчинённым и предпочитает не принимать участия в политике. Эллин – ровесница, а жизненного опыта у неё явно побольше: из Лимба да в столичный журнал – надо же! А Валент – этот так быстро её понял. Понял и всё объяснил.

Это задание – рубеж. Больше она не взглянёт на мир глазами простушки Мэри с золотой рыбкой на шее. И чтобы окончательно покончить с Лимбом, Мэри решает написать Валенту. Он поймёт, как понял тогда. Быть может, он даже знает, что она напишет.

***

«Здравствуйте, Валент!

Я та самая журналистка, что брала у Вас интервью. Пишу не по делу, а так, поболтать. Точнее, излить Вам душу.

Я знаю, что Вы подумали обо мне. Но мне показалось, я Вас заинтересовала (извините за наглость; почему-то не могу молчать). Вы тоже мне интересны. Я познакомилась с другой Вселенной – в Вашем лице. Не сказать, чтобы Вы в одну минуту перевернули мой мир, но я уже другая. Зачем Вам это знать? Незачем. Считайте, это письмо – благодарность, и знак уважения, и желание попрощаться по-человечески. Ну вот, опять «по-человечески» – не буду стирать, чтобы Вы увидели, как хватается за жизнь прежняя я.

Знаете, никогда не строчила таких длинных писем. Сообщения в сто символов – мой предел. Были школьные сочинения, студенческие эссе, рабочие статьи. А письма в наш век кто же пишет...

Но это единственный способ пообщаться с Вами ещё раз. Мы не могли ограничиться интервью, верно? (Надеюсь, что верно, иначе я опять выгляжу полной дурой). Спасибо Вам за то, что поняли меня. Заканчиваю, чтобы не томить Вас. Всего наилучшего!

P.S. Думаю, Вам будет интересно прочитать мою статью. Высылаю её вместе с письмом. И ещё: мне было выдано 27 монет времени на случай, если придётся заночевать в Лимбе. Они тоже Вам – благодарю за сотрудничество. И последнее. Совет столичного жителя: разместите своё резюме в Сети. Вас могут пригласить в Вэлсмаунт. Это не сказки, моя подруга и коллега попала к нам именно таким образом.

Ещё раз всего наилучшего!»

- Милая Мэри! – сказал Винсент, прочтя сообщение с деприватора. Потом:

- Подруга и коллега? Коллега? Журналистка? Я знаю только одну журналистку, которая бросила Лимб. И меня.

И потом:

- Я был прав. Судьба столкнула меня с этой девушкой, с милой Мэри. Мы оба знаем. Написать ей? Или не следует? Ведь она хотела этим письмом разрубить узел между Лимбом и Вэлсмаунтом. Нет, следует сказать хотя бы «спасибо». 27 монет! Вы спасли меня, милая Мэри.

«Значит, Нелли теперь столичная леди, - думал он, настраивая деприватор. – И дружит с Мэри – как тесен мир! И если я размещу своё резюме... Вряд ли, конечно. Но если...»

И он представил, как они с Нелли живут высоко-высоко, в каком-нибудь небоскрёбе. Он – переводчик, она – журналистка. А по воскресеньям они гуляют с Мэри и его друзьями. Шумная, весёлая компания. И всё это подарила одна случайная встреча.

- Ладно, отправлю в Сеть - а там будь что будет. А если не уеду – умру здесь, думаю, вряд ли мы все долго протянем. Пока всё хорошо.

Имя: В_А_Л_Е_Н_Т_

Пароль: Ж_И_В_О_Й_

Часов сна: 7

Цена: 2,99 мв/м

Приступить?

Да.

***

Через три месяца программа «Депривация» была официально принята правительством Вэлсланда. В течение недели после этого полиция дежурила на улицах всех городов в усиленном режиме. Спокойствие нарушено не было нигде.

Bloody Orchid

Цена жизни

Часть 1. В десятый раз.

Я всегда боялся конца, И не важно, был ли это конец фильма или конец дружбы, мне всегда страшно заканчивать начатое, будь то рисунок или школа. Конец для меня всегда обозначал начало, Но начало страшнее конца, потому что в конце ты имеешь результат, а в начале ты остаешься ровно ни с чем. Пустота в душе, пустота в голове. «Наша система образования устроена так, чтобы вы брали знания откуда угодно, кроме учебников, а в конце мы скажем, что это мы вас научили!» Одноразовые знания порождают одноразовых людей. Одноразовые люди порождают одноразовые чувства. Одноразовые чувства приводят к одноразовым лезвиям. Мы не скупимся на ножи, на веревку подороже, на мыло понежнее, и чтоб обязательно пахло лавандой. Проще один раз купить дорогие таблетки, чем полгода травиться дешевыми. Купить банку не паленого йода. Посмотреть расписание электричек на вторник. Потратить время, чтобы больше никому не спешить.

Курить крепкие Malboro Original Red, чтобы не дать возможность воздуху попасть в легкие.

Начать свое дело с нуля, чтобы потом купить яд подороже. Людям не страшно начинать для того, чтобы закончить. Они боятся остаться брошенными, но не боятся бросать. Так почему кто-то боится утонуть в любви, а кто-то в холоде глаз? Почему все стремятся на вершины, но падают на дно? Почему черный свитер уютнее белой рубашки? Почему каждый раз, когда я иду на тоннельный свет, я оказываюсь в реанимации? Почему лучом надежды оказывается свет хирургической лампы? Почему я боюсь конца книги, но не боюсь конца собственной жизни?

Моей маме так идет черный, но почему сегодня её нет в черном траурном платье? В фильмах на похоронах идет дождь, но почему сегодня светит солнце? Люди плачут, когда в книге умирает герой, но почему сегодня все радуются?

Когда в моей семье умерла собака — моя мама плакала без остановки. Когда умер я — не плакал никто, потому что у меня не было семьи. Испугавшись конца, я вернулся в начало, ведь Сатане нравились красные розы, а мне — белые лилии. Но когда наступила зима и растаял снег на моей могиле распустились смеральдо вместо подснежников. Вместо траурного марша я хотел слушать Serendipity, ведь в этот момент я испытывал именно это.

Мой ангел-хранитель обнял меня на прощание и сказал, что за меня ему не дадут повышение. Но он не боится начать все с начала, ведь у конца есть множество вариантов.

Вместо отдыха в Райской лагуне он будет следить за ребенком невинней и лучше меня в сотни, а может и в тысячи. А демон-искуситель взял меня за руку и повел за собой, прочь от пустыря за кладбищем, где стоял только один человек, но я не видел его лица, ведь я шел прочь от святой земли, а он — крестился. «И что ждет меня на том свете? Котел? Информационная стойка?» «Посмотри, какое солнце!» — ответил мне демон.

«С юбилеем!» — сказал его голосом реаниматолог. В десятый раз я смотрю не на яркое солнце, а на эту чертову лампу. В десятый раз я боюсь начинать с конца.

Часть 2. Коляска.

Сидя на скамейке перед клиникой, В больничной пижаме и чем-то по типу тапочек, мечтаю только лишь о затылке, Я смотрел в небо, наполовину закрытое серым зданием, Пустующим многие годы. Раньше в нем была своеобразная церковь, Но католиков нынче мало, И её закрыли за ненадобностью, А пожертвования положили на счет глав-врача в Швейцарии. Он сказал мне, что там они будут целее, но я ему мало верю. Он с таким же лицом говорил, что врачи мне помогут. Что я перестану думать о смерти и стану думать о жизни. Он не учел того факта, что я думаю только о жизни. О жизни, которая приводит ко смерти. Если мне суждено прожить ещё минуту, то я её проживу, Но не ради себя или бабушки, Не ради друзей из лица, в котором меня ни разу не видели, Не ради нового клипа известной певицы,

И не ради дозы нейролептиков и транквилизаторов. А просто от того, что больше не видно вен на моих руках — они покрыты шрамами от сгиба локтя до начала ладони, миллиметр за миллиметром. Работа, ювелирнее маминого обручального кольца. От того, что снотворное больше не погружает меня в мир грез, где легче дышится и нет необходимости плакать от боли.

От того, что в моем маленьком городе в аптеках мне больше не продают лезвия, В канцелярских — ножи, Даже ремонтные магазины перестали продавать мне веревку. Все боятся, что ответственность ляжет на них, но в моем возрасте ответственность — понятие субъективное. И, хоть я тысячу раз писал расписки, Что за жизнь и здоровье отвечаю сам,

Люди боятся подойти ко мне ближе, чем хотя бы на пару метров. Чтоб не быть причастными к самоубийству.

— А что ты делаешь? — раздался писклявый голос стоявшей передо мной девчонки. Хотя, стоящая — громко сказано, ведь её ноги были пристегнуты к инвалидному креслу.

— Мечтаю. — я не соврал, ведь такими вещами мне заниматься привычно.

— О чём?

— О сигарете. О крепкой, горькой, но очень желанной палочке с никотином.

— Но это же вредно! — воскликнул писклявый Микки Маус с колесиками.

— Будешь курить — можешь умереть. От рака. Прямо как я.

— Какое мне дело, как ты считаешь, как я умру? Ты думаешь, есть сильная разница?

— Ты умрешь медленно, очень болезненно, морально убивая родных.

— Я остался один и, поверь, умираю по-дольше тебя. — Это как? Ты что, тоже онкологический?

— Нет, у моей болезни нет одного точного названия, разве только «разложение души».

— Ты правда веришь в душу? Душа же не есть часть тела.

— Я борюсь с болью, но болью не головной. Не с суставной или зубной. Мне не больно рукам и ногам, у меня не болит живот. Нету жалоб на сердце и печень, да и почки, вроде, здоровы. У меня не болит спина, у меня не болят мышцы. Но мне больно, как-будто бы режут и жгут, как-будто бы жарят и варят. Раз боль есть, но нет очага, не значит ли это, что болит душа?

— Да, возможно, ты прав. Но, тогда, твоя болезнь не излечима, ведь души в твоём теле нет.

— Я знаю. Поэтому и хочу покурить.

— Раз знаешь, то что ты делаешь?

— Я же сказал

— мечтаю.

— Ну, так помечтай дома, в уютной кровати, с чашечкой сладкого чая.

— У меня нет больше дома, я живу, словно мусор, самый действительный отход жизнедеятельности.

— Тогда, где ты спишь, когда не в больнице?

— Где получится. Но чаще я вообще не сплю. Зачем ты все это спрашиваешь?

— Мне просто скучно. Как и тебе. Поиграешь со мной?

— Хм, если найдешь мне сигареты.

— Ну, ладно. Она пропала из моего взгляда.

Я надеялся, что она не вернется. Глупый ребенок, стремящийся жить, хотя умирает. Глупый идиот, стремящийся умереть, хотя живет.

— Держи, других не было, медсестра только такие курит. Она протянула мне белосинюю пачку тонких женский сигарет.

— Не важно, спасибо. А ты не бесполезная.

— Так ты поиграешь со мной?

— Во что?

— Ну, как все дети, ты что, не знаешь?

— У меня не было людей, с которыми можно играть, да и детства как такового.

— Так значит ты тоже детдомовский?

— Нет, я из семьи. Но разница только в названии.

— Ты поэтому хочешь умереть?

— А ты поэтому хочешь жить?

— Тебе просто одиноко. Ты не хочешь жить, потому что ты один.

— Нет. Я не хочу жить, потому что на том свете меня ждут.

— Кто же? Твои родители? Бабушка? Брат?

— Собака. Отец убил её, когда она громко лаяла.

— Но не убил тебя, когда ты громко плакал?

— В точку, Коляска.

— Получается, у тебя нет того, ради кого хочется жить?

— И никогда не было. Только собака. Но это было давно.

— Тогда, живи ради меня.

— Ты мне никто. Я никогда не сделаю что-то ради чужого человека.

— Правда? Тогда, пожалуйста, умри ради меня.

Часть 3. Конец.

— Так что, говоришь, у тебя за болезнь?

— Лейкоз. Это тоже рак. Рак костного мозга.

— И что нужно, чтобы ты выжила?

— Пересадка. Вот только нет донора.

— Все не так плохо, ведь ты сможешь попасть в рай и быть всегда счастлива рядом с ангелами.

— Но ведь ты будешь вместе с демонами греть котлы. Мой единственный друг не будет видеть моего счастья и радоваться вместе со мной. Поэтому я буду грустить там без тебя.

— По-прежнему зовешь меня другом.

— Потому что так и есть.

— Ты все-таки очень глупая. Я так и не знаю её имени. Впрочем, как и она моего. Нам плевать на такие мелочи, потому что мы оба разлагаемся со скоростью света, у нас нет времени на имена. Но всегда есть время просто сидеть и молчать на скамейке. Этот ребенок приходит ко мне каждый день после химиотерапии и говорит без умолку о каких-то врачах, людях в коридорах, соседках в её палате, но все эти персонажи настолько второстепенны, что мне откровенно плевать, у кого умер отец, а кто только что очнулся от комы. Да, какое мне должно быть дело до всего этого? Почему люди считают, что они... интересны? Мне поставили кучу громких диагнозов, против воли ежедневно пичкают какими-то препаратами, которые притупляют мои чувства. Но это не значит, что мне теперь не больно. Коляска поставила мне свой диагноз и лечит меня по-своему. Она так играет во врача. Её забавляет клеить мне на руки пластыри, выписывать мне несуществующие таблетки и отправлять в аптеку с рецептом, где мне постоянно выдают гематоген. Однажды она написала мне бумажку, где прописала лечиться объятиями. Это странно, потому что сама она никогда не прикасалась к людям, но считала, что объятия дают надежду на светлое будущее.

— Я и так знаю, что меня ждет, мне они не нужны. Но я тогда тоже знал, что ждет и меня, и её.

Тогда я принял решение, обнял её и просто ушел. Сначала просто ушел с улицы. Потом я просто ушел из больницы, сдав кучу тестов. Но эти тесты дали мне веру в светлое будущее, пусть и не в моё. Я подписал кучу бумаг без согласия опекунов, триллион всевозможных документов, а в конце написал время, место и дату.

***

Через месяц, 19 декабря, по адресу Связистов два, на недостроенной детской площадке, напротив ярко раскрашенного детского садика, в 20:28, я ушел из жизни. Взял у отца пистолет, которым он убил меня в три с половиной года, взял новогодний пакет, который собрал уже давно, сел на скамейку и улыбнулся. На звук выстрела приехали люди на машинах с мигалками и сиреной. Я смотрел на все это, стоя над своим телом и держал за руку уже знакомых мне личностей.

— Ты оставил записку в пакете? Откуда столько человечности на одиннадцатый раз? — спросил демон.

— Так ей нужнее. Это был новогодний подарок себе, ей и родителям. — Ну, что ты спросишь у нас на этот раз? — ангел улыбнулся мне и чуть сжал мою руку. Он делал вид, что ему интересно, хотя на самом деле его уже задолбали такие встречи. Но эта точно последняя.

— Теперь я увижу свою собаку?

***

Маленькая девочка лежала на больничной койке, в палате, украшенной гирляндами, в отделении, где почти все умирают.

— Эй, Лиза, тебе тут подарок... — еле выдавила медсестра, натягивая улыбку.

— Это от твоего давнего друга, ты его ещё помнишь? — она протянула пакет, на котором засохло ровни три капли крови, но на красном Санте они не бросались в глаза. Девочка забрала пакет и села выше, чтоб было удобнее.

— Он все ещё курит те сигареты, что я ему принесла. Они пахнут легким ментолом, хотя он любит крепкие. — Девочка раскрыла пакет и вынула плюшевого мишку в синей толстовке. Он тоже пах легким ментолом. Только через неделю она будет называть этот запах — запахом жизни. На дне пакета лежала бумажка, которую в полиции назвали предсмертной запиской. Медсестра вытерла слезы и вышла, оставив ребенка в одинокой тоске. «Привет и прощай, надеюсь, ты помнишь меня и забудешь так же легко, как нашла мне сигареты. Надеюсь, мишка тебе понравился, но я рад, что ты не назовешь его мои именем. Ещё одним моим подарком для тебя стала моя смерть. Помнишь, ты просила умереть ради тебя? Я так и сделал, прости. Но мой конец станет твоим началом. Ты станешь врачом, ты сможешь прийти своими ногами на мою могилу и принести мне букет белых лилий, таких же белых, как халаты всех этих врачей. Но прошу, не забывай моё имя и не приходи больше одного раза. Не жди меня в своих снах, потому что я не приду, в аду слишком много дел, извини. Моё тело сейчас лежит в морге, прямо под твоей палатой, на три этажа ниже. Но не ходи посмотреть на меня в последний раз, я теперь не в форме. Знаешь, у меня дырка в затылке, и тело все перерезано и перешито. Теперь я — твой донор жизни, а ты — мой донор смерти. Я хочу сказать тебе спасибо за это, ведь теперь я действительно счастлив. Я гуляю вместе с Сатаной и своей собакой по адскому пеклу, по розовому саду Люцифера. В аду не пахнет жжёной кожей, там пахнет розами. Но я по-прежнему жду, когда распустятся смеральдо на моей могиле. Я уже все это видел, слышал и ждал, когда сон станет явью. Прощай, Коляска. Живи.»

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ АВТОРОВ

Дэ Лэн (Гусева Анжелика)	darkness_elfs@inbox.ru
Джолиан Лин (Васильева Виктория)	dzholianlin@mail.ru
Рослякова Елизавета	rosliakova19@gmail.com
Александра Артуа (Аксёнова Александра)	alya.aksenova.99@bk.ru
Носенко (Рудецкая Валерия Валерьевна)	solnze.v@mail.ru
Персиковый Лис (Бушманова Ирина Андреевна)	Pandoraestarka@gmail.com
Сиреневая вафля (Хомиченко Алина Александровна)	alya.xomichenko@mail.ru
Котова Алина Александровна	alina.kotova.01@gmail.com
Лапухова Мария Алексеевна	ddzudi@yandex.ru
Bloody_Orchid	Daddyscat@mail.ru
Петрова Яна Сергеевна	ya.anon-a@yandex.ru
Ярость Алёна	al.yaros2011@ya.ru
Фатеева Светлана Александровна	fateeva.swetlana2010@yandex.ru
Стейси Гарсиа (Андреева Анастасия Анатольевна)	steysi.garsia@mail.ru
Антонио Вест Сальварес (Сорочан Антон Владимирович)	a.v.sorochan@yandex.ru
Nika May (Червоная Виктория Александровна)	nmaypost@gmail.com
Сара Цукер (София Скорик)	nezke@bk.ru
Карлагина Мария Андреевна	familika@yandex.ru
Полякова Анна Михайловна	katsekusia@bk.ru
Айлани Ширр (Дудникова Анна Антоновна)	Vooliron@mail.ru

Сборник прозы
«Сокровенные мысли»
Выпуск 1

Составитель-редактор:
Независимое Издательство «Первая Книга»
Перваякнига.рф